

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

P. O. nel. 8180 s - 3

U. Beethoven Verheiratet
D. J. P. ...

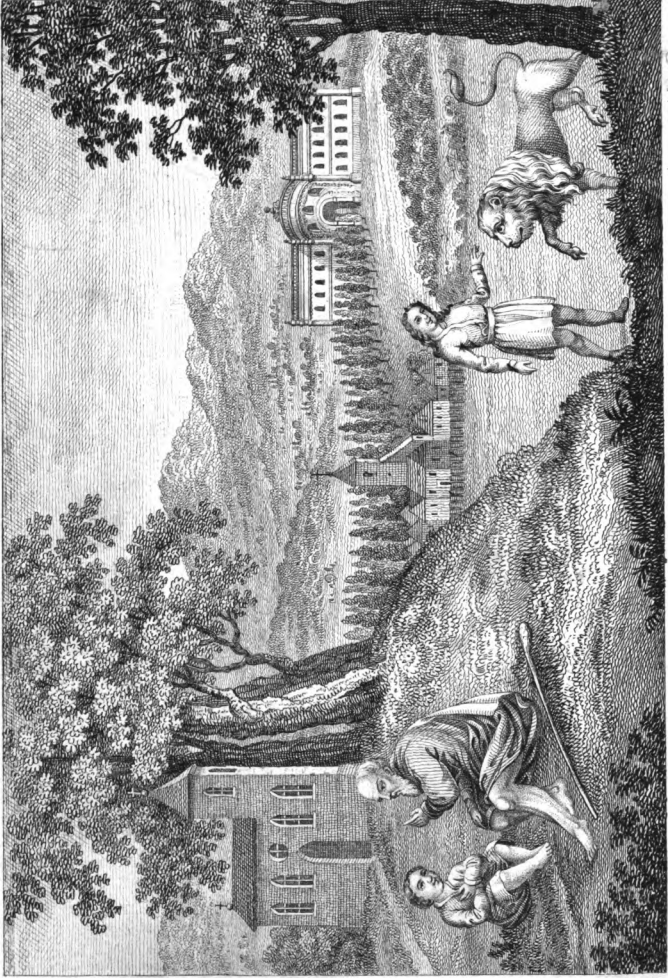
2000

egua us nonna

Masrana Masapshula

Epif. 3.

887.

Иванъ П. С. Пупковъ.

Високопоставленнаго Императора и Императрицы.

2)

ЛЮБОМИРЪ
 у
ЕДИГУМУ,
 или
СВЕПОЗЛРЪ и ДРАЧИНА,
 морална повѣсть,
 сачињена
МИЛОВАНОМЪ ВИДАКОВИЧЪЕМЪ,
III. Частъ.

Друго изданіе.
 Издао
ГЕОРГИЕ СТАМЧЪ,
 изслуж. Словослагатељ Правит. Типографіе.

У БЪОГРАДУ.
 У Правителственој Типографіи
 1858.

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

Честный Стараць сад', прочитавши ово любезно свога Монарха писмо, осмѣнсе и нѣгово священо име у нѣму цѣлуе. Потомъ ходяютьи горе и доле по соби стане разсудѣвати, зашто га Царь тако позива? На што ли му унуке и слугу захтѣва? Онъ опеть погледи у писмо: Иматьу, вели, съ Вама нѣкій рачунь! Хмь! и особитый нѣкій разговоръ. Не знамъ, какавъ бы онъ другій рачунь са мною имао, развѣ, ако му е што о сбывшемсе случаю нашемъ невольнo; но зато тѣмо найлакше! Я тѣу нѣму и устмено казати, као што самъ му и писменно явио. Видимсе пакъ овдѣ нѣшто, да е онъ у намѣренью, ѣшт' нѣко что на мене метнути — продужаваше Старый у себи — и мал' да нетѣ онъ земље одъ Дуке одузети, — и добро бы у томъ и учинио: но додѣ ли на то, да и' вручи мени; я и' заиста примити нетѣу, — не! Ситъ самъ я ветъ тога. Да ми нѣ дѣще: захваліо бы самъ му колико данасъ и на овомъ, а не да вышше примамъ! Не Богме я! Нисамъ я Мрнячевичъ! Приміо бы самъ иначе и срдцемъ и душою; колико бы самъ годъ могао на овы' мои' стары' ледьи' понети; али да е другаячѣ, — но овако не! Я изъ нѣгове къ мени наклоности довольно примѣчавамъ, какво онъ повѣренье къ мени има, и колико онъ чистоту мое душе и срдца почитуе, кое е быстро око нѣгово добро видило; и опеть нисамъ у станию нѣга увѣрити, да онъ у едноме одъ свои' вельможа' едовиту змію у отечеству, као у свои' нѣдри', пита и угрѣва. Време тѣе му ово одкрити; но како касно! И што каснѣ, то съ ветьюмъ обществу штетомъ. Брѣ лукавый лисаць съ дана на данъ осилявасе, и средства, коима бы могао кадгодъ заузданъ быти, съ дана на данъ одузима, орудья

себи оштри, и свима добродѣтельными, на кое е онъ курячко свое око бацію, яму копа. Съ каквомъ дакле вольомъ зна честанъ мужъ дѣла и приимитисе? Како ли може неправду и убитачну притворность, коя се за найветъу добродѣтель издае, и очима гледати, да се не люти, и кою не рекне? А противъ такога што ретьи, значи, себе у погибель бацити. Но шта Богъ да!

Сатимъ сад' погледи крозь прозоръ, и види Светозара и Чедомиля на двору, гдѣ са слугама конье сѣдлаю да по обычаю шетатисе изидьу. Онъ повуче за звонце, на кое удѣе му еданъ слуга. Оправите, рекне му, и мога коня, и кажи Младитъима и Буряму, нека не иду, но нек' се лѣпо обуку, — итьитье са мномя у Столаць. То рекши обучесе и самъ чинно и сидѣе къ дѣци у дворъ.

Драгина, држетъи Светозару коня за узду, да се полне, пркосаше му, што не оде у шетню. Айдете дѣцо, рекне Отаць, полюбите Старома (Палимону) руку, па да се иде. Како се на ньему види, тежко тѣмо га сиромаа, кад' се вратимо, жива вынше и застати.

Милисса, Косара и стара Егдоѳіа прилѣжава'у о овомъ болномъ найусерднѣе, а собито любезна ньегова унука, коя му при постельи сѣдетъи ни очію свои', у сузама огрезнуты', съ ньѣга не скидаше.

Я съ дѣцомъ полазимъ у Столаць, рекне Старый снаи. На кое ове све три погледе. Царъ тѣе ме, приложи, довече тамо чекати, и писао ми е, да му идемъ. Тако и дѣцу водите? Тако ми пише, да водимъ и нѣи и Буряма. Косара на то воспряне и устави погледъ свой на Старогъ: Отаць! А да нетѣете Вы сад' подъ какавъ одговоръ за ону буну дотъи? Е да! зато се ѳіе бояти, — я самъ Ньѣга о свему извѣстнымъ учинію, а знатъу и устменно казати. Зато, велимъ, цто zove Светозара и Буряма! Е маміце! Па зашто бы мене звао? приложи Чедомиль. Тебе, сыне, вальда зато, што га ниси у Призрену доченао,

него си по'нтао дома. Е да! Я самъ се явио Цари-
ця и она ми е дозволила.

На то и болный отвори свое тамне очи. Лю-
бомиръ му приступи: Прости ми, Брате! цѣлюю-
тъи се съ нѣмъ рекне му, я ево съ дѣцомъ по-
лазимъ у Столаць. Царъ ми самъ, кой тѣе тако-
дѣ данасъ тамо сгитѣи, пише, да му та-
мо идемъ. Болный на то захтѣ, те га мало ис-
праве, къ коме сад' дѣца приступе, и руку му по-
любѣ. Онъ и сви' трое слабыма рукама пригр-
льивши заплачесе и благослови и', па опетъ
спусти немотъну свою главу на постелю и са-
свимъ утишасе. Гледайте, рекне Старый, и при-
лѣжайайте о нѣму, — я итъи морамъ, и ако бу-
де Божія воля, да се прѣстави, а мене бы Царъ
дужже задржао, и не бы самъ дотѣи могао: учи-
ните справъ нѣга дужность, као што му пристои,
а можно, да тѣе Вамъ данасъ и Косма дотѣи. Ми-
лисса Сынко! Знамъ, да те срдце боле, и не ка-
жемъ ти, не плачи, но притомъ дѣте мое помы-
сли, да намъ е онъ доста и поживио, да онъ чест-
ный свой животь срѣтъно свршуе. Зато умѣри
себе, и помысли дѣтери моя као добра Христѣан-
ка, да иста смртъ нѣегова сад' намъ нѣга ед-
номъ рукою одузима, а другомъ му врата у вѣч-
ный животь отвора. Заплачусе сад' сви ту при
нѣму и ужегу му свѣтъу. Ово сад' нашегъ Го-
сподина мало одъ пута задржи. Сви стотѣи бол-
номе при постельи у найдубѣемъ тѣтанью сма-
тра'у га, како имъ се ти'о на другій свѣтъ одправ-
ляше, и како му смртъ благосовѣстну ду-
шу нѣегову лагано и безъ болова одъ ста-
ростью ослабѣенна тѣла разставляше. Кад'
ал' онъ опетъ наеданпутъ очи свое отвори
и наново имъ проговори: Милисса, вели, дѣте мое
мило, я задоволянъ умираемъ, — ты си срѣтъна! О
како ми е жао, што ми Косма дома нѣе! Настой,
чедо мое любезно, да и Косма свагда съ тобомъ
орѣтъанъ и задоволянъ буде. При овомъ заиште
Юшт' еданпутъ малога Светолика, кога му одма
и донесу. Но текъ што га умилно погледѣи, заве-

же му се взыкъ, послѣдній лучаць слабогъ живота ньеговогъ при угаснутью своємъ затрепета; онъ се на то мало стресе и као да заспа, тако ти'о испусти духъ свой. Богъ да те прости! рекне Любомиръ, — како в блага смръть предъ Господемъ преподобныхъ его! Затимъ цѣлива га и съ младити свои кренесе на путь.

У путу погледи на Светозара и Чедомила, гдѣ се за Старымъ смутили бя'у, и почне и' разговарати: Вама в жао, дѣцо моя! за нашимъ Старымъ. И мени в жао, зато, што га вышше нигда овдѣ на земљи видити нетьемо; но кад' помыслимо, да в то свеобште жребіе наше, и да мы иначе у другій животь ступити не можемо, развѣ чрезъ мрачный гробъ: то не треба да жалимо, а особито о ньему, кой намъ в, Богъ да намъ га прости! довольно и честно поживіо. За ньега заиста ніе было вышше живѣти. Вы сте видѣли, колико га в старость обременила была. Ноге су га были издале, зубе погубіо, вида се лишіо, тѣлесни органи у ньему ослабили, чувства се лишіо, тако, да ветъ сирома'ъ на овомъ свѣту ништа ни уживати ніе могао, — и слѣдователно, да в дужже живіо, само бы бѣдно поживіо: — Овако пакъ, низложивши тѣлесно бремя, сву теготу на еданпутъ избѣже. Чась наше смрти, дѣцо моя, приложи имъ Старый, есть часть нашега у больій животь родьенья. Истина, не може быти, да и не пожалимо, ерь да намъ в такво чувство съ нашомъ къ коменибудъ любовлю саюжено одъ саме природе познаемо, и што в наша любовь ко коме ветъа, то в и ово чувство у нама ветъе, и силніе насъ мучи у случаю, кад' се лишимо онога, кой намъ в тако мио и любезанъ быо. Мати бѣдна умире за сыномъ, сестра за нѣжнымъ братомъ, вѣрна супруга за добрымъ своимъ другомъ вышше пута' као ума лишена и у самъ гробъ ньеговъ стрмоглавъ полети, и т. д. и све ово быва по слабости нашей човѣческой, кою мы, ово разумомъ, а ово упованіемъ на милость Божию валя да растварамо и себе да умѣравамо, да по-

знавши разумомъ законъ естества, садржаваютьеъ у себи дивный поредакъ Божій, не усудимо се изванъ нѣи' ништа захтѣвати, будутъи бы смо то суетно чинили, но да имъ се трпѣливо подчини мо, и упованьемъ на Бога да све, што намъ се естественно и вольомъ Божиомъ сбуде и догоди, помыслимо и духъ и сердце наше о томе твердо увѣримо, да е оно за насъ по себи добро, но да мы само слабымъ и ограниченнымъ умомъ нашимъ не можемо да постигнемо, како е оно добро, будутъи да око наше оно видѣти не може, што е Божество одъ нѣга у настоетьемъ животу нашемъ сакрыти хотѣло.

Они овако у разговорѣ приближава'усе къ замку. За'одетьу сунцу Старый намъ понагли, да бы ту у двору долазакъ Цара предваріо, и нѣга тамо дочекао. И т'чо съ мракомъ скоріе они него Царъ приспѣду. Старый сад' овдѣ све готово застане, како тѣесе Монархъ дочекати. Онъ, пошто се съ Двороуправителемъ и прочима ту поздрави, и о нѣки' потреба' йошт разговори, заповѣди Буряму и Светозару на конѣ сѣсти, и съ градоначальнымъ Полковникомъ и нѣкимъ чинломъ воинства предъ Цара изити; а самъ съ нѣколко лица' подѣ лагано у разговорѣ пѣшице къ селу; одкуда тѣе имъ тай великій гость и дотѣи.

Ти'а свѣтлость мѣсеца озаряваше имъ одну зелену поляну, коя имъ село одъ Двора разставляше. И текъ што сад' нашъ Старый Господинъ съ дружествомъ на ову изидѣе, засвираю трубе, кое огласе долазакъ Владателя, кой имъ се укаже на свѣтлымъ колима измежду два' реда' войника'. Старый сад' по'ити къ великимъ вратима Двора, и ту га дочека. Но Газда! поздравившисе Царъ рекне Любомиру, е л' готова вечера? На кое овай: Ваше Величество! Ово е газда и доматинъ, указуютьи рукомъ на Полковника, коме самъ, вели, и самъ у госте дошао. Сатимъ цѣлуесе съ младымъ кралемъ, кой такодѣ съ Отцемъ бѣше дошао, и съ Богданомъ Юговичемъ.

Светозаръ и Чедомиль машесе Цару за скуть и полюбѣ га. Царъ и погледи: О! о! Гиздавцы! Вы есте! Коликій ти намъ в овай нарастію Любомире! рекне за Светозара. Како є? Ё л' было што? Юшт' бы рано было за нѣга, одговори Старый. А! Рано? Што раніе, то болье! Юшт' онъ, Ваше Величество, придода опеть Любомирь, валя да се учи. Сатимъ удь у Дворъ. Младый Краль узме сад, Светозара и Чедомиля у другу собу; а Царъ, узевши Старогъ за руку поведе га преко сале на едно канапе. Добрый Старино! рекне му, нек' намъ се прочи мало по соба шетаю; и мы тьемо овдѣ поразговаратисе, докъ насъ на вечеру не позову. Кажи ми, молимъ те, и опеть, когъ є врага овай съ отцемъ своимъ чинію? И какву си и ты кабалу съ нѣма имати морао? Любомирь му на овай вопросъ укратко, но съ живымъ израженьемъ и смыслено искаже. Онъ не само да Дуку извиняваше, и као добрый нѣговъ пріятель лѣпы рѣчій предъ Монархомъ о нѣму проспе и изговори; но и сына му много опере и погрѣшку му умали. При свемъ томъ онъ по патриотскомъ своемъ духу не може пропустити, да лѣпымъ начиномъ Цару не даде познати, да бы добро было, оне земље, као пограничне и новозавоєване каквомъ войводи вручити и подъ управленьє предати, но тако, да и ко при зависимости одъ Бучина на неизвѣстно време притяжава. И ты то за добро на'одишь? За добро, Ваше Величество! и изъ довольногъ узрока я то за добро налазимъ. Но! Довольно, любезный мой! У овомъ смо еднога мнѣнія. Я самъ исте земље другомъ и предао, и на тай начинъ, као што ми и ты кажешъ, и мыслимъ, да се нисамъ ни у томъ преварио, коме самъ и предао, — Шта ти се чини? Ніе л' Богдану? А! Не! Марку войводи! Добро є! Ё л' добро? Добро! Ваше Величество! И Дука є и самъ, пре, нежели тье му Вістіаръ о томъ споменути, своевольно ресигнирао, и сына смо му дали у войну, и то му е отаць самъ такодѣ захтѣвао, — тамо тьесе може быти болье научити памети. Та оно є читавъ

бунтовникъ постао! Имао бы самъ овдѣ зашто и тебе покарати (наслонивши му руку на раме и смѣшетьсѣ рекше Царь) да нисамъ само у намѣренью, за нѣшто те молити. Ваше Величество! одговори честный Стараць, може мени заповѣдѣти, а не молити. Бре бытъу задоволянь, ако съ такимъ свѣтцемъ и съ молбомъ на край изидѣемъ. Не смѣсе, добрый мой Старино! за овако што тако лако ни заповѣдати, ерѣ я познаемъ и предѣле мое. Али кромѣ све шале, немой ми одретья, ни изговоре коекакве правити! Изволте ми, Ваше Величество, желю вашу одкрыти, и съ онымъ, што одѣ мене могутѣ буде, есамъ заиста къ услугама Вашимъ готовѣйшій.

Добро! любѣзный мой Соколовичь! Я потребуемъ за Црну Гору Мужа едногъ, но Мужа, у комъ бы земля ова Ваше добродѣтели имати могла. Она остае подѣ титуломъ Княжества, но я самъ е сад' на двѣ Жупаніе раздѣлю, — я одтуда сад' и идемъ. Шта мыслите. Земля е она, као што сами знате, мало на страни, и одѣ скиптра мога поудальена, а духъ е онога народа силанъ и одѣ свега любви слободу свою, — слѣдовательно боимсе, да мое нове уредбе, кое сад' и кодъ нѣи' увести намѣравамъ, немаютьи Юшт' о нѣима чистога понятія, не почну ружно и наопако толковати, при чему могла бы имѣ се натѣ каква немирна глава, коя бы и Юшт' ветѣма подпала, и на бунтовство подигла; а ово бы, Боже сохрани! ружнымъ примѣромъ, и на соблазнъ свима прочымъ, Юшт' не тако у новымъ законима утвердѣннымъ Провінціама служити могло: а иначе Вама е добро познато, да су мени Црногорцы моя десна рука, и да се готово све проче земље на нѣи угледаю и нѣима подражаваю. Зато, велимъ, бодрость овога народа и благостоянье нѣегово изискуе намъ мужа Вашего разума, Ваше оне умѣрене, и нѣкомъ отеческомъ добротомъ растворене строгости и Вашего стрпльенья. Дайте ми дакле таквога! Но правый Соколовичь да буде. Цр-

на в Гора државѣ наше одъ стране западне крыло. Око ньено валя да на све наше новозавоеванне землѣ увѣкъ отворено буде. Я есамъ Царь, но разговарамсе съ Вама, као са избраннымъ нашегъ политичкогъ тѣла членомъ; есамъ глава, кой починаемъ, но Вы сте членови, кои са мномо еднako валя да садѣйствуете, и о обштемъ благостоянью дома, не мога, но нашега, не Немањичья, но народа Србскога, попеченіе са мномо согласно носите. А да в свеобште согласіе и хармонія политичкомъ тѣлу и држави здравлье, то не треба да я Любомиру казуемъ.

Ваше Величество! Мы и есмо дужни, и гоштъ съ каквымъ смо усердіемъ и радостью дужни о благостоянью нашегъ отечества промышлявати, любезногъ нашегъ отечества, надъ коимъ никада зарь и ніе овако сунце срѣтѣе сіяло, кое му в садъ, Богу хвала, подъ благословеннымъ скиптромъ Вашимъ засіяло: но заиста ли Вы захтѣвате, да я Вама таква мужа за нашу Црну Гору назначимъ? Я то постоянно одъ Васъ захтѣвамъ, рекне Царь, и погледи на Богдана, кой имъ такоде садъ удѣе, и до Любомира на свилено канапе посадисе, — то захтѣвамъ, повтори Царь, и таквогъ валя да ми Вы надѣете! Старый, мало потьутивши, Добро! Ево га! Богданъ? Па зашто не? Вѣруемъ! Но мени треба, кой тѣе у Црной Гори непрестанно и обывавати; а то одъ ньега быти не може. А! И обывавати! То онъ и не може, нити валя да буде, — онъ мора при Вашемъ Величеству быти. — Я имаю едного, рекне Царь, мужа по срдцу момъ; но не знаю, шта тѣете ми Вы за ньега ретьи? Я? О Ваше Величество! Я знаю, да се Вы у таквомъ послу не варате! Я и мыслимъ, да се не варамъ; но я опетъ безъ Вашегъ на то саизвольенья то учинити нисамъ радъ. Старый на ову рѣчь смысленно повуче очи на Монарха, и дигнувши рамены: Не знаю, вели, докле се не извѣстимъ. Безъ могъ саизвольенья! Како то разумѣвате? Еда л' в онъ у моѣй власти?

Вышше, нежели у моѳой! я нѳега морамъ моли-ти. Старый, сѳтъяютьсе мало, осмѳнесе: Царско, вели, моли, готово в заповѳдати, но и не знамъ, придода, кой бы тай и быо, кой бы себе за спо-собна признао, а такво подношенъе не бы себи за особиту милость прїимити хотѳо? Јо! Има лю-дїй свакояки, рекне Богданъ. Не заслѳпљивасе сва-кій свѳтломъ титуломъ. Ово нѳшто наравно у людма быти познаемо, да они, кои су управо до-бродѳтельны, и осѳтъяю себе за какво достоин-ство савршенно способне, свагда се мало натрагъ затежу, и држеѳи на свой честный карактеръ нетъе да се наметъу, — шта ѳошт' вышше, нѳ-кій путь и кад' имъ се званїе какво и доброволь-но подноси, но они, видетьи, колико и' има про-чи, кои су се на такво устремили, и безобї изно-силомъ се утурую, да до нѳега додъу, уступе имъ мѳсто свое, и траже опетъ свою тишину. Вы има-те право, любезный мой! рекне Старый; но опетъ, гдѳ вр'овна власть, коя безъ лицезрѳнїя избира-люде, способне за какво дѳло, признаваюѳи у нѳима будутъу обштельству ползу, надъе такве и позове и': то они не треба да изъ нѳке учтиво-сти слабїмъ и неспособнїмъ уступаю, будутъи да тимъ вредъ нѳкій обштельству чине, ков они, ако су благодушни, не валя да творе. — Вѳруемъ Го-сподине, но има и власти, коя добрымъ окомъ погледи на оне малодушне ласкателье, кои предъ нѳомъ пузе. Имате право одговори Старый, по несрѳтъи и то быва, и я знамъ, да Нѳегово Ве-личество данась превали преко езика за Црну Гору — О! о! — предвари Царъ — колико бы и' было, кои бы као гладни вуцы на онакавъ зало-гай са отворенныма челюстима полетѳли, — али: Мнози суть звани; мало же избранных! Но да мы много рѳчїй о томе овдѳ не сборимо, прило-жи Монархъ, нарочито моя в воля, да се Вы ово-га званїа прїимите, и Вы сте тай, за кога я Вама реко', да имамъ еднога. Вы мени Губернаторомъ у Црной Гори валя да будете, нити ми се што на старость изговарайте. Истина, приложи Юго-

вичь, да званіє ово и нів безъ труда; но добра су Юшт' и пояка плетъа ова, а на просѣду браду не треба ни да гледамо.

Я самъ одма, рекне Старый, изъ рѣчій Ньеговогъ Величества примѣтію, да Оно на мене цѣль свою управля; — но молимъ понизно — — Не, не, молимъ, возрази Царь, то в веть сасвимъ свршено. Видишь Брате, сад' су тамо, као што ти реко', двѣ Жупаніє, и у свакој има по три войводе. Люди су сви добри, и они тье зависити одъ тебе, такодѣ и оба Жупана. Ты тьешь само поередствовати медь нѣима, нѣи зауздавати, у согласіє и' свагда лѣпымъ начиномъ приводити; и медьбу нѣима равновѣсіє у твоіой руци држати. Магістрати и сви Судови теби се подчиняю.

Старый, потьутивши ма'не главомъ: Хмь! Хмь! Хмь! На мою душу не вѣрую ми Ваше Величество! Богдане Брате! Дозволте ми изразитисе. Ова стварь, и дѣло оваке важности, и не валя да изненада и као мимо'одно с'удесе и сврши. Ваше Величество! Я Вамъ смысленно кажемъ, да то бремє нів веть за мене. Я самъ старъ човѣкъ! Шта мыслите? Хмь! Слушай га сад'! Я самъ казао, да тьу тежко сь нѣимъ, и сь ньеговымъ на старость ньегову изговоромъ на край изити. Али молимъ, Ваше Величество! Дозволте да изговоримъ. Я самъ старъ, као што ме видите; а дѣда су моя за то Юшт' млада. Сестрић мой естъ добарь и мужь зрѣо, али онъ є човѣкъ наравити'є. — и молимъ, зашто не бы Ваше Величество за Црну Гору узели — Нема ту ништа, Господине, при'вативши рѣчь повиче Богданъ, дѣло в ово веть и увеликомъ Совѣту свршено, Вы тьетесе суетно сад' изговарати. Вы валя да сеприимите, и по смрти Вашой да мѣсто Ваше заступи Светозарь, а Косма тье му и Братъ быти поможьницы. Кад' бы сте ми могли, приложи Старый, сад барь 15. лѣта' изъ числа мой' година' избрисати! Старинно! При'вативши опетъ Монархъ, у онако мѣсто сад' долазишь, гдѣ тьешсе, Богъ и душа, подмладити. Мени нѣии у Совѣту рекоше,

ево некъ Вамъ Богданъ каже, да Васъ пошлемъ у Цариградъ, — о и како бы ми то нужно было, да сте ми Вы ондѣ! али тражио самъ, шта е за Васъ лакше, и гдѣ тѣе Вамъ быти пріятнѣе. Зайста и я самъ желію, придода Юговичъ, да е могло быти, баръ кою годину у Цариграду да будете, докле бы се само нови наши закони по Магістратима нѣинимъ омилили; зашто су Цариградѣани врагови велики: но ништа они нетѣе мотѣи ни предъ оныма, кон су тамо постављени, врдати и штогодъ почете. Не бы ми было, рекне Царъ, тако и неповольно, да почну, и волю бы самъ, да они сами са своимъ Царемъ одъ стране свое Уговоръ наруше, нежели да то одъ стране наше буде, па бы самъ имъ онда показао, боимъ ли се я анаееме нѣине? Не знамъ, ко бы се, Ваше Величество, томе ветъма и радовао, нежели Гойко, рекне Юговичъ. На ову рѣчь Любомиръ погледѣи на Богдана, и Царъ, примѣтивши изъ нѣеговогъ погледа, да онъ о Гойку не мало негодуе, као и о брату нѣеговомъ Вуку: Е, Гойко! вели, Гойко некъ чува само границе! Познавмъ я Гойка, гдѣ онъ и колико важи. Но тако, мой любезный Соколовичъ! Вы тѣетесе у име Бога што скоріе у Црну Гору преселити. За Васъ е тамо све уредѣено. Дворъ Вамъ е оправљенъ, само да удѣете у нѣега, па како шта у чему за наиболее надѣете, онако поступайте. У Епископу тѣете имати мужа по Вашемъ срдцу, — онъ се радуе Вашемъ тамо долазку.

Старый нашъ на ово ти'о смѣшетѣсе извѣяше бркъ свой: Я не знамъ, душе ми мое, рекне, како да се примимъ? И зашто такавъ посао нарочито на мене да падне? Та имамо за волю Божию мы людѣи за такво званіе много способни! Стариво! Хотѣешсе ты инатити самномъ? Молимъ те Богдане, зашти ми вдне ножнице, да му сву браду ову острижемъ, кад' ме не слуша. На то унесе имъ се у другу собу и вечера. Старый садъ устане. Ту удѣе я Младый Краль са Светозаромъ и Юант' нѣкима одъ Госноде. Старый учтиво Ца-

ру поклонившисе: Я дакле, Ваше Величество, рекне, съ найдубльимъ моимъ и подданичкимъ почитаніемъ испунявамъ Вашу волю, и, кад' иначе быти не може, приймамъ са усердіемъ на себе то исто бreme, кое изволисте на моя стара ледъа на-товарити. Завѣштавамсе притомъ, да колико ми силе допустиле буду, трудитьсє, трпѣливо га носити, и сваку точку овакогъ званія вѣрно и попечително свагда испунити. Право! Любезный мой Соколовичь! веселымъ сад' лицемъ одговори Царь, — Право, загрльивши га, Богъ да Вамъ силе здравльемъ подкрѣпи, и на обшту ползу народа нашегъ лѣта Вамъ приложи! Да обновитса юности Ваша яко орля, и да не оскудѣють днѣи Ваши, баръ докле и я живимъ. Сатимъ намигне на Богдана, а оваи на Буряма, те изъ друге себе зовне прочу Господу, кои сад' намъ Старогъ счєпаю, и съ веселымъ усклицаньемъ дигнувши га, и у другу собу къ поставленной трапєзи носєтъи: Многая лѣта! одною му.

Сад' сѣдаютьи око' астала Царь поглєди на Буряма, кои му за ледъа, дворити га, додѣе. Та е л' намъ ово онай? смѣшетьсє упыта. То е, Ваше Величество, Бурямъ Татомиръ. Ао! юначкій сыне! рекне му, ал' ти си замашанъ! Добро га е заиста мати доила, рекне Богданъ. Овога момка да са собомъ водите, приложи Царь до себе сѣдетьемъ Любомиру, врь слушао самє о ньєму, да е здравъ юнакъ, а притомъ да е и главе добре бсть! Ваше Величество, финый младить у свєму, вѣранъ ми е и добаръ ми е. као да е одъ мов собственне фамиліє, нити га я одъ мой' одтудъавамъ. Валя му што учинити, придода Царь, — оваки су намъ люди у случаю крыла. Светозарь, сѣдетьи при столу младогъ Наманьитьа, узме на умъ знакъ Старога, устане, и одъ дворослужителя приими служавникъ са златнымъ пєаромъ и послужи Цара. Живъ и здравъ! рекне му добрый Владѣтель, овако тьєшь ты мене и у Црной Горѣ послужити, кад' ти у гостє додѣемъ. Коя му е година? ти'о упыта Старога. Вєтъ у имє Бога

настае му 18-а. Е! добро! Може намъ веть войвода быти. А шта чини душе ти моя Косара? Ё ли здраво! Цѣлуе Вашемъ Величеству руку, здрава е, Богу хвала. Она као удовица вальда се сад' наново подмладѹе? Да видите угоиласе сад', и то е чини временитомъ, иначе заиста се у лицу подмладѹе. Сад' їой е пуно срдце, кад' погледи на ова два сокола, а безъ шале, не пытамъ за мою Драгиню, мою несудѹену снаю? Люби руку свомъ Цару раба, здрава е. О любезно дѣте! Но Бога ти, шта чекашь? Я самъ дакле больїй отаць; а добро самъ такодѣ и дѣте довео, — шта ти се чини одъ мога поступка у томъ? Да сте ме предѣе о томе упытали, знао бы, шта бы самъ Вашемъ Величеству рекао быо, а сад' кажемъ, добро е. Имате право! я и есамъ мало по'итїю. — Чуо самъ и одъ други' за овогъ Вашега, да е доста окретанъ, и да се у тѣсномъ мѣсту добро съ мачемъ владати умѣ? Старый на то као поносито: Соколовичъ да се съ мачемъ не умѣ владати! Царъ погледи на проче: Люди Божїи! вели, мени се чини, да я овогъ нашегъ стародъ войника не бы дуго молю да прїими команду, као што га едва намолисмо за Губернатора. Они овако у шальивомъ разговорѹ при столу проведу подоро време. Найшослѣ устану одъ стола, и Господа подѣу по собама шетатисе и у ти'омъ разговорѹ клавиръ и харфу слушати, узъ коя мусїчка орудїя и двѣ прекрасне дѣтери Градоначалника, Анна и Іуліанна, лѣпо имъ пѣвау: а Царъ съ Богданомъ и Любомиромъ сѣдну на едно канапе, и пїютья нѣкїй еей, одъ когъ имъ се цѣлый дворъ мирисомъ испуни, почнусе лагано разговарати:

Добрый мой Соколовичъ! рече Царъ, моя бы воля была, да бы сте се Вы баръ до еданъ мѣсець дана' съ цѣломъ Вашомъ фамїліомъ сасвимъ тамо преселили. Загорачкїй Вамъ е предѣль добро познать. Мы смо дакле заключили, да Вы цѣлый тай предѣль, сву страну ту чакъ до Шкутарскогъ Ёзера съ обѣ стране рѣке Бояне подъ Ваше собственно надзирателство прїимите, пакъ

ма' Вамъ е воля у граду Подгорици обитавати, или у Пиперину, дивномъ ономъ подъ планиномъ замку, а видитеете, како Вамъ е сад' лѣпо оправльенъ. Не, Ваше Величество. одговори мудрый стараць, совѣтнѣ е, да я у Пиперину, као у мѣсту Княжества обитавамъ, нежели у Подгорици преко рѣке. Е ли? Но! То ми е драго! То самъ и желіо! Уроше! Сыне! Ево намъ старый нашъ Господинъ Соколовичъ захтѣва, да у Пиперину сѣди. Имаю право, одговори Младый. Е, сыне, кад' е тако, а ты ето учини оно, што си одъ мене захтѣвао. Теби е познато, колико я овога старога Хероя любимъ, — я самъ нѣму зато и поручіо, да свое унуке доведе. Ево они су овдѣ! Хотѣу, да имъ Ты изъ Твои' уста' предашь, ерѣ Ты и еси одъ тога Господаръ, зашто самъ я то Теби поклоніо.

Младый Неманьичъ, умильенъ, рсмѣнесе и Светозара погледи (Царъ намигне на проче): Я Теби, любезный мой Светозаре, рекне му, данасъ ево предъ Свѣтлымъ мовимъ Родителемъ и Твоимъ Монархомъ, и предъ свим' овым' честным' лицамъ и господомъ покланямъ Пиперинскій замкъ, купно съ цѣломъ земльомъ, шумама и поляма, коя му принадлеже, да буде ово еданъ вѣчный и вѣштественный знакъ наше дѣтиньске любви. Ваше Кральевско Высочество! возрази Светозаръ, такавъ священный знакъ Ваше царске милости мене вышше може быти сад' обвезуе, нежели тѣсе я игда у станью видити, каквыма услугама достойнымъ нѣега учинитесе, и зато благодарити мотѣи. И будутѣи да Вы, Господине и старый Херою, приложи Царъ Соколовичъу, одлазетѣи тамо собственно Ваше село Савине овдѣ оставляте: то я Вама покланямъ она три прекрасна села: Пиперь, Убаву и Дреноваць. Покланямъ Вамъ, да буду Ваша и Ваше Фамиліе на вѣки. Старый на то са своя два унука приступи къ Цару, и найчувствителнѣ му захвали, завѣштаваютьѣи му одъ стране, како свое, тако и дѣчине, сваку подданнику вѣрность, и сваку у све-

му могутъ услугу. Притомъ обѣтъся Царю, да тѣсе и пре мѣсеца дана у Црну Гору преселити.

Каже потомъ Царь Любомиру, како е онъ веть еднога одъ Вельможа свои наименовао, кой тѣе ту у Саввине дотѣи, и сва она села подъ свою управу приѣмити. То исто вѣче милостивый Монархъ я Буряма единымъ отъѣинымъ звакомъ за нѣегову храбрость почествуе и богато га обдари.

Другій данъ попечителный за свое любезно отечество владѣтель зору и не одспава, но кренесе на путь. Та какдо то, Ваше Величество! рекн Градоначалникъ съ прочомъ ту Господомъ, Вы буновныма ни изспава тисе не дозволите? О Вы лѣиштине! одговори имъ благій Монархъ, хотѣете заръ, да васъ сунце у постельи застане? Нека намъ они, любезни мои, спаваю, и юшт' одпочиваю, кои су намъ се юче у полю зноили, кои насъ лѣбомъ ра'не и надъ коима е насъ судба поставила, да надъ нѣима бдимо, и о спокойномъ се нѣиномъ животу старамо. Погледайте, вели, на овога подъ сѣдомъ брадомъ старца, кой е си ноть найкасиѣ са мною легао, и пре мене веть е буданъ бѣо, обукаосе лѣпо и готовъ чекао, да насъ испрати; а вы бы сте тако млади юшт' спавали.

Сатимъ сѣдне у своя кола, у коя узме Любомира и Богдана, а прочи съ Младымъ Кралемъ на коньма подѣу. Царь сад' нашего Старогъ цѣла два дана одъ себе не одпусти. Онъ подѣе съ нѣимъ крозь села, подъ управомъ Старога бывша, у коима све, што е годъ по нѣима лѣпо и поредачно видю, Староме приписиваше и нѣему благодаряше, и похваляютъи га уподобляваше га Патріарху Аврааму. Третій данъ Любомиръ нашъ, испративши Цара до близу Призрена, одпростисе съ нѣиме, и вратисе съ младитѣима своима и съ Бурямомъ дома, гдѣ застане Косму съ Новакомъ, и да су старогъ Палимона погребли были.

Сад' Старый Господинъ, сабравши свою милу фамилию. каже имъ, да се мораю у Црну Гору.

преселити, да в онъ тамо за Губернатора одъ Цара поставльенъ, а Светозарь му Войводомъ наименованъ, да имъ в младый Кракъ поклоню Пиперинъ купно са замкомъ и Юшт' два села у собственикъ ньюву, и да тье Царь писати Войводама у Црну Гору, и нъему пуномотъну Граммату на оно Княжество што скоріе послати. У едну руку и водемъ, дѣцо моя, рекне, што тьемосе тамо прибрати. Бытьемо мало законити одъ метежа, и нетье ми барь свакій данъ оно быти предъ очима, што гледати нисамъ радъ, — зашто, — да Богъ да, дѣцо, да се оно мимондье, што я нѣшто у моіой души предосѣтьамъ. Улучимъ прилику, вели, и съ Младымъ се мало насамо разговорити, и доста самъ му и рекао, ако му се буде коснуло срдца, и коснуло му се, ако само задржи, и задржатье зарь, но не знамъ, докле. — Найпослѣ, придода, я не могу шта силомъ. Надежда намъ в та една, што в човѣкъ младъ, мотъитье намъ зарь дуго поживити: алъ Боже сохрани да му се садъ смръть догоди, — пропало све! — А Отаць! Да Богъ да! да то не буде! рекне Светозарь; но и у томъ случаю нашло бы се, и Богу хвала и имало людій, кои бы знали нъему предѣлъ положити, ако в онъ и упузю веть и Младоме у срдце, — и Младый не бы могао, што бы хотѣо, чинити. Мой Сынокъ! Юшт' си ты дѣте! Любезный Отаць! приложи Косара, я се за свакій случай весма радуемъ, што мы у Црну Гору полазимо. То исто и я садъ нѣшто мыслимъ, возрази Косма, ерь тамо тьемо быти мирни, и нетье се свака стварь, Отаць, Васъ окачивати. Но Отаць любезный! молимъ Васъ, немойте ми замърити, што тьу Вамъ ретьи, зашто се Вы и упустате, о томъ дѣлу онако съ Царемъ и говорити? Мамице! Душе ми мое я самъ стрепю, да се Царь не разсрди; Та Вы видите, молимъ Васъ, колико в онъ нъему наклоньенъ! Не знашь ты Юшт' ништа! Не боимсе я, да тьесе онъ на мене разсрдити. Онъ види добро, да я нъему правду говоримъ. Добро онъ познае истину мой рѣчій, но

мысли, да онъ нѣга само за одну машину држи. Но нѣ совѣтно, онаку силу истой машины давати, будутъи една е рука Нѣгова, коя нѣомъ владати може: — но данасъ, Боже сохрани! да она подъ слабу руку сына му додѣе, шта бы было? Ономе е дао онолику силу войску, па му левентуе по Македоніи; даде му сад' онолике земље, и градове! едноме простаку! и учинити га Княземъ! Но онъ опеть и коекако, — видисе, да баръ вышше човѣчествз у себи има, и човѣкъ е простага срдца; али братъ му е лукавый лисаць, — онъ нѣшто дубоко буши, и изощтрава своя орудія на нѣшто. — Бсте л' се съ Юговичьемъ о томъ разговарали? И шта Вамъ онъ о нѣему мысли? Шта мысли? Види и онъ нѣшто, и учиніо самъ га и самъ на то внимательнымъ; — но за чудо, да тѣи люди то као за нѣку шалу држе; видисе, да люди нѣкако слабо проницателства имаю, шта се у напредакъ родити може. Говоріо самъ ти и Отцу: но нѣкако ми се чини, да се онъ нѣкако и нѣему много подъ кожу увукао; и да е и нѣга обаяти знао. — А друго, шта бы му веть сад' и учинити могао? Онъ постане истина Великимъ Жупаномъ, но онога учини Княземъ! Али то кажемъ, и да Богъ да, дѣцо, да не погодимъ, мал' да онъ у Вукашину, своме любимцу, новаго у Сербіи Геровоама не подиже!

Сад' по истеченію нѣколико дана' пошље нашъ Старый Новака и Буряма у Црну Гору у Пиперинъ напредъ, да обзнане войводама и тамошнымъ жителяма нѣговъ съ фамиліомъ нѣговомъ скорый тамо долазакъ, и да наредѣ тамо све, што имъ се потребно видѣло буде; а онъ остане съ прочима кодъ кутъе, спрематисе. Бданъ дакле данъ пошље онъ своя два млада служителя у село, зовнути тамо два Священника и Діакона, такодѣ и Кнеза са Старѣшинама и Юшт' нѣкими ту у мѣсту отмѣнима лицама, да му додѣу сутра данъ, лицемъ на Св. Константина и Блену, на обѣдъ. Селяни су мало и разумѣли были, да тѣе имъ добрый овай Господинъ отити и нѣи

оставити, и нису за њимъ, као за Господиномъ своимъ, но као за најдобримъ отцемъ тужити и жалити почели. Нигда мы вышше, еданъ къ другомъ говорау, нигда ни во вѣки овака Господина не добысмо! Ние намъ Господинъ быо, но правый и најлюбезнии отаць, учитель и утѣшитель.

Другій данъ дакле додѣу му сви позвани у домъ на славный обѣдъ. Онъ е и пре тога свакогъ најлюбезниѣ и отеческомъ милостью у домъ свой примао, но садъ особито приими и', и примѣмѣвши и', колико имъ тежко пада, што и' тако наскоро оставити мора, жао му буде весма, и заплачесе предъ њима: Братъо моя любезна! рекне имъ, нисамъ се ни самъ надао, да тѣу васъ скоро оставити, и съ Вама се предъе опростити морати, нежели при послѣднемъ мога живота часу — али! заръ тако ми судъено бы! при свемъ томъ увѣритесе, да тѣете Вы съ Вашомъ добротою и у истомъ Господину, кой тѣе Вамъ данасъ дотѣи, мене, Старца Любомира, натѣи и имати, и да я и унапредакъ нигда на Васъ заборавити не тѣу. Я тѣу Васъ и опетъ као мою любезну фамилно посьтити, Васъ, у чемугодъ будемъ могао, утѣшити и разговорити, а и Вама тѣе свакомъ моя врата и у Црной Гори свагда отворена быти, — срдце пакъ мое смртъ едина, другій Вамъ нико не тѣе затворити мотѣи. Само то Васъ молимъ, и као мојой дѣци совѣтуемъ Вамъ, приклонитесе подобнымъ усердіемъ и къ новомъ Господину Вашемъ, коимъ сте и мене свагда прѣдусрѣтали, и тако тѣе све добро быти; онъ е такодѣе благъ човѣкъ и мой найискреніи пріятель. Вы тѣете видѣти и у краткомъ времену искусити његову доброту, и колико тѣе моя препорука кодъ њега важити.

Онъ и' тай данъ гостетѣи овако тѣшаше и разговараше. На конаць да све сироте изъ села сазвати, коѣ милостиво обдари и уштедри. Такодѣе и многе свое служителье, кои су му изванъ дома были, и кои ту при новодолазетьемъ Господину остаю, богато награди и посѣтовавши и', да се и унапредакъ честно владаю, одпу-

сти и' опеть на села. Госте свое застави и на вечери, и ту се съ нѣима цѣо дань провесели, и предъ саму ноть съ нѣима се найлюбезнѣе излюби, и одпусти и', говоретья имъ, да тѣе се онъ юшт' кой дань задржати и съ нѣима се видити, ерь не хотяше имъ точно дань свога одлазка назначити, што е искусио быо нѣино намѣренъе, торжественно испратити га, у звона ударати, и до преко свогъ атара пѣсноно спровести, кое овай смиренномудренный мужъ, као фѣлософъ, не хотяше. На што мени то? рекне къ своима, да толики люди насъ ради послове свое пренебрегаваю.

И тако ти онъ лѣпо потайно са своима домородцима одну ноть спремисе. Слуге свое многе съ натоваренными коньма и камилама пре поонотѣ юшт' пошлье, а самъ съ доматѣима своима посадисе на четвора кола, и у прве пѣтле у име Бога кренесе. Слугама вказао, да га на поодне съ готовымъ обѣдомъ на Доброславскомъ Гостилнику пречекаю, и ту скотове поране и добро одморе.

Сад' овако полазетьимъ имъ никоме тако тежко не бѣше, одъ овогъ мѣста разстатисе, као доброй Милисси нашей. Она съ Будюиомъ и малымъ своимъ Светоликомъ утрчи сад' при полазку у зеленый вертъ, падне своимъ Старомъ Отцу на гробъ: Любезна земљице! рекне, коя миле те момъ срдцу кости покрывашъ! То рекши цѣливаше му гробъ, и орошаваше га топлыма изъ очю свои' сузама. Потомъ подигнувши очи свое къ небу: Блаженна Душо! рекне, саслушай уздысанъе срдца мога! Погледай изъ те вѣчности на мене, чедо твое, и на любезный цвѣтъ овай, кой гробъ твой слабыма своима ручицама осязава! Приими ове сузе мое, овай вештественный знакъ сыновнѣе мое любви къ теби! О Отаць мой любезный! На то е Косма, кой такодѣ за нѣима лагано ушао бѣше, у'вати кротко подъ руку: Доста Милисса, дѣте мило! Доста брате! и самъ крозь плачь проговараютѣ юй рекне. Оставимо покой-

не те кости на миру, и тѣшилося тимъ, да намъ
е онъ — вѣчна му буди память! — садъ съ бла-
жены на другомъ свѣту духовы! — Но айде, лю-
безна моя! да на насъ не чекаю. Сатимъ изведе
е изъ верта, носети малога на руди.

Айде Милисса, дтьери моя, видѣвши е Стар-
рый рекне. 'Оди овамо, да сѣднешь, дѣте мое,
кодъ мене! 'Оди и ты, Космо сынко, сѣди овдѣ
до снае, а ты Светозаре, приложи, иди съ Дра-
гиньомъ и Братомъ къ Баби на друга кола. Дай-
те ми и тога малога! повиче Евдохіа. И тако се
лѣпо сви понамѣштаю. Старый рекне Монъ Амю,
да са свои' колы', на коима овай съ нѣколициномъ
сѣо бѣше, напредъ подѣе. Сатимъ служители
на двору угасе буктинѣе, и новопришедшій дво-
роправитель приступи Староме къ руди; но овай,
любезно загрльивши га, полюбисе съ нѣиме, и
опетъ поздрави Господина нѣеговогъ, кога тай
истый данъ исчекива'у. Казатьешъ му, вели, и из-
вѣстятьешъ га о узроку, зашто самъ овако рано
по'итію. На то отворе имъ се велика врата, и у
име Бога одтиснусе на путь.

Ноть ти'у у Маію мѣсецу дивно имъ луна
освѣтляваше. Птица гдѣкоя почне ветъ гнѣздо
свое оставляти, и крозь листовне дрва' грани-
це пролетати. Любезни и сладкогласни славун
свуд' унабколо пѣсне свое еданъ съ другимъ са-
единява'у, и као да еданъ другога надпѣвати уси-
ляваше. Путницы наши, ово слушаютьи, и по-
разстанку своемъ одъ любезногъ имъ мѣста мало
и жалостни, у ти'у пѣку и пріятну меланхолю
погрузесе, и тако ништа едно другоме негово-
ретьи готово четвѣть часа у тьутанью воза'усе.
На коначѣ Старый пресѣче имъ тьутанье: Ово е
третій періодъ мога живота, умильенъ срд-
цемъ рекне сѣдетимъ съ нѣиме на коли'; но да
видишь Косара сынко, ни полакъ ми не пада
срдцу момъ тежко и жао, што се одавдѣ изселя-
вамъ, као што ми е было, кадъ самъ овамо изъ
Грчке, изъ любезногъ мени мѣста Блѣсіума, по-
щао бы. Мени пада мало потежко, одговорн Ко-

сара; но притомъ я се заста радуемъ, што идемо. И я сынко, и я се радуемъ, не само зато, што смо Богу хвала Юшт' и у болъе станъе дѣце ове ради сад' постављени, но што тѣу мало ветъма одъ двора удаленъ покойнии быти, и нетѣу баръ ковакве кабале очима гледати, зашто самъ чувствителанъ на ствари, кад' видимъ, да дутемъ не иду; — а ктome Юшт' мое в порекло изъ Црне Горе. Я самъ се истина мало съ нашимъ Неманъитъемъ и покошкао, и као преко мое воле бѣше, да се примимъ; али кад' я потомъ нѣшто проразсуди, свиди ми се стваръ добра. Баръ, велимъ, уклонитѣу ту дѣцу изъ среде нѣи свакояки: а прекрасно е, гдѣ идемо, мѣсто! О дивный намъ е и тай предѣлъ! Само ако намъ дворъ по воли оправленъ буде. Е, за то тѣмо, Отацъ, найлагкше, одговори Косма. Што намъ не буде по воли, мы тѣмо оправити.

При овомъ нѣнномъ разговорѣ укаже имъ се и данъ. Звѣзде имъ све исчезну, и мало затимъ озари имъ сунце унаоколо брежулке. Дад' сынко Космо ту чутурицу, рекне Старый смѣшетъисе, да видимо, шта намъ в тай нашъ новайлѣи на путь дао. Овай му даде. Старый, напившисе, Богъ да прости! рекне; ово вышше вреди, нежели и она кафа. Понуди сад' и дружество свое, и пошлю и прочыма на друга кола. Светозаръ скочи и притрчи къ колима Моивъ Амѣя, кой такодѣ чутуру бѣше натѣгао. Онъ понуди и Светозара. Хотѣу да! рекне овай: но дайте Вы мени ту торбу. Овай му извади одну пребѣлу погачу и два печена пилета, ков младить донесе на своя кола, и съ дружествомъ своимъ на коли поручавши узме чутуру съ прекраснымъ Мостарскимъ виномъ. Да Богъ поживи, викне, нашего Отца, Црногорскогъ Губернатора! Али, Отацъ, да и Вы менѣ наздравите! Зашто не? одговори добрый Старацъ; но да си ми, вели, овдѣ, да те малко као младогъ Войводу за уво повучемъ. А! Отацъ! Не дамо мы нѣему Юшт' те титуле, баръ докле му у сватови не поштрамо.

Они овако у веселой шали гледаютьи оно себе часть цвѣтна поля, и по нѣма стада и пастьере младе, веселетьесе своима свиралама, часть зелене шуме, преко кои' пролаза'у, наидьу на нѣке прекрасне и крупне поредь самогъ друма трешнѣе, при коима се зауставе, и по пуне котариче наберу. Ёрь вотья у той благословенной земли, куд' се годь човѣкъ макне, у излишномъ изобилію има, нити се зна, ни пыта, чѣв е? ни, коме оно принадлежи? будутьи да свуда туд' безпослени пастьери на'одетьисе као одь игре ово посаде, а ово накаламе, и земля, добра будутьи, роди, пакъ у време свое нека еде, когодъ туда продье, и колико му сердце иште.

Они у само поодне присѣду у предреченый гостилникъ, гдѣ застану слуге, кое на нѣи съ готовымъ обѣдомъ очекива'у. Текъ што они сад' овдѣ сѣдну обѣдовати, ето ти имъ Новака и Буряма. Вратилисе изъ Црне Горе и овима на срѣтеніе по'итили бя'у. Срадујесе едни другима, кад' се овако изненада виде. Право! повиче Господинъ Старый ушавшимъ имъ у собу, у коѣой они дугъ еданъ асталъ окружили бя'у, — право, на мою душу, вели, као да сте изъ прекрайка одкуд' мотрили на насъ, кад' тьемо сѣсти, или да сте, што-но рѣчь, у бобъ врачами. Новаче! Овамо! Буряме сынок! Ты сѣди до твогъ младогъ Господина! Е! Сад' намъ кажите, како в тамо? Имамо ли на што дотьи? Имате, вѣра и Богъ, рекне Новакъ, те іошт' како имате! Бѣле Вамъ се Двори подь едномъ зеленомъ горомъ, да и' се одь милина нагледати не мож'шь! И савъ онай предѣль, кой га опасуе, найкраснѣмъ царскомъ верту уподоблявасе. Ударали сте и крозь села? Нису, Господине, оно села, возрази Бурямъ, но мали градови. Ал' што ми се она поля одь Пиперински' виноградій къ западу и Дреновцу пружена допадаю! Друго Косово! Само што нѣе онако широко. Е! Бога ти! рекне Светозарь, шта ти се чини? Были се могло и по нѣима мало съ кимъ повіяти? О Господине! Те како! Но мало съ бо-

льимъ (лагано) каквымъ, а не съ дѣвойчары, као Вашъ Влайко што е.

При обѣду сад' овако при веселомъ разговору преповѣде ови посланицы Старомъ Господину све, што сутамо видѣли, и кажу имъ, како су и жителѣ тамошнѣе извѣстили, и преко нѣи' и Войводама дали явити, да тѣе имъ скоро Старый Господинъ Соколовичъ съ фаміліомъ дотѣи, и управу надъ обѣ Жупаніе примити, и кад' разумѣю Жупани, да е ветъ дошао, да му имаю одна у Дворъ дотѣи и посѣтити га. Ктому, како имъ е Дворъ лѣпо оправлень, высокимъ зидомъ свуд унаоколо, и дубоким' око' овога рововима савъ окружень, какве су имъ ту близу двора нѣке дуго и широко пружене касарне, у коима по уреденью те земље велико число войника' за сигурность цѣле южне стране овогъ Княжества непрестанно пребывати мора и проча овака. Кое Старый саслушавши наздрави чапу у царево здравлье, при којой здравици цѣо имъ столъ затруби многая лѣта! и зазвече имъ чаше една о другу.

Данъ имъ и попревали, кад' одъ астала онако весели устану. Н будутѣи да велика вругина бѣше; то Старый и не хтѣ се на путь кретати, но одложи, докъ мало залади. Младымъ Соколовичьима дуго се сад' ту време учини, заже ле ситѣи ту близу у нѣнѣи градить, Добрословъ зовомый, и видѣти, какво е то мѣсто. Старый имъ ово дозволи. Младитѣи сѣдну на свое конѣе, кои имъ одморни бѣ'у, будутѣи да на нѣима нису доя'али, и оду; а онъ заповѣди младьима своима, да му подъ еднимъ великимъ растомъ у 'ладъ простру, да мало по обѣду поспава и накнади, што се прошаству ноть нѣе испавао быо. Новакъ и Бурямъ, то видетѣи, легну и сами подъ другѣи растъ, а проче имъ дружба подѣе мало вышше гостилника такодѣе исподъ листовны' дрва' у ти'омъ разговору про'одатисе, и младе птитѣе, кои имъ на слабы' юшт' крыли' свои' изъ гнѣзда' и дупльѣи излетѣа'у и по трави пада'у, ватати, кое помило-

вавши опеть летѣти пушта'у. Напослѣдакъ по-сѣдаю и сами подь едно дрво у 'лада. У разгово-ру ту сгледа'у предь собомъ широка нѣка поля и многа по нѣима стада оваца, кой жаркѣй дань на чо-поритѣе коегдѣ туда подь зелена дрва стерао бѣше.

Наша любезна Драгиня часъ по часъ изгле-даше на ону страну, куд' су іой братья отишла бѣла, и време в ту сад' мало неспокойномъ учи-ни, гдѣ се сви поутишали бѣ'у. Зато узме малогъ Светолика за руку, и подѣе съ нѣимъ полѣемъ, цвѣтѣе му брати, — дивлье ружице, одь кои' се цѣло ово полѣе обагрило бѣше, ню овдѣ пода-леко измаме. Ти'и вѣтритьи кадишто бы іой крозь плаветный одь ведрогъ неба воздухъ появилисе, и топлоту ону полудневногъ сунца вѣяньемъ своимъ раствараютьи у прѣятность бы в нѣку при-водили. Она тако умилѣна забавляше младенца, исплете му одь ружица' и разны' цвѣтова вели-кѣй едань и дугъ вѣнаць, коимъ га сад' одь врата унакрѣсть преко прсію и посреди опасавши за-веже му краеве съ лѣве стране на велике ките, а другѣй му округоа вѣнаць на подобіе круне оплете на главу, исподь когъ му смедѣе нѣего-ве косице низъ рамена расчесля. Сад' му по едань струкъ одь нѣколико ружица' задѣне и за свилене чарапице, и тако га украшена и као ма-логъ Амора накитѣена поведе за ручицу онако весела къ дружеству, мыслетѣи у себи, како тве сад' Мамици нѣеговой и прочыма мило быти, кад' га сад' овако виде, а особито Старомъ Го-сподину, кой га весма любляше, и съ нѣимъ се радо забавляше.

Но у овомъ повратку спази ту нѣке овце, кое се исподь едны' велики' брестова изъ 'лада къ нѣкомъ кладенцу (бунару) упутиле бѣ'у. По-плашисе дакле чобански' паса, узме дѣте на своя наручїя, и подѣе мало на страну, да исте овце обидѣе. Ходетѣи тако съ дѣтетомъ слуша одну грльицу, гдѣ на едномъ у бѣломъ полю сувомъ дрву гучаше, у време, кад' све проче птице по шумама одь врутѣине утишалесе бѣ'у.

Кад' ал' изненада скоче предъ ню два мла-
да момка, кои су заръ на ню изъ траве и мотри-
ли были. Она се тргне и хотяше имъ побѣтъи; но
еданъ їой притрчи и у'вати в: Стани, веди, момо,
не бѣжи! Она се сирота на то окрене къ гостил-
нику, но нигдѣ никога не видѣ, — почне викати.
Овай, метнувши їой руку свою на уста, другою
потргне ножъ одъ пояса: Тъути! Сад' тьу те за-
клати, ако тѣшъ викати! Она умѣсто да утъути,
почне сад' изъ гласа викати; сатимъ и Малый ста-
не їой плакати. На то еданъ младъ, но крупанъ
и повысокъ дѣчко, као да изъ неба ту паде, ста-
висе предъ ове: Шта в то? громовито повиче на
ове; и залетисе къ ономъ, кой дѣвицу повео ба-
ше, за прси: Шта си то науміо? рекне, заошія њи-
ме, и лупи га о землю, пакъ тргне ножъ и окре-
несе къ другоме. Овай: Не, Господине! измичуть
натрагъ повиче, не мене! Я нисамъ кривъ ништа!
Они обоица, стра'омъ сбунѣени, и као крпа пре-
бледили бл'у. Вы, едни ниткови, едне несрѣтье, а
не люди! Знате ли, чій 'лѣбъ сте? То онако яро-
станъ изрече, и опеть съ мачемъ на првога по-
лети, да га по поо главе лупи, но дѣвица му сад'
приникне къ дигнутой съ мачемъ руци: Не! Не!
Господине! Умѣритесе! Я имъ сама одъ мое стра-
не праштамъ и Васъ молимъ! Пустите ме, Госпо-
дична! возрази честный юноша, да премлатимъ
обоицу као псе. Срамъ Васъ буди! Вы сте юна-
цы? Пфуй! Вы сте едне р'дѣе, кукавице и нитко-
ви, кой карактеръ благородны'юнака' безчестите!
А знате ли, окаяни! шта сте сад' заслужили? Ил'
мыслите, да сте и сад' у Венеци, в л'? Женскій
поль! — пакъ їошт' дѣвицу, напасти! Поченай! Хо-
тѣмосе разговарати! Любезна моя Господична!
окренувшисе къ дѣвици рекне, и узме в кротко
за руку, повратитесе! Сожалувмъ, да су Васъ ни-
ткови едни тако уплашили, и тимъ и мене осра-
мотили; но сад' не бойтесе ништа, полюбивши їой
руку тѣшаше в; не бойтесе! Они тѣе приматъ
своє. О! Нетѣ имъ на ліо протѣи! Но молитъу, чій
сте Вы? Нисте л' изъ овогъ гостилника? На то
сад' еданъ са стране исподъ едногъ дрвета, кой

се на ову буну пробудио беше! *Марко!* повиче на овога младитѣа, шта е то море! Младить се окрене: А! Да видите, Чико, вели, шта су ови чинили! Уватили ову дѣвицу, ветъ ѿой и ножъ подъ грло поднели были: Тѣути, рече, заклатѣу те, ако тѣшъ викати! Шта боланъ! тронуть онай повиче и дѣпи на ноге. И Вы сте то чинили? намргодѣенъ приближаваютьсе къ нѣима вопіаше, и прекрстивши руке свое на прси стане предъ нѣи, и установивши на нѣи свой холерическій погледъ, и за нѣколико магновенія гледеть и тако, гдѣ предъ нѣимъ клече, ма'аше само главомъ и не проговораще имъ ништа. Драгиня се беше расплакала, — такодѣе ништа не говораше, но бришутьи свое сузе погледаше на овога Господина. Онъ беше у струку высокъ и стаса соразмѣрно скроена и величествена, 'альбина на нѣему дуга беше одъ зелене свиле, и друга по нѣой до поо тѣла и съ кратки рукавы одъ чисто црвене кадифе. Кукавни сынови! Жалостна Вамъ майка! проговори напослѣдакъ и окренесе къ Марку: Право е, вели, мени мой отаць рекао: да вукъ промѣни длаку, но тѣудъ нигда ни до вѣка! Но чудимсе, приложи, за овога: Та ниси ли баръ ты правый Србљинъ? жалостный сыне! Нѣе онъ толико ни кривъ, возрази Марко, но овай! Овай! — Ей мой Браико! рекне на то Господинъ, ниси ты за юнака, ни за честный Дворъ, но да кобыле и свинье чувашъ и пасешъ. Знашь ли море ты, какви су закони наши, и ков су дужности юнака? Устайте! Ты доле то оружје! Безумный, или паче блудный сыне! Сыно (на уво Марку) да нѣе што противу? — А нѣе Чико! Текъ што су е повели были, и она е одна викати почела. Срѣтъанъ си! машутьи прстомъ рекне ономе Господинъ, срѣтъанъ си, да те нѣе твоя несрѣтъа мало далье повела была; а ты вышше не бы ту твою тѣупасту главу на рамени носіо! Заиста не! Но захвали Богу, ниткове еданъ и крви погана! Чіа си ты душо? окренувши се къ дѣвици упыта е. Любезно дѣте мое! милуютьи е рукомъ по образу, само што су те ови нитко-

ви поплашили! Ё л' срдце, нів те ни еданъ полюбіо? Нів, сладкій Господине! Но были бы ме заръ и заклали, да овай младый Господинъ нів однѣ-куд' одма предъ насъ истрчао. А! Не бы, дѣте мое мило, не бы они смѣли то учинити, — само су те поплашили, — но чія сте Вы дѣти? Да нисте одавдѣ изъ гостилника? Не, Господине, я самъ изъ Саввина, Соколовичья. Изъ Саввина? Старогъ Господина Соколовичья? На служби! Ньегова усвоена дѣти! О любезно мое дѣте! Ё л' то могуте? Па одкуд' Вы овдѣ? Съ кимъ сте тако дошли? Овдѣ е и мой Господинъ Отаць, и Мамаца, и сви смо овдѣ, — ту смо данасъ и обѣдовали. Мы се селимо у Црну Гору. О не говорте! Вы сте дакле Драгиня! Я самъ на служби. А овай Малаый? Ово е мога Браце Косме Сынъ. Па гдѣ Вамъ е дружба? да ме водите, — е л' овдѣ младый Господинъ Светозаръ? Ёсть и онъ, и Чедомиль, и сви смо овдѣ. Сладко мое дѣте! Да ме водите тамо, — но Любезна моя! Я Васъ молимъ, претъутите овай случай предъ Старымъ Господиномъ! Поклоните ми, красна моя Драгиня, то пріятельство одъ Ваше стране. Нетъете мотъи вѣровати, како е то мени тежко пало, и колико ми сад' тежже Гошт' пада, да су Васъ мое слуге тако уплашили; — но одъ данасъ вышше мои и нису, нити тѣе они вышше могъ лѣба ести. Овамо Вы! Ту клечите, и иштите опроштенье одъ ове благородне дѣвице! Молимъ Господине, предвари Драгиня, изволте ме извѣстити, съ кимъ имамъ честь говорити? Лѣпа моя голубице! загрѣвши е, я самъ Князь Гойко Мрнячевичъ, Вукашина Мрнячевичья родьеный и младый братъ, а ово е мой Сыноваць *Марко*, Вукашиновъ сынъ.

На то му се Драгиня учтиво поклони: Драго ми е, рекне, и за особиту себи честь, или гаче, придода, у оваквомъ случаю и за найветью мою срътью пріямамъ, да самъ Васъ овдѣ видѣла. То ревши окренесе и къ Младомъ, и бѣшесе у лицу изненаднымъ овымъ явльеньемъ ньювымъ заруменила. Любезна невинности! полюбивши е Гойко

рекле, и мени е весма мило и драго, да ме е слу-
чай овако нанео, Вама на срѣтење изити. Но
молимъ Господине, простите овима — и я имъ
праштамъ. Устайте! — Овамо то оружје' наново
повиче Гойко: на то ето ти имъ и нѣколико други'
слугу', којма рекне: Узмите ово оружје, и води-
те ове бездѣлнике. Ты тѣшеш, кой си манье скри-
вио, у тамницу о сувомъ 'лѣбу и води дотѣи; а
ты тѣшесе одслати онамо, одкуда си и дошао,
па 'ватай опетъ по оны' Нарентински' слатина'
раке, и пецай на удици рибу, као што си и най-
пре радио, нити е кад' было, нит' быти може, да
одъ едногъ мачкодера юнакъ буде. И казатъете,
вели, Миливою, да ме има съ Вама довече, буди
у ков доба было, дочекати ту у селу, зашто мож-
но, да тѣусе я при Господину съ Маркомъ за-
држати.

Сатимъ и' одпусти, а застави синовца и два
слуге съ коньима. Суетно сад' наша добросер-
дечна Драгиня ову строго Србенду за оне осу-
дѣне и моляше, ерѣ имъ овай ни мрве одпустити
не хтяше. Онѣ сад' узме Малогъ, онако накитѣ-
ногъ, за другу ручицу, и тако съ Драгињомъ
водетѣя га подѣе полемъ къ дружеству купно
съ Маркомъ и съ два слуге своя. Старый Госпо-
динѣ ветъ устао бѣше, и съ Космомъ настояваше,
да имъ слуге конѣе и камиле натоваре и лагано
путь предузму. И текъ што онѣ бѣше у намѣре-
нью, сад' едногъ слугу по Светозара и Чедоми-
ля, коя Гошт' изъ села дошли не бѣу, послати,
ето ти имъ се ови укажу, но Гошт' поиздалека,
подемъ на коньима. Сатимъ смотривши и стран-
не съ Драгињомъ: Ко су намъ ово съ нашомъ
Драгињомъ? рекне Косма Старомъ. Старый на то
погледавши: Ко тѣе то быти? Отацъ! Какве намъ
госте наша Драгиня води? рекне и Косара, при-
ближивши имъ се. Я не знамъ, одговори Старый,
и мы гледимо. Видимъ, вели, да су нѣка Господа.

Медьутимъ ови имъ и ближже буду. Знамъ,
да се нисте гостима надали, осмѣяваютьсѣ про-
говари Гойко. Гле сад'! возопи Старый, и пои-

ти му на срѣтеніѣ. Божья вѣра! Нигда ни во вѣки! О любезни гости наши, добро сте намъ дошли! Съ тѣмъ изреченьемъ сердечно се садъ загрѣе и полюбѣ. Старый мой херой! рекне Князь, радуемсе, да Васъ тако здрава видимъ, и нисамъ се воистину овомъ случаю надао. Милостива Господь! загрѣвивши Косару и полюбившисе и съ нѣоме: О овай є данасъ за мене єданъ особитый случай, да я Вама овако изненада на срѣтеньє изидьємъ. Космо мой любезный! Сынъ ме, Брате, твой доведе, полюбившисе и съ нѣимъ. О срѣтѣе наше, коіой се заиста не надасмо! рекне Старый. И тако текъ што се они овако любезно испоздравляю, и весели наново свя уладъ подъ великій растъ посѣдаю, а Милица съ Драгильомъ и служавкама пойти, да имъ се ужина справи, ето ти имъ и Светозара съ Чедомильемъ, и за нѣимъ Буряма съ великомъ єдномъ котариномъ трешаня. Они скоче съ коня' свои, и съ гостима такодѣ полюбесе и любезно поздраве. Господо мой! рекне Бурямъ, ево самъ Вамъ донѣо прекрасны' трешаня! Господине! вели, оваки' юшт' ели нисте! А Бога ти, кад' ты за нѣима оде? упыта Старый. Кад' сте Вы спавали, Господине, я одѣмъ и надѣмъ и' у селу. Ту садъ преповѣде имъ младитѣ, шта су у селу видѣли, и шта имъ се ту допада, какви су имъ домови, улице, и проча. То ми є мило, Господине, приложи Гойко Староме, кад' видимъ, вели, любопытного младитѣ, кой є свашта радъ видѣти, чути и дознати, па то потоме и другомъ умъ казати, а не као овай, вели, мой Сыноваць. Пытамъ га ономадъ, шта є видѣо у Дубровнику? онакомъ граду! као што Вамъ є познаѣо. Видіо самъ, вели, Чико! што ми се найбільѣ допало, два лѣпа коня; но што самъ Вамъ, вели, єдну саблю у єдногъ видіо, нигда є заборавити нетѣ! А шта юшт'? Я, вели, на друго нисамъ толико ни пазіо. Е! мой сынко! рекнемъ му, да ты у Дубровнику, онако славномъ граду, и друго што не примѣтишь, кромѣ два коня и єдну саблю! — Има право, рекне Старый, понудивши и' трешаня.

ма, то е знакъ, вели, да тѣе намъ добаръ войникъ быти. Ал' сте Вы чудни Чико! Шта тѣу я гледати на оне ствари, кое ме не побудѣваю? Да гледамъ на продавнице? Я Вамъ нетѣу трговаць быти, но юнакъ, да коня яшемъ, и да саблю пашемъ. Право сынно! возопи Старый, — Ты право имашь! Юнакъ валя быти, да како! Чика то само сад' говори; ал' да видишь, како тѣе дотѣи време, да тѣесе онъ са сыновцемъ своимъ дичити и поносити, кад' га едномъ види, да е больй юнакъ, него и самъ што е.

Но мека Вамъ каже, Господине, смѣшетьсе рекне Гойко, како га е назвао и Турскій царь: Налетица Марко! Е Чико! Онъ е то мени изъ шале рекао. Изъ шале, но добро е и погодіо, будѣти те е онъ и искусіо Ништа то! Я нѣму и тако нетѣу вышше итѣи. Сатимъ сад' устане и подѣе са Светозаромъ мало на страну. Колико е быо кодъ Цара? упыта Старый. Быо е двѣ године, одговори Гойко. — Турски зна? Да видите Турски намъ доста добро говори; но у прочемъ е сиромаъ простакъ. Нетѣе да се учи. Но нѣе ни чудо, Господине, приложи. Простакъ самъ и самъ; а мало му е больй и отаць. Хмъ! Дѣте е то іопит' и младо, рекне Любомиръ. Коя му е година? Настав веть на 17-у, но гледайте, како се то разрастло и округнило, али у лудо расте. Истина, приложи опеть Любмиръ, да се и на нѣму види, да вамъ нѣе тако за науку способанъ; но опеть другчѣе е мало требало съ нѣимъ іопит' изъ малена поступити. Срдце има добро. Милостивъ е, и разумъ бы имао, да се хотѣе учити. А! Вѣруемъ, да срдце има добро, ерѣ е таквымъ и природно, да добра срдца и великодушни буду. Господине сладкій! Кад' се обѣако у разговоръ о нѣму уведо-смо, као о едномъ благородномъ юноши, комъ е срѣтѣа такодѣе медѣу племенитороднымъ мѣсто назначила, кажите ми, молимъ Васъ, шта Вамъ се одъ нѣега види, у чему и како бы требало да се съ нѣимъ поступи? Отаць бы му радъ, да га као првородногъ Сына у дѣли' политички' да изу-

чити, и временомъ да га Дворяниномъ учини; но мени се чини, да онъ то суєтно одъ нъега захтѣва, и да бы много паметнѣ было, да онъ нъега войникомъ учини. Старый на то потѣутивши мало: На строй, вели, тѣла нъегова, на будрость духа, и смѣлость нъегову сматраютьи, онъ се и види да є за войника родьенъ; али као благороданъ нѣ за проста войника, но за началника каквога, за заповѣдника и управителя надъ многима; а овакавъ такодѣ, любезный мой, потребує науку. Да онъ не притяжава високе дарове душевне, то се веть види; но да се нѣ нимало надъ нѣимъ настоявало, и мале оне дарове нъегове баръ на нѣкїй степенъ савршенства довести, и то се познає. Єрь дарови наши, Любезный мой, приложи Старый, єсу у нама и одъ саме природе различни. Нѣки имаю душевне ове способности велике, нѣки среднѣе, нѣки пакъ мале, и єстество є ове све за особенна нѣка дѣйства само опредѣлило. Ово мы искусствомъ постизавамо, видетьи, да нѣкїй, као што намъ є и овай нашъ младить, велику наклоность има, войникомъ быти, нѣкїй пакъ нетѣе то, но хотѣе Свештеникъ да буде; другїй се залюби у високе науке, и найветѣе себи блаженство налази у кнѣига, строги о стварма разсудьенїя, и испытыванью єстественны тайнїй; другїй на конаць возлюбї животь простой, и не жели друго што, него земльедѣлаць быти, и т. д. Сад и за свакїй овай чинъ особити су намъ и дарови дани, коє дарове ако се мы сами не потрудимо, колико є коє могутѣе, сь оногъ нѣиногъ мѣста, на комъ су они єстествомъ постављени, подитьи, и на нѣкїй степенъ савршенства и произвести; єстество само у нама то учинити нетѣе. Слѣдователно не очекуймо одъ нѣи ни онаква дѣйства, коимъ бы смо се надати могли, да су намъ на могутьный степенъ савршенства узведена была. Єстество само, драгїй Господине, настава Стараць, не само у изображенью човѣка, но и други стварїй, видимо да нѣку помоть одъ ума човѣческогъ потребує и захтѣва. Погледаймо дакле у вертови разнo билєє и плодоносна дрва,

каква е разлика между оныма, коя се у простой природи оставе, и оныма, на коя е човѣкъ руку свою прострео, нѣи художественно обдѣлао, и облагородио! Прва су дивья, и плодъ одъ себе произведе худъ и невкусанъ: а напротивъ втора питома, видомъ красна, и ктѣме плодъ изобилный, и колико прїятнїя намъ приносе и даю.

Тако, любезный мой Господине! быва и съ човѣкомъ. Онъ потребуе, да се у савршенство, колико е коме могутъе спрама нѣеговы таланта, доведе, и унутрашнѣе облагороди, ако хотѣемо и желїемо, да намъ изреданъ и благороданъ плодъ душевный покаже и своимъ временомъ принесе. Мы видимо животна, четворонога на примѣръ, да, кадъ се окоте, сама се по природи своєю на ноге дижу, и птице, да и сама природа летѣти научи: човѣка пакъ, кадъ намъ се роди, немой на свое време ходити научити, онъ тѣе умѣсто да на двѣ ноге иде, пузити на ногу и руку, као животно четвороного, крозь цѣо животь свой, нити бы се потомъ кадгодъ усудити смѣо, на двѣ ноге исправитсе. Ктѣме, не учимо га говорити! онъ тѣе намъ потомъ само мумлати, и никаквѣ членовне рѣчи нетѣе намъ у станью быти произнети.

Тако и сви прочи нѣегови дари, ако се човѣкомъ, као вторымъ творцемъ, не усаврше, и за она дѣйствїя, за коя су му Богомъ и опредѣлена, не успособе, остаю му пуста, и бездѣйствительна: — ово пакъ вая на свое време да буде. У истомъ овомъ нашемъ младитью, о комъ рѣчь предузесмо, многа су, Гойко брате, коя се вышше не бы ни поправити могла, а доста и има, коя бы юштъ и могла, и коима време юштъ нѣе прошло. Онъ е срдца, велите, добра, и то вѣруеть; али срдце добро изискуе и разумъ добаръ. И ово намъ, Любезный мой, треба признати, ков намъ и само искусство потврдѣвава, да младитъ благороданъ, колико е у ветьей слави и ветьемъ богатству, ако нѣе лѣпо воспитанъ и изображенъ, како споляшнѣе тако и унутрашнѣе, и ако нѣе просвѣтъень и научень: толико тѣе ветьма и лагк-

ше нѣмъ обладати страсти, и толико устремителнѣ у свако невалялство и у сваку погибель пасти може. Зашто сиромау убожество нѣгово предѣль полаже, мора да се смирава, и одъ свакога уводи, мора да гледа, како тѣе о себи свакоме и у свакой прилици лѣпо мнѣнїе да да, свакоме да се умили, и похвалу какву заслужи, иначе не може до какве срѣтѣе ни дотѣи, — а ово чинетѣи валя да се честно влада, и да се одъ свакогъ невалялства чува: шта пакъ на то принудити може едногъ благородногъ юношу, кой у свакомъ изобилїю живи, ако нїе, као што рекосмо, и унутрашнѣе облагородьенъ, и изображенъ, тако, да му сама нѣгова блага наравъ, и лѣпъ нѣговъ разумъ, коя саставляю у нѣму моральный характеръ, предѣль не положе, и нѣга о ономъ, што е добро, што ли е зло, не опомене?

Господине любезный, возрази Гойко, Вы истину говорите, Ваше рѣчи злата важе; но оне су намъ и на наше изобличеньѣ. Мы смо, Господине, заиста у томе дужность нашу пренебрегли; мы смо га ветъ и почели исправляти, но, како ми се види, у невреме; наравъ се у нѣму осилила, — особито, сиромаш, у єдномъ в дубоко загазио; кое тѣесе у нѣму тежко и поправити мотѣи, и оно бива причиномъ, да се ни у чему онъ садъ наставити не може. Онъ пїе Господине! пїе као гуя! — То е зло! О то е едно найветѣе, особито за млада човѣка, зло!

На то донесе имъ се и ужина и додѣе Монъ Ами, кой, поклонившисе ту, каже Старомъ Господину, да е слуге на путь одправїо. Старый садъ понуди Гойка, кой залогай узети; но овай не хтѣ. Ни я, вели, не могу ништа, но зовите, придода, дѣцу, пека она поужинаю, докле се мы Юшт' у разговорѣу продѣемо, па да се иде. — Сатимъ подѣе съ Княземъ и настави бесѣду свою. Я не знамъ, вели, како бы сте Вы съ тимъ дѣтетомъ иначе садъ поступити могли, развѣ, да га пошлѣе у Призренъ у царско заведенїе, гдѣ намъ се и друга многа благородна дѣца за чинъ вой-

ничкій уче, и гдѣ се сви подѣ строгимъ правилами држе и чуваю. Судимъ, да бы то за нѣга най-болье было, нити тѣете Вы мотѣи одсадъ, како ми кажете, нѣга за другій кой чинъ способнымъ учинити: а за войника заиста нигда больій. Сабштите Вы то Господину Брату, и учините тако; заиста се нетѣете каяти: а онъ има, хвала Богу, и младѣ дѣчице, нека дакле гледи одъ нѣи, кога способна види, за политіка воспитати, — само съ други сыновы паметніе да поступи. Но не пытамъ Васъ, есте л' давно у Дубровникъ прошли? Има ветъ двѣ седмице. Како е тамо? Како су Васъ дочекали? Добро! Вы знате Дубровничане! Садъ у име Бога дома идете? Дома! Но нетъусе задржавати. Моратъу одма къ цару у лежиръ (станъ) итъи, и одандѣ у мой полкъ, у Македонію.

Любомиръ, познаваютьи овога мужа, да е знатѣйшіи войникъ, храбаръ и са искусствомъ своимъ свагдѣ у побѣдама славанъ, ктоне, да е и у нарави много больій и простосердечни одъ брата, изговори му садъ у овай прилици много лѣпы рѣчій и разны у чяну военномъ поученія, съ таквымъ повѣренъемъ, какво е одъ нѣга себи придобити могао. И будутъи да намъ е овай у политіки толико слабъ и недостаточанъ, колико е за храбра и силна признаванъ быо: то лагко садъ и буде нашемъ мудрому Старцу, нѣгово срдце лѣпымъ начиномъ отворити, нѣга искушати, и све оне планове и намѣренія нѣгова, коя е онъ съ братомъ своимъ предузимао, дознати и у нѣму одкрыти. Онъ се садъ дѣйстви-тельно увѣри, да се нимало у томъ варао нѣ, што е на нѣи одъ нѣкогъ времена яко подозрѣвати почео быо. Онъ доста о овомъ и жалаше, познаваютьи, да бы овай, иначе по природи своѣй честанъ мужъ, и вѣранъ отечеству и цару свомъ сынъ быо; али сбогъ брата свогъ нѣ могао такимъ быти, — братъ му е духъ и срдце кваріо.

Честный нашъ Стараць, искушавши садъ нѣга тиу нѣку радость у патриотическомъ духу свомъ почувствуе, и надежда му срдцу, любовлю

къ отечеству своѣмъ горетьемъ, садъ поласка, да тѣе онъ све планове нѣюве осуѣтити, и висока, на погибель царства клонетьасе предпріятія нѣюва сасвимъ мотѣи уништити, нѣювъ подигнутый рогъ сломити, силу имъ умалити, нѣи посрамити, и тимъ све малодушне увѣрити, кои бы се игда у уму своѣмъ покусили, противу общегъ блага штоинбудъ предузети, да имъ се нетѣе по жельи сбыти мотѣи, и да признаду, да има у отечеству довольно духомъ проницателны' ревнителя', кои юшт' искуснѣ знаю, надъ свеобщимъ народа благополучіемъ бдити, нежели они нѣему вредъ ванети, и да онога око свакій путь быстріегледи, у кога в чисто и човѣколюбиво срдце, нежели онога, у комъ се оно мутныма страстима колеба, на погибель свеобшту дыше и зло умышлява.

Онъ дакле науми садъ коварства овы' Цару одкрыти, нити сумняше, да тѣе га о томъ увѣрити, зашто онъ измысли и начине нѣке, како тѣе Царъ нѣи на нѣке пробе метнути, и своимъ собственнымъ опытомъ стварь искусити и дознати. И тако и онъ опише Цару, на кое тѣе потомъ и одговоръ Цара получитьи, у коме му Царъ усердно благодари, обѣтъваютьи му се, да тѣе онъ одсадъ на нѣи болье мотрити, и да тѣе и' на оной точки, на коѣй се засадъ находяу, оставити, и претрпити и', докле само съ Грѣцима ратъ оконча; а потомъ да тѣе онъ знати, како тѣе съ нѣима поступити, сирѣчь, да тѣе и' обоицу изъ военногъ чина узети, и у онакво и' достоинство поставити, у комъ они нетѣе мотѣи, ако бы и хтѣли, нѣему и отечеству шкодити. Хотѣе ли пакъ нѣему судба ово дозволити? као історійску повѣсть ніе мое овдѣ описивати. Повратимосе мы паче опеть къ нашей Романтичкой повѣсти, и не испытуймо судбинѣ оне нашего у оно време народа, кое се и нису заръ безъ промысла Божія ни сбыти могле!

Докле се нашъ Старый съ Гойкомъ по поляни лагано бесѣдетѣи шеташе, дотле сѣ се Косара съ Миллсомъ, Еудохиомъ и младѣима на путь спремили были, и онако готови, да се текъ ирену,

чека'у. Два млада Соколовичья и Бурямъ съ Маркомъ Юшт' на трави съдья'у и у веселой шали ужина'у. Марко почесто на Буряма погледаше, и колико бы се годъ путій овай насмѣяо, онай бы се на нѣга мало намргодіо. Чедомиль ово мотраше, и потайно рукомъ брата дирне. Бога ти Побратиме, рекне Светозаръ Марку — кой захтѣваше, да се тако одсада зову, — бы л' миловао имати овака момка? Видишь, колики су му бркови? и како су црни?

Марко. Видимъ, но да су какви гребени сад', да и' счешля мало. Знашь, шта е Побро! Я да самъ тобомъ, натерао бы самъ га, да пусти и браду, па онда. —

Бурямъ. (При'вати му рѣчь) Е Бога ти! Па шта онда? Да идемъ у калугьере?

Светозаръ. Га имао е браду! Е! Да си ты нѣга Побро подъ брадомъ видіо, какавъ е страшанъ быо! Но я га натерамъ, те е обрїя, зашто га е одъ свега маторогъ чинила.

Марко. Вальда кад' си га у Призрень водіо?

Бурямъ. Не Господине! но кад' смо у Придипъ ишли, и ондѣ самъ чуо, како Васъ дѣвойке у пѣсмама пѣваю.

Марко. Хмъ! Штета, што ты тамо ниси! Како имашъ диванъ гласъ, та све бы се само и у твой гласъ залюбиле! Но молимъ те, немой ми вышше говорити *Вы*, я то не трпимъ.

Бурямъ. Е добро! Одсад' нека буде *ты*. Право имашъ Господине! И Богу кажемо *ты*. Сатимъ узме бокаль съ виномъ.

Марко. Дед' Бога ти искапи, па дотрчидерь Юшт' еданъ (сатимъ окренесе на Старога и Гойка) докъ намъ они дошли нису. Ха! Тако! Дедерь ты сад' Малай Побро! (Чедомилю) Дотрчи Юшт' еданъ! Ты си полагащїй нежели тай Вашъ дромо. Читава кола меса! Кад' бы се одкотурао?

Бурямъ. Видимъ, и ты си ми субгилно нѣко момче (пицютъи му кости) Боже мой! Што ти е оно Господскогъ рода! Мора нѣшто особено быти, какогодъ онай финый филграмскїй посао

(къ Светозару лагано) гвоздени малъевы слу-
панъ.

Марко. Душе ти Побро, шта ти рече?

Свет. Е Бога ти Побро, не слушай ты нъега!
Чуди ти се, како крупне кости имашь.

Марко. Имамъ Богме! И валя да имамъ, за-
што тѣу войникъ быти. Гледай море, какве су
то ноге! Бедре као наливлене.

Бурямъ. Естъ Богме Господине! И што но-
ге, но глава! Глава ти е занста замашна, и како
тѣешь лѣпъ и великъ носъ имати (лагано къ Све-
тозару) — но починье му Юшт' сад' одъ вина цр-
венити. Устница ти е истина поширока; но ако
узимашь бркове, добро тѣе быти.

Марко. (Намргодившице) Шта? Я ако уни-
мамъ бркове? И ты, зла ти срѣтъа! мож'шсе сум-
няти о томъ? Како да я не бы самъ бркове имао!
О ты луда главо Србска! и као Србинъ како си,
молимъ те, тако лудо и ретъи могао?

Бурямъ. Гле сад'! А заръ е то лудо речено?
кад' узимашь бркове.

Марко. А! Кад' узимашь! Мени се чини, да
ты мени рече: Ако узимашь. Е прости.

Бурямъ. (Смѣютьисе) Као Србинъ, вели, ка-
ко си могао тако лудо ретъи? Господине! Дакле
Србинъ свакій мора быти паметанъ?

Марко. Да? Да како ты хотѣешь? Да буде
кой и лудъ? Бога ти Побро, е л' онъ Србинъ?

Свет. Правый, Побро! и отцемъ и матеромъ
Србинъ.

Бурямъ. Матеромъ, Господине, знамъ да
самъ, но отцемъ не знамъ.

Марко. Шта болянъ? И то не знашь, ко ти
е отаць!

Бурямъ. (Лагано на уво) То мати моя зна.

Ето ти имъ на то и Чедомиля съ виномъ.
Бурямъ при'вати бокаль: Здравъ Господине! На
кое овай: А! не тако! овамо тай бокаль! Ты си
испио; сад' е мой редъ. Светозаръ при овомъ
смотри сад', да имъ и Монъ Ами иде. Побрати-
ме, вели, ево намъ Юшт' еднога госта; но остав-

те те ваше разговоре. Монъ-Ами бѣше по обычаю своѣмъ обученъ, у краткой одной лѣтъной альпиници, бѣлы одѣ памука до колѣна чарапа, шарены одѣ колѣна класня (плундра), црвеномъ одѣ казимира прслуку, изъ когъ му велики, снѣжнобѣли, и прекрасно набрани одори (шапутле) извадѣни бя'у. На глави имадѣаше Шпанскій шеширъ, и на ногу ципеле съ великимъ сребрнимъ копчама (шюлама), на руку зелене рукавице одѣ свиле, и у десной руди еданъ малый штапиль. Марко, држетъи у руци бокаль, бѣшесе загледао у нѣга и ништа не говораше. Монъ-Ами, као човѣкъ одѣ моде, и по обычаю земље, у којой се родю, отлични и ходъ имадѣаше. Онъ мале и споре кораке уситню бѣше. И будутъи да смотри Старогъ Господина съ Гойкомъ, мимоидѣ сад ове, и оде онамо. Марко, пошто га очима пропрати: Е! вели, сад знамъ, ко е онъ! То е онай, што по ужету игра. И будутъи да онъ тако и мышляше, зато и строго реке, кое се овьма свима да на смѣй, особито Буряму. Та што се смѣешь, као лудъ? намргодѣенъ повиче Марко, — колико самъ, вели, таквы у Дубровнику видѣо, гдѣ се по ужету преметьу!

Бурямъ. Та како бы я лудъ быо, Господине, кадъ самъ я Србинъ?

Марко. Вражкій си ты Србляинъ, кадъ незнашь, ни ко ти е отаць быо. Та безъ шале? Држи Старый Господинъ таквогъ, што му по ужету игра.

Бурямъ. Та то е, Господине, то, Вы сте добро рекли, но ако хотѣете?

Марко. Хмъ! Опеть онъ политичити поче! Вы сте! Ако хотѣете! Шта ако хотѣу? Казуй де!

Бурямъ. Та велимъ, ако хотѣешь, да намъ покаже свое художество?

Марко. А! А може? Има свою оправу заръ и овдѣ?

Бурямъ. Има да како! Но да га зовнемъ! Онъ тѣе то таки учинити.

Марко. Мани га къ врагу! Нетѣу, да га зовещъ;

— мрзимъ съ такимъ людма говорити, кои велике комплimente знаю правити. Но ако хотье, ено нека пружи уже измежду она два бреста доле, па нек' се преметье, а мы тъемо одавдѣ гледати.

Свет. Пстѣ! тѣутите! Ево га къ нама гдѣ иде! Побро! Не слушай ты овога лупежа. Нѣе, брате, онѣ комедіантъ, овай се само шали съ тобомъ. Онѣ е финный еданъ човѣкъ, наученъ, и нашъ двороправитель. Буряме! Доста! Не смѣйтесе! Друго е, кад' се ты съ нѣимъ предѣ познатыма шалишь; онда ти онѣ не замѣрава: а друго е сад' предѣ Господиномъ. Онѣ сад' нарочито овамо и иде, — знамъ, да су му они казали, да додѣе поздравити младога Мриячевичѣа. Но Побро! Паметно!

Марко. (Намргодѣень) Шта? Овамо иде! (Сбунисе сад', станесе неспокойно мѣшколѣити и по глави чешкати) Когъ му врага знамъ опетѣ сад' говорити? Ха! Нема ми горе него то! Бога ти Побро! Ил' изидѣи предѣ нѣега и одварай га куд', ил', ако додѣе, говори ты за мене. Мене мрзи!

Свет. А! Побро! То бы лѣпо было! Не треба, брате, ту много говорити, но само на нѣегове рѣчи и ты рецы као што е обычно: И мени е особито драго! Честь и одѣ мое стране Господине! На служби! и прочая, вальда си чуо градѣанске обычае, кад' се поздравляю. Марко намѣ стане сад' ову лекцію брже болье на изусть учити, и рѣчи исте Светозарове почне лагано повторавати: И мени е особито драго! Честь одѣ мое стране Господине! На служби! — Шта оно іошт' бѣше? Ха! Знамъ! и прочая. Бурямъ и Чедомиль скоче на ноге, и одѣ тежка смѣя уватесе за трубуъ и побѣгну за еданъ растѣ. Но Светозаръ у томъ мудро и мужественно се умѣри, особито, да не бы Монѣ Амїа увредіо, еога познаваше, съ коимъ намѣренїемъ сад' иде: Само паметно Побро! Ево намѣ га! — Марко сад' устане и укочисе као проштацѣ. Монѣ Амїи съ умилныма на лицу чертицама, као живымъ знакомъ учтивости и любезнога обычаја, погледи на Светозара, и на е-

данпуть на ову меснату штатуу: Ако се не варамаъ, вели, я имамаъ честь у овомъ Господиу поздравити младогъ Господина Мрнячевичъа? На кое Марко сад' предвари и Светозара, и потргне свою лекцію: Мени е особито драго Честь одъ мое стране На служби и прочая. Онъ све ове рѣчи и безъ коммѣ едно за другимъ на еданпуть изговори, па пунъ задовольства спусти намъ се опеть на землю. Светозаръ се мало зарумени; но Французъ, као мужъ наученъ: Право! повиче, и учини му копліментъ, — Право! Драго ми е, да имамаъ ту срѣтбу, познати Васъ. Красанъ младить! рекне Французски Светозару, — лѣпо дѣте! Не замѣрите му, рекне Светозаръ такодѣе Французски, простъ е Юшт' сиромашъ; но срдце има весма добро, чисто и сасвимъ естественно. Юшт' му обычаи градьански нису тако познати, па се стыди: — иначе онъ има и разумъ весма лѣпъ. А! вѣруемъ, любезный мой. вѣруемъ, видисе и на нѣму: но ништа зато! Дѣте е ово Юшт' и младо, — има онъ времена Юшт' учитисе. Само кад' онъ има одъ природе добре дарове! И мы се нисмо, любезный Господине, научени родили.

Сатимъ опеть окренесе къ Марку и поклонивши му се: Я се праштамаъ, Любезный! Слуга! Слуга! одговори му онъ. Сад' Монъ Ами, видивши Господьу Косару, Драгиню, Милису, стару Евдохю, коя малогъ Светолика водъаше, и 5: дѣвица', кое као Нумфе обучене за овима слѣдовау, одтрчи предъ нѣи, и свима тако у чопору почне комплиментирати. Марко ово Юшт' онако укоченъ гледетья: Хвала Богу, вели, те се ты мени съ врата скиде; сад' комплиментирай, колико ти е воля. На то ето ти имъ опеть Буряма и Чедомиа, кои се Юшт' одъ смѣя задржати не могау: О ты зукване! смѣшетъисе и самъ рекне Марко Буряму: Да си было само и чуо, како самъ мурекао! Ђ л' Побро? Добро е Побро! Добро е све было! Е! Шта ты слушашь нѣга?

Бурямъ. Та добро, Господине, како не бы добро было? И я самъ чуо. Ни одну рѣчь погрѣшю нѣ!

Чедомиль. Ёсть! Господине, Ёсть! Вы сте нъему лѣпо казали. Я самъ се бою, да оно и прочая не заборавите; но Вы казасте нъему и оно.

Марко. О да! Казао самъ я нъему и то. Казао бы самъ му и вышше. Но Побра ми е кривъ, онъ га Французски заговори. Но Бога ти Побро, шта ти оно рече, кад' на мене погледаше?

Светозаръ. Ништа Побро! Пыта ме, знашь ли Французски, а я му реко, да не знашь, само век' иде.

Марко. Право велишь. Но зашто му ниси казао, да я знамъ Турски? Ей! да си му то казао!

Бурямъ. Бре пій то вино, па дай овамо! Не видишь, да намъ се дружество учопорило. Сад' тьемо мы итьи морати.

Марко. На пій, кад' си жеданъ, па тьу и я пити. Бурямъ пріими купу, и видѣвши, да му се Стрыць састрагъ приближаваше, а Любомиръ, предъ кога Светозаръ изишао бѣше, мало заостао, напиесе и даде Марку: Јо! Побро! мутькаютьи бокаль, та ты море испи! Сатимъ натегне, да све искапи, и како е яко натеггао быо, смотри преко главе Стрыца и тргне. Тако! тако! машутьи овай главомъ на нѣга повиче. Како си пустый натеггао, као да ти е медъ! Е! мой Сынко! Нѣ ти срамота, да тако младъ толико пѣшь? Ёси л' се знао баръ людски съ онымъ Господиномъ поздравити? А! Ёсть, Господине, ёсть, одговори Бурямъ. Онъ се весма лѣпо и учтиво съ нымъ поздравіо. А! камена се онъ, мой сынко, знао лѣпо поздравити! Онъ зна само бокале и чашице искапльивати! Ё то ти намъ онъ зна! Устай да се иде!

На то ето ти имъ и слугу' съ коньма! Ту се сад' лѣпо опросте и излюбѣ, па сѣдну на свое коньѣ и оду.

Нашъ Старый, гледетьи за нѣма, како имъ се сребрне токе спрам' сунца блистау, какви су.

имъ коньѣ накитъени, какве имъ одъ злата ките по уздама висе, какве ли су имъ златне за высоки кадпаці челенке, све ситнымъ бисеромъ изшаране и украшене, потресе само главомъ, и пошлѣ свогъ двороправителя Монъ Амiя у гостилникъ, те за обѣдъ исплати. Садъ заповѣди слугама, да коньѣ одма, едне у кола упрегну, друге, я'атѣ, осѣдлаю. И тако едни на четвора кола посѣдаю, а други на коньѣ узашу, и ветъ око' малы' заранак на путь одтиснусе.

Светозаръ са Старымъ сѣдетъѣ на едны' коли' чув, гдѣ се на првы' коли', на кой' Господѣе съ Монъ Амiемъ сѣдѣа'у, нѣшто grootомъ смѣю; — погледи на Буряма и осмѣнесе. Што намъ се тѣи смѣю? упыта Господинъ. Чедомиль имъ нѣшто преповѣди, одговори Светозаръ, коє имъ тако смѣшно пада. О Господине! придода Бурямъ, така смѣя данасъ съ младымъ Мрнячевичьемъ што имадосмо! Нисамъ се, вели, заръ у свой данъ толико насмѣаю. Старый погледи на Светозара. Та то, вели, вальда нѣему и смѣюсе. Нѣему, да како? одговори Светозаръ, и преповѣди садъ Отцу цѣлу повѣсть о Марку. О моя дѣцѣ! рекне Старый, нѣ то смѣя, но плача достойно, видѣти благородника, онолико и онако запуштенногъ! А нѣе сироманъ ни онъ кривъ, но криви су старii нѣегови. И шта друго данасъ, сутра, отечество одъ таквога себи и може очекивати, нежели безчестiє. Сатимъ садъ зовне съ првы' кола' Чедомиля къ себи, и заповѣди му, да сѣдне до Буряма. Младить се уплашио, и савѣ поруменио бѣше, превали свое велике очи на брата, — Светозаръ погледи на Отца; — Сѣди сыне, Старый му рекне, сѣди не бойсе! Ил' признавшъ, да си што скривio? О любезный Отацъ! рекне Милисса, та зашто намъ узесте Чедомиля? Како насъ в' лѣпо веселио! Садъ тѣе онъ и опетъ Вамъ дотѣ, одговори Старый. Видишь сыне, съ кротостью почне Старый, видетъѣ га да се уплашио, како в' ружна, и како намъ смѣшна стваръ пада, кадъ видимо кога, а особито благородна

жладитѣа, да в тако простѣ и тупѣ, као што нашѣ в Марко, кога си данасѣ видіо: но Јошт' ружниѣ, дѣте мое, за другимѣ говорити. Наравно в, да се онакоме за простоту његову мора човѣкъ мало и насмѣяти: али у овомѣ нигда не треба мѣру прелазити. Помысли дѣте мое, да онѣ нѣ кривѣ, што в онакавѣ, но криви су родителѣи му, кои га нису болѣе воспитали. Зато ако се онакоме мало и насмѣшь, и о њему што предѣ своима, кодъ кои' тѣе и остати, мало што и рекнешѣ; свагда текѣ нек' ти в на срѣцу та мысао, да ништа ни за кимѣ говорити не треба, што на умаљенѣе чести његове служити може. И то што си о Марку ту рекао, ту тѣе и остати; но вышше нигдѣ и нигда да се ниси за животѣ усудіо, о њему то говорити. О сыне! Красна в ово добродѣтель, за другимѣ не говорити. — красна и света, не само унутрашњегѣ нашегѣ моралногѣ чувства ради, но и сбогѣ спољашњегѣ мира и спокойногѣ живота нашегѣ у саобраштваванѣю са свѣтомѣ. Отацѣ любезный! при'вативши рѣчь младитѣ, я нисамѣ ни почео о њему говорити; ено тѣе Вамѣ и они казати, но Монѣ Ами, на коѣ они почнусѣ смѣяти, и на то и я добывѣмѣ волю, и кажемѣ имѣ, шта се съ њимѣ и найпре догодило, и како се съ Бурямомѣ разговарао, — на ово они — Но ништа, пресѣче му Старый слово, я тебе овдѣ толико и не караѣмѣ, сыне; но само те совѣтуемѣ, да се и у подобной прилици знашь владати: а нисамѣ те нарочито зато овамо ни дозвоао, придода честный Старацѣ, него да Вамѣ укратко кажемѣ повѣсть о истой Мрвнчевичѣа' фамиліи, одкуда они происходе и како се у Дворѣ угнѣздише.

Царѣ истый нашѣ, Душанѣ, пре ѣколко година' оде у Далмацію, случайно додѣе у едно мало село, не далеко одѣ рѣке Наренте. И будутѣи да га ту увати ноѣ, то онѣ поните себѣ пристойно мѣсто, гдѣ бы в съ малымѣ числомѣ свога друштва провео. Жителѣи тога мѣста одведу га къ ѣкомѣ, иначе благородномѣ, но убогомѣ

мужу, кога е домъ ту медъу сеоскимъ домовима повайотмѣнни быо, и доматина сви су у томе селу Мрнѣомъ звали. Тай истый Мрня быо е тогъ младогъ Марка дѣда, а Вуканина, Угльеше, и тога Гойка, родьеный отаць, мужъ довольно научень и краснорѣчивъ, о коме Царь то исто вѣче толико благоволи, и о ньему зато, што шесторо дѣде имадыше, а сиромая бѣше, саболъзнуе и сажали, да га другій данъ; полаеть изъ ньеговогъ дома, са собомъ узме, заедно са три ньегова сына, Вукашиномъ, Угльешомъ и Гойкомъ, такоде са три дѣтери и женомъ, — све то онъ узме и у свой Дворъ доведе. Старый Мрня по маломъ времену умре имъ, а сынове му Царь тако возлюби, да ето садъ видите, до чега су дошли, и на какво и достоинство узведе и подиже! Е! Садъ иди сыне, рекне младитьу, опеть къ твоему дружеству и разговарай и.

Путуютъ овако у разговорѣ стигнушке трговце. Ово тѣ быти иъки Грцы, рекне Старый. По одѣлу и я бы рекао, одговори Светозарь. Бурямъ, погледавши: Оно е едно на коню што стои, вели, Господинъ Косма. Какавъ Косма? приложи Старый, та не ли онъ съ дѣвойкама на стражнѣи коли? Бсть да! Онъ сидѣе съ кола Юштъ како смо се вренули, и на коню оде напредъ. Сатимъ приближесе къ страннѣмъ, у којима заиста познаду Грке. Ови бѣу пустили конѣе свое пасти; а они посѣдали на трави, и съ Космомъ се разговараю. Староме садъ то мило буде, кадъ види Грке, кое онъ, као и языкъ ньювъ, весма любляше. Ту се одна заустави, скочи съ кола и Грчки и поздравилъ. А знате л' Ую, одкудъ су? предваривши запыта га Косма, — изъ Фесалие, изъ града Лариссе! Ово садъ Старога наново усхити, будутъ да онъ свагда градъ Лариссу, и мало оно у Фисіуму мѣсто Леониду са усладьеньемъ споминяше, како е онъ ту у любезной тишини, и онако срѣтъво, 13. свои лѣта провео. И Вы сте изъ Лариссе? радостно упыта и. Заиста есмо, Господине, одговоре ови, уставши и учтиво поклонивши му се,

— смо изъ Лариссе, и сад' тамо идемо; но драго намъ е, да у Вама таквога Грка чуємо. О мили мои и любезни Грцы! полюбившисе съ нѣма умилъень рекне Старый, сѣдимо мало овдѣ, — сѣдимо на ову мекку травицу, да се мало поразговарамо. Чедомилю сыне! дай те кондире съ виномъ; при чаши вина больше тѣе намъ се и разговоръ отворити: а имамаъ Вамъ прекрасногъ, и онако заматорилогъ Мостарскогъ вина. Пили смо га довольно и у Мостару, одговоре ови, — одтуда сад' и идемо. Космо сынко, а што си ты оставио твоо дружство, и тога коня моришь? Та я помисли', да тѣу слуге ститьи; но они ветъ умакли. То рекне и скочи съ коня, и прочи сидѣу, и подѣу мало по трaви, ноге протезати. Косара и Милисса такодѣе приступе и ту сад' ове странне поздраве. Ето ти имъ Чедомиля съ виномъ, и двѣ дѣвице съ нѣки у марама' колачи. Ха! Точи намъ сыне тогъ доброгъ вина, и понуди редомъ ове честне Господаре, а ты Милица подай Господи те колаче, — Дед' Косара сынко, понуди наше добре госте. Светозаръ стао бѣше съ Драгиномъ наспрамъ нѣи, и съ умилъеньемъ гледаше онѣ на нѣма ношиво, споминутьи сад' съ нѣомъ любезно оно време, кое су они у првомъ цвѣту свога дѣтинства у Фесалии и Блѣсиуму измедѣу таки' людѣи провели. Узмите любезни мои, рекне Старый трговцима, узмите по кой залогай. Я знамъ, да Вы нисте гладни, но да намъ больше по чаша и друга вина падне.

Та како то, Господине, рекне еданъ одъ странны', Вы сви говорите нашимъ взыкомъ! Фаміліа моя цѣла Грчки зна. Драгиня, сынко! Светозаре! Гле сад'! На то ови двоо заруменесе и приступе имъ, и поздравивши ту странне сѣдну до матере.

Кажите ми сад', любезни мои, рекне Старый, е ли Вамъ Юшт' живъ Архіепіскопъ? Умр'о е! О умр'о намъ е, Господине, сви повичу као изъ едны' уста! Старый на то тронуть недвижимъ учинисе. Гледетьи на нѣи подуго потѣути, замышльенномъ тако наводне му се очи: Умр'о! То

рекне, и превале му се двѣ велике сузе низъ
честно лице. Умир'о Богме, Господине, повторе
ови, и много смо добра у ньему изгубили. Богъ
да намъ га прости! бришутьи очи рекне Старый,
— честный мужъ, света душа, и правый в па-
стырь словесномъ своемъ стаду быо. Богъ да га
прости! При полазку момъ изъ Лариссе пре двѣ
године — можно, велимъ му, Господине, да се
вышше нигда видѣти нетьемо. Онъ се на то за-
плаче: Видитьемосе, вели, любезный мой, ондѣ,
гдѣ нетъе намъ быти плача ни риданія. О добрый
е оно Христіанинъ быо! Но благо ньеговой души!
И мы тьемо за ньимъ. Но кажите ми, молимъ Васъ,
Леонида, кою Маломъ зову, Вама е позната? О
како не? предваре ови, — то село сад' къ на-
шемъ граду и принадлежи. Е! добро! Познаете л'
нѣкогъ Аристіда ондѣ? Онъ е живописаць, но
бывао е, сиромашъ, и трговаць, човѣкъ онако —
О знамо га добро! при'вативши рѣчь возразе ови,
знамо Господине, онъ е живъ, и онъ се сад' къ
нама преселио у градъ. Купіо е себи домъ, и по-
чео опеть занатъ свой; но сиромашъ буде нѣкако
несрѣтъанъ. Како? Бѣду ноть появи намъ се ва-
тра, изгорѣ му сиромашъ и домъ, и све, што е годъ
имао. Па јошт' кукавца нападну нѣки наши гра-
дъани, и стану одъ ньега истязавати нѣке ства-
ри, кое су му были у посао дали, и кое су имъ
томъ приликомъ изгорѣле, да имъ плати; а, како
чуемо, было е стварій драгоцѣнны', — златны' и
сребрны', — но одкуда имъ е платити знао, кад'
е сиромашъ и съ прочима заедно пострадао? Ао!
сиромаша човѣка! у сажальенью рекне Ста-
рый са своимъ. Па како сад'? Гдѣ е? Быо е нѣ-
колико дана' и затворенъ; но пусте га; и сад' е
тамо у граду. Склоніосе кодъ еднога, такодье
сиромаша, у домъ, и почео е опеть радити; но чу-
емо, да нетъе вышше тамо у Ларисси остати. Та
за Бога ніе л' онъ имао ондѣ близу кодъ Леони-
де нѣшто мало добра свога? Шта е дакле чиніо?
Е! За онимъ онъ, мой Господине, сад' и плаче.
Ніе оно мало было, но да живи као еданъ Госпо-

день; ал' се преварио и другоме продао. Нив заръ могао судбу свою предвидити, да тье онако страдати. Ао кукавногъ могъ Аристѣда! Жао ми га е? А Бога Вамъ, не знате ли ми Юшт' што казати и за нѣкога Харитона, кой е ондѣ съ нѣимъ живіо? А! за оногъ дѣволастогъ старца? смѣшетьсе одговоре ови. Видѣали смо и нѣга, — быо е до скоро у граду кодъ насъ; но одъ нѣкогъ времена, како му Аристѣдъ пострада, нестаде га. Морао е нѣкуд' отити. Та онъ е заедно са Аристѣдомъ она добра у Блісіуму и притяжавао, пакъ су и' заедно и продали, и Аристѣдъ га сіломъ довуче у градъ. Видишь Косара моя, рекне Старый, каква се то промѣна за кратко време учинила!

Каже Старый сад' овимъ страннымъ, но као мимо'одъ, како е онъ ту у Ларисси быо, и како ту многе познае; — претъути пакъ, точно имъ се изявити, ко е онъ. Провѣду тако у разговорѣ мало време, и напившисе Юште по нѣколико пута' поздраве ови како Аристѣда, тако и друге тамо познате, и рекну имъ, да кажу Аристѣду, да га е поздравіо старый Любомиръ са своимъ замѣліомъ своимъ, съ когомъ полази сад' у Црну Гору, у мѣсто Пиперинъ. Придода имъ и то, да ако бы се кадгодъ у животу своемъ заканути могао, да предузме путь и додѣе имъ тамо. Ово е, рекне имъ, мой Косма, а ово ми е унукъ Светозаръ, за ков тье онъ сиромашъ прво запытати, — кажите му, да сте и' видѣли. Сатимъ лѣпо по чашу вина и съ ногу' поію, опростесе и разстану. Трговцы путь свой предузму на Шкутаре; а ови, посадьуютъсе на кола своя, гледау за нѣима. Нисмо се ни томе данасъ надали, рекне сад' Старый, да тьемосе тако изненада о наши' пріятельи' извѣстити.

Топлота жаркогъ дана сад' имъ попрестане, и сунчани имъ зрацы, мало помало ослабляютьи, почнусе губити; ти'а ноть приближаваше имъ се, и испаренный изъ разны' цвѣтова сунцемъ мирисъ стане имъ се по вечернемъ' воздуху пріятно разносити. При послѣднемъ ветъ сунца

за'оду, пошто узидьбу на едну узвышену поляну, угледаю ту надесно замакъ, зовомый Клобукъ, кой на самомъ вр'у едне повысоке горе баше. Но! Хвала Богу, ево се веть и къ граници приближавамо. Ова гора, дѣцо, разставля намъ нашу любезну Херцеговину одъ Црне Горе. Тако мы данасъ, Отаць, ни касно у нашу домовину приспѣти нетьемо? О! о! мой сынокъ! возрази Старый, то ты извади изъ главе. Да се нисмо данасъ сбогъ врутине на гостилнику онолико бавили, могли бы смо были покасно приспѣти: ал' овакъ, заиста не! Но ко насъ и тера? Нисамъ радъ ни скотове морити, — а друго, да Вамъ и то право важемъ, дѣцо, да я радо у Маію мѣсецу путуемъ, и не бы самъ маріо, да ми е и трипуть толико путовати. Отаць! А я самъ желію, да у вече у нашъ замакъ стигнемо, рекне Светозаръ. О Отаць! повичу и други, ала бы то лѣпо и было. Іо дѣцо! То е найлагкше, одговори добрый Отаць! Мы тьемо сад' ту близу на пренотыіе дотѣч, па тьемосе сутра ма касніе кренути, и тако лагано гледатьемо, да око' 10 часова додьемо на еданъ прекрасный, какогодъ што намъ е Златица, гостилникъ, Карлово зовомый. Одандъ до Пилерина нема вышше одъ два' часа'. Ту се дакле можемо задржати, докле намъ е воля, умѣривши време, како тьемо о за'оду сунца тамо Косми и Монъ Амію, ков тьемо съ Бурямомъ напредъ послати, на вечеру дотѣи. На ово се сад' сви и согласе. Тако съ малымъ мракомъ спустесе ту у едно село, преко кога предьбу, и на край нѣга у еданъ великій и такодѣе лѣпъ гостилникъ додьбу, и чимъ они у авлію гостилника ступе, почне имъ помало киша ромняти, ерѣ мали нѣки, но густы облацы одъ планине бяу имъ се подигли. Одсад' можешъ падати, рекну съ кола' силазетѣи и у себе бѣгаютьи.

Гоститель сад' стане за вечеру журитисе. Тако, тако, Газда! рекне му Старый, ступаютьи у собу. Гледай само, вели, да што добро буде. На кое газдарица, жена крупна, и тако у тѣлу

угосна и дебела, да едва проговараше: Не бринитесе, Ваше Высокоблагородіе, одговори, Вы тьете у свему по воляи Вашей быти кодь насъ послужени, зашто мы смо се, вели, мало Вама и надали, — данасъ су и Ваше слуге отуда прошле. Сатимъ одма стане съ младьима своима попечително за вечеру гледати.

Гости наши сад' крозь четири велике и чисте собе изъ єдне у другу подьу шетатисе, а два млада служителя удьу у велику имъ ту салу съ прекраснымъ постольемъ, и стану имъ три астала застирати. На то спусти имъ се и киша. Они сад' отворе прозоре, и наслонесе къ нькой ту шуми, гледати, како имъ мунье часть на часть итро крозь воздухъ свѣтлацаю, конма и ти'а грмявина послѣдоваше. Пріятный нькій по воздуху, кишомъ растворенномъ, мирисъ на прозоре имъ у собе увѣяваше. Монъ Ами, видетьи Косму, гдѣ се преко собе съ Косаромъ и Милиссомъ исподъ руке проходьаше, узме и самъ подъ руке двѣ дтьери гостителя и подье за ньима. На то удье имъ дебела газдарица ньшто посломъ своимъ у исту собу. Бурямъ сад' лати ову, и съ ньомъ подье такодь лагано за прочима. Но! рекне газдарица, Фаннь парь людій — мѣретьи га одъ главе до ногу' — као да смо се, вели, по свѣту тражили. Е! пашта намъ фали? одговори Бурямъ, гулубче мое мило! како си ми лѣпа, и у струку танка и висока! камо да си ми мало руменія! Зашто я не милуемъ тако господску блѣду и бѣлу шарь. О ты Гіганте! желила бы самъ знати, у комъ си се шпїталю и ты лѣчио? Одъ саме бы ти главе деветь карлица' пихтія' истерати могла. О мила моя и мирисна кито цвѣтъя! Валѣда ми нигда вина и не пієшь, кадъ такавъ лѣпъ и ясанъ гласъ имашь! Видимъ, какавъ е и твоя, одговори она, као да ти е грло вратиломъ пробівно: но пуштай ме, да гледамъ я мой посао! Сатимъ извіе му се исподъ руке и подье преко сале. Бурямъ сад' са склопльенныма рукама уныло за ньомъ гледетьи: Боже мой! рекне, што ти

е любовь! Оста ми сердце на нъой! Дедерь се ты мало поштуй, рекне му смѣшетьсе Косма, докъ те, вели, нѣ нъенъ войно спазіо! А да га, придода, само видишь, колікій е! На то ето ти имѣ еднога, на когъ Бурямъ првый устреми погледъ свой, и съ нѣкимъ удивленьемъ гледи га. За волю Божию! рекне, у што ли е овай године свое провео? Псть! То е газда! Ово? То! то! А оно му е друго братъ! Бурямъ приступи къ прозору и лагано къ Светозару: Господине! Гледай-те овамо! Бсте л' кадгодъ оволикогъ човѣка видѣли? Жалостный мужъ оне дебеле! Но! Ово е управо: нашла вретъа закрпу! Како се усуди кукаваць, тако малый, оженитисе! Пакъ іошт' онако грдну жену узети! Та е л' могуте, Божья Вамъ вѣра! Да е онъ нъенъ мужъ? Онъ! Онъ! одговори Косма, па погледай, какве су му дѣтери! Псть! повиче Светозаръ, не смѣйтеся!

При овомъ Теша (ово му име баше) приступи, и прво Старогъ Господина, а потомъ и све проче учтиво поздрави. О Газда! рекне му Старый, како сте? Любимъ руку, Господине, одговори овай, здравъ самъ, но изволте, вели, мало у другу собу на одну рѣчь. И текъ што Господинъ съ нѣимъ преко себе подѣе, на другой се у ту исту врата отворе, у когой на среди и еданъ малый съ двѣ воштане свѣтъе полчелей горяше.

Улѣзши сад' Старый унутра смотри едногъ болногъ мужа на кревету. Простите, проговори овай Староме, простите ми сладкій Господине, што самъ се усудіо, Васъ къ себи позвати. Моя бы дужность была, къ Вама у собу утъи; но не могу. Да Вамъ е на здравлье, придода, и не буди Вамъ премѣньено, данась у путу добыемъ нѣку колику, па ето донесоше ми ѡей нѣкій, одъ когъ се ево поче' зноити, и, хвала Богу, осѣтъамсе мало болье. Сатимъ газда подмакне Староме століцу. Сѣдите, Господине, приложи странный съ кревета, — сѣдите мало кодь мене, и дайте ми, вели, руку, да Вамъ полюбимъ. Старый га внимательно гледетьи: Простите ми, любезный мой, —

я не знамъ, съ кимъ — вѣруемъ, Господине, привативши му овай рѣчь, давно е и было, — вѣруемъ, да ме не познасте; ади нетьбу Вамъ се ни казати предъе, нежели ми руку дате, да е полюбимъ. Не! Любезный мой, приступивши му Старый, но овако тъемо, вели, Србски полюбитисе. Странный притомъ полюби га и у руку: Я самъ, вели, Гаговичъ изъ Црне Горе. Вы Гаговичъ! Димитрій? На служби, Господине, я самъ! Младый братъ Милоя и Веселина? Есть, Господине, я самъ, и ако се можете опоменути, но бытъе Богме томе ветъ и 20. година, како смо у Дубровнику заедно были, кадъ сте оно Вы съ младымъ Княземъ — садашпымъ Царемъ нашимъ — долазили. Знамъ, брате, возрази Старый, знамъ, — како не бы знао? Па кадъ сте одъ дома? Петый данъ ветъ како се ту на момъ добру находимъ, — та вальда сте што и разумѣли, да смо се мы подѣлили. Но найстарий Вамъ братъ Милое у Ньегушу сѣди? У Ньегушу, Господине! Онъ е тамо градоначалникъ, а садъ како чуемъ — смѣшетьсисе на Старога, — мени е особито драго, привати Старый, што тѣе ми онъ быти, — я самъ заиста то желю. О сладкій Господине! Не само да сте Вы то желли, но Вы сте му то кодъ Цара и исходатайствовали, за кое мы Вама съ цѣломъ нашимъ Фаміліомъ, и найдалымъ нашимъ потомствомъ благодарни и обвезани остаемо; и Вы тѣетесе, Господине, скорымъ увѣрити, и самымъ дѣломъ тѣе Вамъ се за свѣдочити, да се нѣе могао Вашъ пронциателный духъ у томе, кога тѣе за такво званіе избрати, преварити, какогодъ што е и царско око добро за насъ и нашу землю промотрило, коме е подъ удраву вручити валя. Я Вамъ, сладкій Господине, гоштъ съ отвореннымъ срдцемъ (уставши мало) честитамъ новополучено достоинство Ваше, — Богъ да Вамъ честный Вашъ животь на премнога лѣта добрымъ здравльемъ подкрѣпи! Благодаримъ, любезный мой, опетъ цѣлуемъ тѣе съ нымъ рекне Старый, благодаримъ, и желимъ Васъ, да ми тамо додѣете, и ондѣ, любезный

мой, да ми честитате, гдѣ се можемо мало и провеселити. За особиту себи честь приймамъ, Господине, и нетѣу заиста мою дужность у томѣ ни пропустити. А како е средній Вашъ братъ? и прочи? Бсу ли сви здрави? Сви, Богу хвала, Господине. Порѣдко се, да видите, сад' и саставмо; но опетъ чуемо еданъ за другога. Я, кад' се подѣлисмо, приберемсе съ моѣомъ фаміліомъ овамо, а Веселинъ намъ понайвише обитава у Крайну, и управля добра, у коима и я нѣшто участія имамъ, и коя смо по дѣоби нашей купили, одъ Нѣгуша къ Бзеру идутьи; а я сад' овдѣ у Дубици пребывамъ. Но не пытамъ Господине, — о како ми е жао, што устати не смѣмъ! — не любезный мой! рекне Старый, не! Вы по воли Вашей чините! Иматьемо време! Не пытамъ Васъ, съ кимъ сте овдѣ? мени каза тай нашъ газда за Васъ; а я не бы самъ ни знао.

На то Старый сад' зовне свою фамілію, те се ту съ нѣимъ поздраве и познаду. О како ми е драго, Господине, што ми се овако догоди, да я првый ту срѣтъу имамъ, Васъ съ благородномъ фаміліомъ Вашомъ овако изненада видити и познати.

Притомъ удѣ имъ опетъ газда — гоститель — и позове ове на вечеру. И будутъи да Старый намѣриваше порано одатле по 'ладу Гошт' кренутисе, и ту у нѣкій монастырь свратитисе; зато сад' съ Гаговичьемъ и опростисе. Красни су то люди, ушавши у велику салу рекне своима, — стара е то и благородна фамілія, — одпре самъ, вели, и кнѣигу одъ найстаріегъ примію. То говоретьи предѣе къ прозору и погледи на полѣе: А! Како намъ се льпо изведри и мѣсець освѣтли! Иматьемо дакле льпшій данъ него и данасъ, рекну прочи. А! Сутра тьемо, приложи Старый, мало про'ладителанъ и чистъ воздухъ имати. Читай Чедомилю сынко, да се вечера, па да идемо спавати: „Милостивѣйшій Отче нашъ на небесѣхъ, благослови намъ сіе ястіе и питіе, еже ты намъ повседневно и даеши, яко да умѣрено и

разумно отъ сихъ мы нынѣ вкусимъ, и тебе, Бога и Отца нашего, съ радостію во вѣки восхвалимъ, аминь.“ Космо, ты сутра съ Бурямою да идешь управо у Дворъ, рекне садъ Старый, сѣдаютьи за асталъ, да видишь сынко, како е тамо? и есу ли намъ слуге съ оно добра на миру тамо приспѣле? Идемъ, Господине, и я, повиче Монъ Амъ! Добро! одговори Старый, идите дакле сви троица. Узмите и ту двоицу (за два млада служителя) и гледайте дѣцо, да све у лѣпъ поредакъ ставите, и съ пристойномъ вечеромъ насъ дочекате, ако желите, да Вамъ се Стараць не разсрди; а мы тѣмо Вамъ лѣпо у монастырь, къ любезнымъ нашимъ Отцима Калугьберима на обѣдъ. О видитьете, какво намъ е и то мѣсто дивно, пакъ велимъ, умѣсто што бы смо овдѣ сутра време мало дужже пробавили, паде ми на умъ, да у Стримонъ Монастырь одемо.

Чимъ они овако вечераютьи почну и вино пити, удари имъ на страни арфа. Еданъ младъ момакъ око' свои' 25 лѣта' съ двое лѣпо обучене дѣце сѣдне ту за еданъ округао асталчить, и стане у арфу ударати а дѣца му пѣвати. Ови одъ астала, погледавши на нѣи, мало приталожесе. Светозаръ нашъ, као младъ дѣчко, узбудисе и на игру. Добрый Отаць, примѣтивши пріятно ово нѣегово неспокойство: Айде, вели, кад' имашъ волю, протегни мало ноге. Юноша, пунъ радости, скочи, горню свою свиту са себе скине, и онако лагкъ узме Драгиною; Чедомиль понуди Борику, дтѣрь гостителя. Монъ Ами сад' умиляваютьисе погледаше то на Косару, то на Милиссу. Косара насмѣесе на нѣега и устане му сама, знаютьи, да му Милисса, коя за старымъ отцемъ жалаше, нетѣ сад' заиграти.

И тако ова три пара поставесе лѣпо у редъ, и поведу прво ти'у нѣку игру на подобіе минуеттъ, кою су они у оно време *Шеткомъ* звали. Ова имъ е готово у свакомъ веселью почетакъ играма была. Паръ по паръ стали бы едни спрам' други', држетъисе мужко и женско за руку. И

тако нѣколико магновенія' сгледаютьсе даиъ бы позоръ на мусіку, коя, како бы имъ начинъ предъузете игре огласила, одма бы почели' разне фігуре ногама правити. У толико се игра ова одъ минуетта' разликовала, што бы само послѣ учинѣны' нѣколико фігура' свакій свою итрачицу у обѣруке по поясу узео, и тако окренувшисе съ нѣомъ нѣколико пута' предао бы е другомъ, одъ кога бы и онъ другу узео, па бы сад' опеть на прву игру дошли, у коіой сврчивши оне исте као и найпре фігуре свакій бы своєю играчицѣ првомъ нѣеномъ играчу съ комплентомъ одпустіо, а своєю бы опеть приміо, и т. д. За овомъ слѣдовала имъ е нѣка игра Чобанка. Ова имъ е была часъ у 'итромъ нѣкомъ съ разныма, но нѣ весма лѣпе такте фігурама окретанью; часъ бы се поутишали, а паръ пару бы, косо заошиваютьсе, лагано приближавао се, и приближившисе' едно къ другоме опеть бы истымъ начиномъ назадъ уступили, и тако дошавши на првый поставъ свой опеть бы се стали 'итро окретати и т. д.

Старый, при столу сѣдетья, умилень гледаше на нѣи и почесто имъ тапташе. На то удѣ имъ и газдарица съ другомъ дѣберью — Деспомъ. Светозаръ, одпустивши Драгину, узме сад' ову. Старый понуди газдарицу, мѣсто себи узети до нѣга. Нѣке ту дѣвойчице, чисто обучене, стаю на страни у чопоритѣу и гледаю на ове. Косара учини мигъ на свое младе' служителье, да узму ове и съ нѣима играю. Драгиня сад' прими арфу одъ оногъ младитѣа и почне сама ударати. Овай сад' погледи, како іой 'итро' и съ каквомъ лакоствію снѣжне руке нѣене на арфи заиграю, принасе мало посрамленнымъ, и гледаше е съ негодованіемъ. Она то на умъ и не' узимаше, но Светозаръ смотри, и учини іой знакъ, да арфу опеть да нѣему. Два она пѣвчика изваде сад' свиральке (флауте) и почну узъ арфу тако лѣпо' удешавати, да Старомъ буде мило и повиче имъ: Кола' мало! Кола! Ова имъ е игра тада націонална' была. У'ватесе дакле сад' сви у коло!

На нов ето ти имъ и Буряма съ Коскомъ, кои су были посла нѣкогъ ради мало изишли. Но! Како в дѣцо! упыта и' Господинъ. Добро! рекну ови, наредили смо све лѣпо. Е айдете и Вы, приложи Старый, ако имате волю, процушкайте мало, — Де! Богме я нетъу, рекне Косма, и спустисе до газдарице. Имате право, Господине, рекне му ова, — за насъ двоѣ, вели, какви смо, то и нѣ. На то Бурямъ, кой се тако вѣшто предъ женскими претварати знадѣаше, и тако имъ се умилили и улагати умѣаше, да му се ништа честно и могутно одъ нѣи' одретьи не могаше, погледи сад' на Светозара, па на ню. Юноша му намигне, да е повуче у коло. Овай такодѣ сад' скине горню 'альину (исподъ коѣ му се засвѣтле сребрна по златомъ извезеной долами дугмета) и управ' предъ газдарицу. Учинивши їой компліментъ пружи їой руку, и найучтивѣе е понуди у игру. Гле сад'! рекне ова смѣшетъисе, таманъ си погодіо, ко тѣети заиграти! Ал' кад' Васъ молимъ — умилято гледетьи на ню —, я тѣу съ Вама лагано играти, само да се по нѣколко пута' окренемо. Она га погледи, какви су му жаркасти образи, какве велике и ти'освѣтле любовне очи имадѣаше; какви су му велики, и као зифтъ црни бркови, исподъ кои' му се кармазин-шарне устне видѣау; особито стасъ нѣегова тѣла, соразмѣрно устроевна, и онай есее-тичкій начинъ, кой онъ и одъ саме природѣ притяжаваше, и гдѣгдѣ само управо показиваше, — словомъ, онъ обаѣ сад' ову нашу матрону. Она погледи їомт' еданпутъ на нѣега, и испытываше, проводи ли онъ само шалу нѣку съ нѣоме? или озбыльно захгѣваше? Но врагъ Бурямъ такву истинитость и тако горетьу наклонность на чертама лица свогъ изражаваше їой, да се она зацѣло увѣри, да онъ нѣой све то са отвореннымъ срдцемъ чини, склонисе и устане: Вражкій човѣкъ, вели, гдѣ я за любовь нѣегову играти морамъ, а и не памтимъ, кад' самъ заиграла. Е! Шта знате? рекне Старый, смѣшетъисе, окрени-тесе, вели, кой путь и Вы, кад' Вамъ се тако догоди.

Текъ што онъ съ нѣомъ у коло стане и игра-ти почне, ето ти гој мужа на врата. Ха! повиче, аршинъ дуга, два широка, де! Сатимъ истрчи, и ето ти га съ еднимъ ястукомъ насредъ кола, — грдна нѣка ястучина, да се мало сиромѣ исподъ нѣе и видѣаше. Окрене ти намъ се сад' нѣколико пута съ нѣимъ, пакъ пуфъ! предъ свою Дмитру! Цѣла сала загрми одъ смѣя и „право!“ Она нѣега, онако клечетѣегъ на ястуку погледи: О ты, вели, мала авети! Шта теби бы? Хотѣешъ да се любишь? Сатимъ лагано, приклонивши колѣна, спусти се предъ нѣега на ястукъ, но као за пркосити му не хтѣше му се баръ мало пригнути, да се съ нѣимъ полюби, него заедечи му се мало натрагъ. Овай то видетѣи скочи гој као пѣтао на вратъ, и тимъ е као какву табарку превали. О р'дѣа те попала! повиче на нѣега, тако ли е? Чекај! притиснувши га едномъ рукомъ къ земљи, а другомъ заопуца га тутѣи. Но онъ, маленъ, нѣкако гој се исподъ руке измакне и дѣипи на ноге: а она сад' стане око' себе окретатисе, ко да е дигне! Бурямъ се бѣаше зацѣнио одъ смѣя, овдѣ дужность свою пренебрегне, докле га други не опоменуше. Онъ е сад' лѣпо исправи; но Светозаръ му очимазапрети, ишта гој, што не пристои, учинити. Али и ова бѣаше веселе наравѣ жена и шалѣива, коя све, а особито одъ Буряма, драговольно приимаше.

Они овако по довольной шали и игри разидѣусе спавати. Господинъ Старый свирце лѣпо обдари и захвали имъ. Уютру, кад' имъ се данъ появи, и птице имъ по шума' око' прозора' запою, нашъ Старый устане, и изидѣе къ слугама своимъ напоље, гдѣ ветъ Косму и Буряма обучене и за путь сасвимъ спремљене застане: Ао красна дана што тѣемо имати! рекне Старый, и съ Добро уютро поздрави и'. На то ето имъ и Леона. Но! Монъ Ами! Хотѣешъ ли и ты съ нѣима? Да како! Господине, одговори овај. Е добро! Съдите на конѣе и идите, приспѣтѣемо тамо као што валя на ручакъ; но напѣйте се, приложи имъ; мало ракиѣ, и узмите по кой залогай, ако може-

те, да Вамъ нѣ желудкаць сасвимъ празань. При овомъ изидѣ имъ и газдарица, коя имъ изнесе пунъ еданъ сепеть 'ладны' трешаня. Косма извади стакло свое шльивовице, и ту се по нѣколико пута, едутъ онако съ ногу' трешнѣе, напію, и' прїимивши одъ Старога о свему наредбу опростесе съ газдарицомъ, сѣдну на конѣ сви троица, и еданъ служитель съ нѣима, и оду.

Старый сад', наручивши газдарици, да имъ одма ручакъ справити гледи, вратисе опеть у свою собу, гдѣ свое младе унуке Гойшт' у постельи застане; но прочи му бяу ветъ поустаня, и чю'усе по собама пролазити. И текъ што онъ привуче столицу къ прозору, и сѣдне ту съ едномъ кнѣгомъ провести мало време, докъ мудѣца устану, удѣ му Косара съ малымъ Светоликомъ. Старый почне сад' и ове будити, укораваятъи и, да имъ е малый братъ тако поранію, а они іошт' спаваю. Поцупштате Вы нѣима, Отаць, рекне мати; но я, вели, не бы тако съ нѣима поступала. О морали бы они свагда и пре мене устати! Гледайте Вы Мамице Вашу дтьерь, рекне Светозарь, Вы сте, вели, нѣой Ценсорь морумъ, а не пама. О ты паще! Одкад' е моя дтьи на ногу! Отаць! смѣо бы самъ се ставити, да имъ е она іошт' у постельи. Мати на то отвори врата, и изъ друге собе зовне Драгиню, коя ушавши: Мамице, повиче, та тїи се іошт' ни обукли нису! О срамъ Васъ буди! Сатимъ полюби Староме руку: Доне-сидерь ты, рекне Гой, еданъ бокалъ воде; — сад' тѣе они дѣипити! Е! Смѣшь ли се сад' ставити? повиче на нѣега мати, а? Говори! Е! то сад' еданцуть! Но нека бы она и ранѣ устаня; опеть немойте Вы Вашъ српъ у тудь нѣиву уносити! Кад' е нашъ Отаць Вашу дтьерь будію? Не Отаць, Браца, проговори Чедомиль, но кад' имъ она спава, а Мамица и сви преко себе на самымъ прстима иду, — само да е не пробуде. Право, Чедомиль! повиче братъ. Иддерь ты Драгиня сынко, смѣшетъи-се рекне добрый Отаць, и кажи газдарици, да намъ кафу донесе, да мы лѣпо, вели, поручамо, па да

идемо; а они нек' намъ се тако валюшнаю по кресту, ако тѣе я цѣлый данъ. Па знате, шта? Отаць, приложи дѣвица, жемойте, вели, ни платъати, што смо дужни, но да и' оставимо у залогу. Ко зна, бы л' за све и залегли! рекне мати.

Овако шалетьимъ имъ се огране и сунце крозь прозоръ, на кое младитьи устану и почнусе сад' облачити. Старый метьутимъ намири гостителя и поиште ручакъ. Донесе имъ се одма кафа, и ту сви поручаю у разговорю, како су синоть весело провели. При полазку хотяше Старый ѱошт' еданпутъ посѣтити Гаговичъа; но казаше му, да му е сасвимъ болъе, и да е ѱошт' у прозоръе съо на коня и отишао. Сатимъ и они посѣдаю на кола и кренусе на путь. Данъ имъ найкрасній бяхе, воздухъ ономъ у вече кишомъ и грмлявиномъ очиштъенъ, и правымъ окигенікомъ учинъенъ, найпріятній имъ сад' съ роснаты' ѱошт' поля, и одъ разны' цвѣтова мирисъ издаваше. Сунце имъ ветъ бяхе све зелене унаоколо холмове осіяло, и стада овчія по поля' пуштена пасау. Они овако лагано путуютьи сгледау около себе веселу и пролѣтьемъ обновлену природу, и слушау по шума' и по поля' раскошны' птичица' поянье.

Светозаръ нашъ, кой съ Отцемъ на ноли' еѣдъаше, мане главомъ на брата у предньи' ноли', да сидъе и да мало пояшу конъе. Старый и' гледетьи и самъ то зажели, повиче на служителье, кол имъ конъе за нѣма водъау, да имъ конъе приведу, и тако сви троица посадесе на конъе, и лагано поредъ кола', разговараютьи дружество свое, идъау. Они оно 10. часова приспѣду на желасмо мѣсто. Свети Отцы, дознавши и', ко оу, учтиво и найлюбезнѣ сад' и' дочекаю.

Монастыръ овай бяхе малый, у коме само 4. калугъера живляу; но мѣсто и предѣлъ унаоколо самомъ се раю уподобляваше. Вотъняцы имъ, ѱошт' подъ цвѣтомъ, прегледатисе не могау, — такодъе одъ едне стране и лѣпи виногради. Ушавшимъ сад' гостима у кьелліе, кое имъ истина при земляи бѣау, но прерасне, чисте и простран-

не, съ широки ходници, Старый изъ кьелме угла да и еданъ дивный вертъ, кой му се весма допадне, ерь бѣше великій любитель оваки стварій. Како то, люди, рекне Отцу Генадію, кой и' спроводѣаше, Васъ, вели, тако мало число, и овако малу црквицу имате, а видимисе, да лѣпа добра притяжавате? Да Вамъ видимо и цркву! Господине, одговори имъ овай, Монастырь овай нѣ самъ за себе, но філіалъ, — онъ принадлежи Пиву монастыру. Нити е, придода, овдѣ монастырь и быо, но предѣе 30 година' изумре една богата фаміліа, кой сва ова добра на нашъ монастырь Пиву остави, и тако нѣкій Игумень, я га и не памтимъ, изъ истогъ монастыра, овы добара ради, да овдѣ и малый монастырь сазидати. Кой е храмъ? ушавши у цркву упыта Старый. Светогъ Архистратіга Міхаила, одговори овай. За честь, придода, Царской фаміліи да истый Игумень цркву посветити Архаггелу. Овако у разговорѣ спустесе къ нѣкомъ великомъ рибняку, преко кога брза една изъ планине вода крозь желѣзне попреке (катре) истицаше.

Одавдѣ мало вышше смотре наши путници и одну прекрасну чесму. Изволите и овамо, рекне имъ Отаць Генадій, тамо самъ, вели, заповѣдію и асталъ поставити, да ондѣ лѣпо на узвысу (чардаку) обѣдуемо. Удивесе садъ наши путници, кадъ виде, каква дивна, и съ каквымъ изобиліемъ, ту вода на двѣ као нога дебеле цѣви исподъ едногъ каменногъ зданія истицаше. Поведѣ и' садъ Свештеникъ узъ едне степенѣ на онай узвысь, кой имъ савъ прекрасно изваянь бѣше, и съ кога се къ сѣверозанаду далеко преко нѣки поля видѣти могаше. Ту имъ садъ и асталъ застртъ бѣше. Нека ти намъ не знаю наши Отцы Калугьери жавити! рекне Старый, спустившисе на едно канапе. Но право имате! придода, тако и вая! То е толико наше на овомъ свѣту, да честно и добро поживимо. И я тако велимъ, Господине, приложи калугьерь, нека човѣкъ само наблюдава елика сутъ честна и благообразна, ели-

на праведна и предъ Богомъ и человекѣки угодна, нека то наблюдава, и дужность свою нека извршув, па у прочемъ нека ужива што има, и што себи честнымъ трудомъ снискати и имати може. Вы сте овдѣ Намѣстникъ? На служби, Господине! Бсамъ! Господине! немате ли каквы лѣпы кнѣига? запыта га Светозарь. Овдѣ мало нѣшто имамо, одговори Намѣстникъ; но у другомъ монастыру имамо нашу прекрасну библіооѣку. То в лѣпо, приложи Старый, то ми в мило, да имате свою библіооѣку. Да видите, Господине. лѣти слабо нѣ како и времена къ читанью имати можемо, особито мы овдѣ, послови су многи, но — зими, брате, возрази Старый, зими заиста можете времена имати, само кой в любитель тога. Благородный Господине! Кой в правый любитель, улучи тай време и лѣти. Я Вамъ истину кажемъ, вели, да бы сте мене рѣдко кад, и кад надъ самымъ посломъ настоявамъ, безъ какве у руци кнѣиге видѣли, — я Вамъ имама у томъ нѣко увесельенье, Господине. О красно в то, рекне Старый, увесельенье! красно! и невинна една забава, нити зарь и има каквогъ на свѣту чина, у комъ бы човѣкъ тако мирно, тако безпрепятственно и угодно внутрене себе изображавати, и умъ свой у савршенство приводити могао, нежели што ми се овай Вашъ чинъ, Отче, види. Овай в животь управо за филозофа! И койгодъ у нѣега ступа, ако не осѣтъя у себи особиту нѣку побожность, своевольно у срдцу своемъ смиреніе, и за сва свѣтска немарность, или не признае духъ свой за филозофскій, сирѣчь такавъ духъ, кой се прелестима овога свѣта плѣнити не да, кой ветьма свѣтъ духовный, него фисичкій любви, кой мудрость едину свимъ на овомъ свѣту благама предпочитуе, и найветье свое увесельенье находи у читанью кнѣига, у разсудьяваню о стварима, у испытываню закона естественны, и у трудолюбномъ снискаванью познаванья нѣиногъ, — ако, велимъ, кой себе таковогъ быти не познае, онъ се вара, што овакавъ священны чинъ на себе и приима. Чинъ в

овай по себи светъ, но многи га, неиспытавши найпре душу и срдце свое, могу л' га испунавати, обезсветьюю. О любезный мой! многи неразумно о овомъ чину мысле, и не виде, нит' хотье смысленно да промотре, какавъ прекрасанъ способъ и овай намъ чинъ дав, да инога добра роду човѣческомъ и у ньему учинити можемо. Зависи пакъ одъ тога, да га они, кои га носе, кои му бытъе даю, и кои га чиномъ творе, достойно носе, и у свему прилѣжно дѣлаю,— а ово се исто и у свакомъ другомъ чину и званію иште и захтѣва. Ние виноградъ кривъ, нити причиномъ быти може, ако се запусти и запарложи, тако, да намъ плодъ слабъ или никакавъ приносити почне, но криви су дѣлательи ньегови.

При овомъ разговорѹ донесе имъ се ту и обѣдъ, и додѣе имъ Юшт' еданъ старъ свештеникъ, а двоица су имъ была за посленицима у виноградъ отишла. Између прочи', лѣпо и вкусно сготовлѣны' ела' донесу имъ се найпослѣ на зейтину попржене пастрмке, кои' они ту у планинскомъ томъ потоку обилно имада'у. По обѣду, докле су стари при столу Юшт' у разговорѹ, по чашу и другу вина пили, нашъ Светозаръ съ братомъ и еднимъ служителемъ продѣсе по пріятномъ овомъ предѣлу свуда, и наберу прекрасны' по шума' ягода', коима, повратившисе, матеръ, Драгиню и Милицу, срѣтнувши и' на едной ливади, понуде. Да нисте и' много ели? упыта чедолюбива мати, сѣдши съ ньима на траву. Нисмо, Мамице, одговоре ови, мы знамо, да су ягде за желудаць тежке. При маломъ ньѹвомъ овдѣ разговорѹ ето ти имъ Старога на коню, и служителя за ньимъ на другомъ. Младитьи сад' скоче предъ ньѣга: Куд' тако Отаць? У томъ смотре, да другій служитель и ньине конѣ води. Айдете, рекне имъ Старый, ако имате волю, да изидѣемо мало узъ она брдашца и прегледамо овай предѣлъ. Они, весели, одма на конѣ свое сѣдну, и полагаю доникле на конѣма, а потомъ, дошавши

къ нѣкой округлой и здраво поузвышеной главици, сидѹ, и предавши конѣе служительима, да и' чужаю, подѹ узѹ ову пѣшке, и препевшисе на самый врѣ нѣнь погледаю къ западу и угледаю Пригорска села. Одѹ прилике Старый позна, гдѣ имѣ я замакъ нѣинѣ Пиперинѣ, но видѣти га одѹ поре не моглоше.

Они сад' сѣдну овдѣ мало одморитисе, и гледесе свуд' унаоколо овай романтичкій предѣль. Кад' ея' ето имѣ едного старца — пастыра — кой ту на брду говеда пасаше. Господине, вели, нѣе созвѣтно, у такомъ одѣлу овуд' се пролазити, зашто има овуда злы' людѣи. Мало пре, придода, изѣ оне шуме нѣи' 4. указашесе. Старый то чувши захвали му, и одма съ дѣцомъ къ конѣма по'йти, и чимѣ они, спустившисе низѣ брдо сѣдну на конѣе, ал' имѣ се на ономъ истомъ мѣсту, на комъ оу посѣдили, 5. нѣи' укажу. Но они се нѣи' нису вышше бояли: ерѣ онако на 'итри' конѣи' за тилый часѣ буду предѣ монастыремѣ, гдѣ и свое дружество застану.

Преповѣдесе сад' ту и Отцу Генадію за нѣи: О нѣе се, рекне овай, Господине, нѣи' бояти! Они се поодавно туда врзаю, но нигда се не чуе, да на кога удараю. А не боите и' се Вы, да Васѣ овдѣ у монастыру не нападаю? О не! Господине, они на насѣ нигда не удараю. Шта се чуе, одкуда су? Есу л' Срблѣи? Срблѣи прави, одговори овай, изѣ Херцеговине. Но! Шта имѣ драго, рекне Старый, — не казуймо, вели, само Госпама овима, да намѣ се не плаше, и нетѣмосе, дѣцо, придода, овдѣ ни задржавати, да намѣ се одѣ нѣи' у путу што не догоди. Жао ме е, вели, што ютрасѣе одпусти' Бурма.

Сатимѣ сяшу конѣе и заповѣдесе младѣимѣ, да сва за путь оправете, и штитове и оружѣе извадете, да и' у случаю и потреби на мети имати могу. То наредивши приступе къ своимѣ, кои имѣ на полани подѣ еднимѣ растомѣ сѣдѣау.

Отацѣ Генадій попашти имѣ се сад' што за ужину донети. Сватозарѣ съ братомѣ и сестромѣ

почнусе тудѣ по травѣ вѣяти и играти. Айде, рекне Старый, нека се мало поиграю, и, ако хотѣете, узмите што и поужинайте, па да се иде. Ето ако хотѣе Милисса, одговори Косара, нек' се съ дѣцомъ понуди, но я не могу, вели, ести ништа, а и нетѣу, — штедимсе за вечеру, него тѣу Васъ молити, придода, Отаць, да ми дозволите, кад' подѣемо, мало на Вашегъ коня сѣсти. До, сынокъ, зашто не? одговори Старый, то можешъ.

У овомъ разговорѣ додѣе имъ опетъ Отаць Генадій, и каже, да тѣе имъ се ужина таки донети; но послао самъ, вели, момче у виноградь, да намъ додѣу и она два Отца, да се съ Вама виде. То рекне и смотри ове, гдѣ иду. Ха! ево и', гдѣ намъ иду! повиче. Еданъ одъ овы' бѣше ветъ мужъ у година', но здравъ човѣкъ, пунъ и крупанъ у тѣлу, а другій Юшт' младъ, съ маленомъ и малавомъ Юшт' брадицомъ, такодѣе высокъ, посувъ и и танакъ, — иначе у лицу здравъ младить, чисте крви, и бодра духа быти покажесе. Изъ разговора нѣговогъ ту съ нѣима примѣти нашъ Старый, да овай младить нѣе праздне главе. Сынокъ, одкуда си ты? упыта га. Я самъ, вели, милостивый Господине, изъ Старогъ Елеча, села едногъ исподъ Дурмитора. При изреченью овомъ зарумене му се образи. Ты си, сынокъ, Юшт' младъ, како ми се види; зашто си тако рано ступио у тай чинъ? Колико ямашъ година? Сад' самъ, вели, на 22. настао. Нѣе онъ, Господине, предваре ови други, чинъ нашъ Юшт' ни примію, само што е самъ захтѣвао, да се зацрни, — иначе онъ на искушенію стои. Есу л' ти Юшт' живи родители? и шта ти е отаць? Умрли су, одговори младить, и каже, да му е отаць Прота быо. О диванъ е мужъ отаць му быо! одговоре ови, мы смо га познавали, наученъ човѣкъ, и најчестнѣя душа, Богъ да намъ га прости! Наши су га у Пиви често призивали. Гдѣ Вамъ се онъ, Господине, чуо, да тѣе слово у цркви говорити, ту се морало раніе у цркву утѣи, и мѣсто себи уватити, иначе одъ силна людства нѣе се могло тамо протиснути и крозь народъ пробити. На то

сад' Отаць Сѣмеонъ рекне своимъ Младомъ: Ісидоре, сынко, иди, и олади намъ еданъ кондиръ оногъ доброгъ вина. Отче! приложи Генадій, у истой мысли, вели, и я бя?"

Господине, рекне овай, отишавшу младитѹ, молимъ Васъ, пропытайте га мало, и лѣшимъ начиномъ прокушайте га, изъ когъ е узрока къ нама дошао? будутъи да намъ се види, да нѣму нѣшто тежко на срѣцу лежи, и да оно нѣга на овай цашъ чинъ понудѣвава: но нетѣ никоимъ начиномъ да намъ се одкрые. А таку науку, Господине, приложи другій, и тако будну и бы тру главу има, да му се у многима пара натѣи не може: — но да е, да га насамо узмете. Хмъ! Хмъ! Чудно дѣло! рекне Старый. Я самъ га одма, придода, мало на умъ и узео, да онъ у себи нѣшто особито има. А да нѣ за родительи врло чувствителанъ? Нетѣ то быти, Господине! Добро! рекне Старый, я тѹ сад' на нѣму учинити нѣку пробу; но Вы се, вели, чините томе и невѣшти. Видитѣемо, хотѣе ли онъ мени одретьи оно, на што тѹ я нѣга понудити, и учини ли то, тимъ тѣе онъ потврдити мое о нѣму мнѣнїе, и онда тѹ я нѣга мало насамо узети. Быва невесео? Увѣкъ готово! Иначе е ути'омъ онако расположенью. Нѣ кадшто срѣдитъ? Не показуе какву суровость одъ себе? О не! Господине, но напротивъ и преко мѣре благъ е, учтивъ, и као каква честна дѣвица найохотнїи е, свакога послушати. Самотѹ люби? Да видите, радъ се одъ прочи' мало и удалити. Но! Ништа! рекне Старый, видетьи га да имъ съ виномъ иде. Я тѹ, вели, нѣму сад' учинити еданъ малый вопросъ, и видитѣемо, шта тѣе ми ретьи.

У томъ дошавши прво Господина послужи, потомъ Косару и проче, па найпослѣ свете Отце. Ісидоре, сынко! мало смѣшетѣисе и кротко на нѣга гледетьи Старый сад' поведе, а не бы лѣты, вели, дешао у мой монастырь? Не управ' монастырь, но у мою кашелу, кою сад' намѣравамъ за мою фамілію подигнути? Е, Ваша милость, одговори онъ съ нѣкимъ особитымъ благообразїемъ,

я се нисамъ, вели, Гошт' у овай чинъ ни посветю. Ниси Гошт'? упыта Господинъ, аки не бы ни знао. Е ништа вато, сынко, приложи, мы на то нетъемо много времена ни потребовати, пакъ Гошт' и то, дѣте мое, ако бы се твоя воля могла съ моѳомъ согласити, я бы самъ те волео у Двору за мѣрска свештеника имати, нежели за монаха. Нашоо бы самъ ти гдѣ прилику, и лѣпо бы самъ те оженю. Но промыслисе ово дана', па или ми додѣи у Дворъ самъ, или ми преко писма яви, будутъи я свештеника мога имати морамъ. Ей тужанъ! да самъ я мало младый, возрази Отацъ Сумеонъ, и да нисамъ, вели, овай, кой самъ сад', я бы Вамъ се првый, Господине, на то условѣе склоню. Мы смо га и сами, приложи Отацъ Генадѣе, ето нек' Вамъ каже, Господине, и вышше путѣи на то совѣтовали, да бы онъ спрам' свои' дарова паметнѣе учиню, кад' бы себи плаветный чинъ избрао, да временомъ оно буде, што му е и родитель быо; но онъ нема волеа да се жени, — а овамо каже, да бы волео и мѣрскимъ свештеникомъ быти. Истина, Господине, проговори младить, я бы самъ и волю, на то ме е и покойный отацъ увѣштавао и молю, и при смрти ме сироматъ и закуне, да будемъ мѣрскимъ свештеникомъ и да овай светый чинъ не саранимъ у землю съ нѣиме, но да изъ ладне нѣегове руке чашу еucharистѣе я, као единый сынъ нѣеговъ, примимъ: али — двое е, милостивый Господине, на моме срдцу, кое е медъу собомъ тако противно, да я ни самъ не знамъ, на кое тѣу се рѣшити, и чега тѣу се примити, — тѣсно ми се види одъ обѣ стране. То рекне, на ударе му сузе низъ юношеско лице: Простите, Господо мой, бришутъи сузе рекне, простите моѳой слабости! Саме ми пуге изъ очю теку. Старый га и прочи ту погледе, како му се сад' одъ суза' убрисано лице наново заблеста, и на нѣему прѣятна вѣрка смиреногъ нѣеговогъ срдца и чистога моралногъ у нѣему чувства любезность появи. По маломъ овдѣ тужанью онетъ Старый проговори: Сынко,

вели, наше истина нѣ, твою тайну одъ тебе сад' овдѣ истязавати; но будутьи даси младъ човѣкъ, и може быти да ты оно, ште тебе на срѣцу тишти, вышше у себи мечтавашь, нежели што в стварь у себи, зато проразсуди! Одъ оногъ двога, што кажешь да ти на срѣцу лежи, нѣ зарь обов тако еднако, да ты не можешь себи едно, ков ти се лагкше снети види, избрати. Больше ти в и вдноме, ако ти в коначно у жребіе пало, трпѣльиво подчинитисе, нежели измедьбу двога срѣцемъ волноватисе. Да ми в стварь позната, „друго-ячіе бы самъ се умѣо, сынко, съ тобомъ разговарати, ал' овако — дигнувши рамены — шта ти знамъ? Свака стварь, приложи, има особита нѣка за себе средства, и свакій боль къ изцѣльенью валя да буде извѣстанъ. Господине милостивый, рекне юноша, кажите ми, молимъ Васъ, кад' бы кога на смръть осудили и рекли бы му: или воле умрети, или на вѣки животь свой у тамници провести? Шта бы сте несрѣтьноме у такомъ случаю совѣтовали? Ков одъ овогъ двога да прѣими?

Старый га на то внимателно погледи: Дѣте мое! То нѣ ни едно добро: али не бы л' се іюшт' каква средства натѣи могла, коима бы се теби помогло? Нема таквы', Господине, о нема! Судба в мени таква предъе одузела, пакъ ме в онда туги овой предала.

При овомъ сад' донесе имъ се ту и ужина и служитель зовне дѣцу. Ови, весели, дотрче, на ков Ісідоръ погледи, и: Благо Вама, помысли у себи! Вы знате, да живите на свѣту! Мы, Мамице, нетъемо ништа всти, рекне Светозаръ, да не кваримо вечере. А ты Светозаре! пій чашу вина, сыне, кад' ништа нетъешь да едешь, рекне Старый, пруживши му чашу. Любимъ руку, Отаць, одговори юноша, Вы знате, да Вамъ я немаримъ за вино. Право имашь сынко, нѣ ни за тебе, — то двое нетъу ни нудити; но айде узмите ево кошта милуе, па да се спремамо дома. Знамъ я, шта они милую, рекне Ісідоръ, и оде и донесе имъ

пуя чанакъ прекрасны' и крупны' трешаня. А! Право, любезный Господине Брате, повиче Светозарь и прими трешнѣе, коима прво матерь, па потомъ и проче, кои вино не пияу, понудивши, метне чанакъ предъ брата и сестру, и невнимаютьи на проче почну ести, и само медьу собомъ разговаратисе и шалити. Светозарь Драгиньи заvara очи и узме іой ружу, кою она у нѣдра своя задѣла бяще. Братъ му се на то почне смѣяти, и тимъ сестру о цвѣту учини внимателномъ. А! Нетьемо тако! повиче она, — Овамо дай ты мою ружу! Гледай ты, како онъ лѣпо зна и изъ очію украсти! Сатимъ почнесе съ нѣимъ кошкати, и ружу му свою отимати. Онъ скочи на ноге и дигне руку высоко. Она му се обѣси око' врата, али домашити му ружу изъ руке не могаше, докле іой братъ не поможе. Она сад' доставши цвѣтъ свой стане му пркосити, да су му в отели.

Ісідоръ, справ' нѣи' стотѣти, са умиленьемъ гледаше на нѣи, како є братъ брату, као да си єдну ябуку разсѣкао, подобанъ, нити имъ се сестра одъ нѣи' у другомъ чему толико разликоваше, развѣ женскомъ нѣжностью своіомъ; како су имъ лица гладка и свѣтла у сви' троє, коя имъ здравльє бяше оруменило, и умилный погледъ нѣіовъ, коимъ они свакогъ безъ разлике предусрѣтау, особито, кад' бы се кое одъ нѣи' и найманьє насмѣяло, и появило бы имъ се у среди, на єдры нѣіовы' образи', као двѣ ружице, — сва ова появесе нѣему сада као вештественни знацы, да ово нису саме природе дари, но да є и човѣкъ одъ свое стране дѣйствія нѣка томе приложіо. Ово не чини ни богатство, рекне онъ у себи, да су ова дѣца овако здрава и лѣпа, овако учтива и разумна, него чини поредачный нѣіовъ животь, и нѣяно мудро воспитаніє. И овако млади іошт' (продужи у себи) — па какво оштроуміє, какавъ мораль, и какву есѣетику сви у себи показую! Онъ и' се чисто не могаше довольно сад' нагледати. Онъ позна у нѣима и найчистія голубія срдца, свако беззлобіє и священну невинность дѣ-

тиньску. Само бы на Светозару, кад' бы га погледао, примѣтио и нѣку смысленность, коя бы му се кадишто на челу появила. Но будутьи да и ѡнъ младъ Гошт', тек' на 18-у годину ступио бѣше, ѡ само едномъ ногомъ у юношескій вѣкъ ступио бѣти видѣшасе; то не могаше ни онъ дуго оваѣ знакъ цѣлованія Мінервина на лицу своемъ задржати, и дѣтетомъ не бѣти. Шта ти се чини, Ісидоре, проговори му Отаць Стмеонъ, бы л' волео да Гошт' еданпутъ дѣтетомъ будешъ? Видишь, придода, како су намъ они весели, нити се знаю зашто бринутѣ. На кое оваѣ сад' као на-а-сна: заиста, вели, Богъ нек' ми опрости! я имъ чисто завидимъ. Иде време, приложи Старый Господинъ, кое, вели, и нѣма носи нѣово бреме. Истина, Господине благородный, рекне Ісидоръ, да намъ свашта одъ Божіе воље зависи, и да мы судбе наше предвѣсти не можемо, али твердо ми се види основаніе щастію нѣиномъ положено.

При овомъ ето ти имъ два слуге съ штитовы и оружіемъ. А шта тѣете Вы са тимъ? упыта и' Старый; та я нисамъ, вели, Вама заповѣдио, да Вы то овамо вучете, но да само у коли' приправите. Айде нек' стои, придода, кад' сте донели. — Вы тѣете и однети.

Светозаръ сад' скочи и узме свой штитъ на лѣву руку, а мачъ у десну, и позове брата на удвой (дуэль). Чедомиль на то буде готовъ. Раскорачесе сад' еданъ спрам' другога као пѣтлови, и почнусе мачевы куцкати. Дружество и смѣщѣтисе гледаше, и младѣга брата, кой у замаю тако вѣштъ не бѣше, почну похвальвати и ободравати. Господину, као старомъ войнику, то мило бѣше, а особито гледетьи, како старіи братъ младѣга у томе исправляше и поучаваше.

Кад' ал' наеданпутъ зачуо са стране нѣкій тужный гласъ: Помагайте! Но помагайте! Овамо! Погибо! Сви сад', тронутѣ, окренусе на ону страну, но Светозаръ, на ногу' будутьи, првый онако съ штитомъ и мачемъ у руци тамо потрчи, за коимъ се устрѣми и братъ му, — скочи на ногу и

Старый лати свой мачъ и потрчи и самъ, прочи се сви сад' сбуне, и два слуге, кои су имъ ту были, полете такодье съ оружіемъ за своимъ Господиномъ. И чимъ они онако къ оному гласу поврве, смотре подьемъ едно момче, гдѣ предъ нѣкимъ, кой га съ голымъ мачемъ вѣяще, бѣга, и за овымъ Юшт' троица трчау, но мало назадъ изостали бя'у. И текъ да онай кукавно момче пристигне, и да га дугомъ машиномъ прободе, Светозаръ се са штитомъ и затегнутымъ у руци мачемъ стави предъ нѣга, и лупи га тилутьемъ свогъ мача по десной руци тако живо, да му е одма смртоносный мачъ нѣговъ изъ утрнуте му руке на землю испао, и у истый маъ Чедомиль счепа га съ ледя' за огрлицу, и окренувши га трѣсне нѣимъ о землю. На ово приспѣ имъ и Старый съ двѣ слуге. Да те нѣ, сынко, осакатио? рекне сад' странное дѣтету, кое сирото ту дрк' таше, и одъ стра'а капи крови у себи чисто немадъаше, и проговорити юшт' не могаше. Не бойсе! сынко, рекне му сад' и Косара, съ коѣомъ прочи сад' нѣга, онако трепетьутьа, окруже, — не бойсе, вели, ты ниси раньень! Ко си ты? окаяный! повиче сад' Старый на овога, одкуда си? И шта си имао са овымъ дѣтетомъ? При овомъ пакъ вопросу баца око, и смотри, да му унуцы съ двѣ слуге свое на ону се троицу устремили бя'у! преда дакле овога двоици младѣи свои' служителя', да га ту обезоружана чуваю, и итро по'ити и самъ за оныма. Она троица, бѣжетъи къ одной шуми, и узъ ону предречену главицу, трудно имъ буде, — зато ободу мало на страну: но по несрѣтъи своѣой натрапаю сад' на три Господинова возара и два коняника, кои ту конье свое на пашу пустили бя'у. Ови сад' скоче на нѣи, и кад' видѣше, одъ кога они тако бѣже, охрабресе юшт' болъе противу нѣи'. Двоица одъ слугу' не имадъа'у другога оружія, но съ прочомъ троицомъ нападну и' батинама, и текъ што они медъу собомъ поборесе, ето ти имъ низъ брдо юшт' три злодѣя стрче, кои по'итали бя'у свои-

ма на помоть; но предваре и' сад' састрагъ Соколовичи съ двѣ свое слуге. Светозаръ у лѣвой руци имадыаше сад' исподъ штита и дуго коплье. Предайте се! повиче на нѣи Старый, и не гините! У кой ма'ъ то изрекне, ону троицу слуге свладаю, и полете сад' овыва на помоть. Злодѣи, то видѣвши, клону, баце свое оружїе, и ту се предаду.

Фамілія е проча Любомирова у єдномъ чопору стаяла, и на нѣи гледала. Отаць Генадїе нѣи е храбрїо, да се не боє. Но Косара, кад' е угледала, да се и она троица съ брда стрче, лати и сама коплье по среди и Бурямовъ шлемъ мете на главу, и тако е као Паллада преко поля на помоть своима полетила, нимало неслушаютъи любезнога дѣтери свое гласа, коя за нѣомъ трчетъи вопїяше: Мамице! Сладка Мамице! Не идите. Ісїдоръ е медьутимъ устрчао быо на звонару, и на буну ту близу селянима у велико звоно наопако ударїо. И текъ што имъ ту до єдно 15. селяна, кои са оружїемъ, кои са сѣкирама и косама стекусе, ови злодѣе побѣдѣне и повезане поведу. Отаць Сумеонъ, кой такодѣе при томъ сраженїю око' нѣи' обтрчаваютьи само викаше, не може одъ стра'а їошт' да се поврати. Светозаръ погледи на матеръ и почне їой се смѣяти: Та како то, вели, Мамице? Камо и Вама Ваша женска гарда? Или сте се, вели, Вы — погледавши на Драгїню — само на овогъ єдногъ риттера Вашегъ поуздали? Сатимъ їой шалетъи се мете свой шлемъ на главу, и да їой и свое коплье. Она се сад' окомице съ овымъ у руци противу нѣега ополчи: Бранисе, повиче, еръ си погинуо! Светозаръ, одскачївши на страну: Драгїня! — Као съ нѣкимъ удивлѣнѣемъ — Душе ми до данасъ нисамъ знао, да си ты у юначки' альїина' тако страшна! Мамице! та погледайте е! Богъ и душа све бы по овомъ полю сама она, овако наоружана, скакавце растерати могла! (Сатимъ узме опетъ свой шлемъ и коплье. Дѣвица на то смѣшетъи се погледи га, и заваравши му очи увати

на трну едногъ великогъ скакавца, па му баца на прси. Юноша се одъ тога живо тргне, поскочи, и стане скакавца са себе терати: но овай му се нѣкако у нѣгове ситно набране око' гола врата одоре (шапутле) сад' сплете, не може га одма да стера, почнесе обадати: на ков дѣвица зацѣнисе одъ смѣя: Гледайте, вели, Мамице, едва проговараютьи, здрава юнака, кой мене изсмѣваютьи каже, да бы самъ све скакавце по полю растерала, а гледайте, шта онъ само одъ еднога чини! Сатимъ стане му опетъ око' врата одоре намѣштати.

Овако сви сад' весели приспѣду къ своме расту, гдѣ застану Милиссу, успавльеногъ на руку' отрока држетъу, на нѣи съ трепетомъ изгледаютьу, и едно само служче, ков имъ ту трапезу чуваше, а мало на страни едагъ имъ слуга съ прво уватѣннымъ и везаннымъ стояше.

Сад' ту Старый Господинъ као судя съ Отцы калугьеры сѣдне, и понуди нѣке одъ селяна старце такодѣ мѣсто поредъ нѣи' узети. Злодѣи, 7. нѣи', стану везани предъ нѣи, и слуге и' са селянима окруже. Любомиръ почне и' сад' по реду испытивати, одкуда е кой? Есу ли прави разбойници? Одъ кога времена то упражняваю? Има ли и' и вышше іошт' ту гдѣ? и проча. На кое ови имъ кажу, да су едни изъ Албаніе, а нѣки и одатле изъ Херцеговине, да нису тако одавно заблудили, да нису іошт' нигдѣ никаква ни убійства учинили, само, што су отимали, кад' су што кодъ кога нашли, и да и' вышше нема. На то дѣчко онай: Я овога, вели, Господине, познаемъ, онъ е изъ Вучіяка, Црный Гая, и зато ме е, вели, и повію, да ме убіе, што самъ му рекао, да га познаемъ. Е л' тако? запыта Старый. Есть, Господине, одговори онай, зашто я се побоимъ, да ме не изда. Любомиръ сад' окренесе къ слугама своима и запыта и', да нѣе кой одъ нѣи' равнень? На ков еданъ само покаже руку свою, по којой мало само окрзнуть баше. Погледе сад' на дѣте, ков баше около свои' 16. лѣта', у чисты' 'альница' и

благообразно быти видяшесе. И текъ што Старый Господинъ ове злодѣе селянима подѣ стражу предавши одпусти, и овога дѣчка, однуда е? и кудъ е пошао быо? запыта, и старце чашомъ вина понуди, — ето ти имъ опетъ нѣке са стране зашѣвке. Но! воспрянувши ови садъ наново: Шта тѣ опетъ то быти? рекну и погледе, — Кадъ алъ една дѣвица съ расплетены власи трчи къ нѣма, и тукутъисе у прси виче: Йо Цвѣто! Шта си учинила? Живоине! Жалостна ти майка! Дѣчко овай, то чувши, скочи плаовито и полети къ нѣой, коя ветъ и близу ту баше. Слшесесе едно другоме у обятія, као двѣ чисте капльце воде, умукну, и као безъ чувства падну ту на зелену траву. Ови имъ садъ сви притрче, окруже и, и као поражени гледи на нѣи, и нестрпѣльиви, о овой любезной сцени извѣстатисе, едно друго погледаше, и такодѣ ништа проговорити не моглоше. По малой овако паузи дѣвица сирота дигнувши главу погледи на небо и уздане: О свемилостиво божество! рекне, и опетъ младитѣа загрѣльвиши почне любити: Живоине! Милый мой Живоине! Остаде ли кукавици мени живъ? Младитъ се расплакао баше, не може ништа да ѱой одговори. Доста ветъ, мило мое дѣте, рекне Йо Косара, и обое дигне, доста! Не плачите! Нѣму се нѣе ништа зло догодило, само што га е онай несрѣтъникъ поплашио. Дѣвица падне предъ Светозара, и загрѣльвиши му колѣна: Примми, сладкій Господине! возопи, ове каплье изъ мои очю, примми као еданъ даръ, као одну чисту жертву, коѱомъ те жалостна сестра за избавльенѣе свога брата овдѣ обожана. Юноша е дигне. Она погледи и Чедомиля: Ангѣеле небесный! Загрѣльвиши и нѣегова колѣна, видѣла самъ, вели, и твоє дѣло. Младитъ се при овомъ зарумени, погледи као сбуньенъ на проче, ударе му сузе изъ красны очю, онъ е одма подигне, и Старый и почне тѣшити. Косара садъ узме подѣ руку дѣвицу, а Светозаръ Младитѣа, и подѣу опетъ за Старымъ къ расту. Овай е за мене нѣкий данъ

знаменитый, рекне Старый Отцима Калугьерима, съдши съ нѣима на траву. Отоичь, вели, мадо не бы кровпролитіе, а сад' опеть ово двое какву намь сцену радости свое представише.

Погледе сад' на дѣвицу, коя одь оногь трепета Юшт' не може да се поврати. Юшт' чисти и округли нѣени дѣвички образи блѣди видѣа'усе, и гласомь, Юшт' разслабьленнымь, замуцкиваше. Поштеде в дакле запытати, одкуда е? Само што в Косара запыта за младитѣа, в ли Юй брать? На кое она! Ахь! Ёсть, милостива Господѣа! Ёсть ми брать мой родьеный. То р'кне, заплачесе наново, и младитѣа опеть загрльивши спусти му главу на раме, и тако мало потьуги. На кое Юй Косара! доста, дѣтери моя, доста; Не цвили! Хвала Богу, кой га сохрани! Съдите, дѣцо! повиче Старый, съдите овдѣ съ нама! и ако сте гладни, ево узмите, шта милуете, и поедите, па о томе, што в было, ни мыслити немойте. Мы смо и', приложи, послали куд' треба, и то в зарь промысломь Божиимь хотѣло быти, да Вамь се данась та обида учини, коя имь се ево сбы причиномь, да се они лѣпо по'ватаю, и да такоме злу конацъ буде. При овомь Драгиня устане и на едномь послужавнику колача' и млада ягнѣетѣа печенѣя, а на другой калайліи трешаня принесе имь, и обое покани: Захваляемь Вамь, любезна Господична, рекне она, и само нѣколько трешаня узме, а дѣте пріими парче колача, и натераю га, те и поо чаше вина испіе. На конацъ Косара, видетѣи, да се обое мало повратише, и на нѣяни' млада' образи' любезно руменило появисе, запыта и', есу л' изъ далека? и куда су тако пошли? О милостива Господѣа, узданувши рекне она, ни смо, вели, тако ни изъ далека, — едань дань одавдѣ, изъ Крупе, (мале едне у Херцеговини варошице) — но нуд' смо, приложи, пошли? ни сама честито не знамь. Жао ме в само, вели, што то кукавно дѣте ово дана измучи'. Есу л' Вамь родителѣи живи? упыта опеть Косара. Отацъ само, одговорн она, убрисавши очи свое, а мати

намъ се пре поо године преставила, и осимъ насъ двоє вышше нѣ по себи ни оставила. Я самъ Вамъ, милостива Господьа, — по маломъ тьутанью — сбогъ мой' родителя' — ахъ! — дѣте самъ ньюво, не пристои ми нѣи осудьавати — несрѣтна. При овомъ изреченью опетъ ниспустивши очи свое къ земљи утѣти, и ови, ништа їой неговорети, гледау на ню. Косара и Милисса, сѣтъаютьсе мало, шта ню на срѣцу тишти, велико сад' участіє туге ньене пріиме, опоминютьсе, одъ чега су и саме у нѣко време страдале. И време будутьи буде, да се ови наши любезни путницы ветъ одатле и крену, заповѣди Старый младьима своима, ватати коньє, и намѣстити, шта треба у коли', и сѣтъаютьсе и самъ нѣшто о потайной туги ове дѣвице намѣри при по'оду свомъ єдну пробу учинити, хотье л' се оно, што онъ ветъ у себи мысляше, са самымъ дѣломъ сгодити?

И тако пошто младьи сва потребна на кола спреме, и коньє имъ сѣдлати почну, Отцы Калугьери наново о'ладьеннымъ виномъ стану свогосте нудити. Не! Заиста! рекне Старый, я Вамъ вышше пити не могу, но Драгиня, сынко, придода, иди, вели, къ колма, и узми што треба, па направи по єдну чашу лѣле лимонаде. Господине благородный! повиче Отаць Сгмеонъ, а зашто да Вы, вели, то нама не рекнете? Сатимъ погледи на Отца Генадія. Овай скочи и стрчи у монастырь. Отче! за насъ не правите, рекне Косара, но само за Господина, и ако хотьете за Васъ, еръ мы пити нетьємо, мы смо се и трешняма раз'ладили. На то сад' Старый погледи на Косару и Милиссу, и рекне имъ нѣшто Грчки. Косара сад' захвали Отцима Калугьерима, пруживши свакоме потайно нѣшто у руку, опрости се съ нѣима лѣпо, па се окрене къ оной странной дѣвици: Како в име теби душо? упыта в. Мени в, вели, име *Цвѣта*. Цвѣто, дѣте мов, приложи Господьа, ако те не мрзи, съ братомъ твоимъ да съ нама доникле подьете, рада самъ, вели, и тако съ тобомъ — пришаптьє їой — мало

и насамо бесѣдити, само, придода, насъ три, и ты; а братъ, као мужко, нек' мало съ мои сьновы и са Старымъ Господиномъ и изостане, — мы тѣмо и' ту близу преко воде дочекати. Сатимъ, овой склонившойсе, подъу, а Старый съ младитѣи и служительи мало изоставши поцѣ съ нѣима лимонаду, и у разговорѣ сидъу къ монастыру: Знате ли шта? Свети Отцы! рекне сад' Любомиръ Калугьерима (пошто имъ на любезномъ нѣиномъ дочеку захвали, и свакога одъ нѣи' богато обдари) дозволите, вели, Вы мени, ако стварь може быти, да я тога младитѣа на кой данъ са собомъ поведемъ, — я га морамъ изъ оне нѣегове замышлености извести, и у нѣему, кад' такве даре, као што ми и сами кажете, притяжава, мужа, буди за Вашъ чинъ и домъ, буди и за што друго, мужа, велимъ, вредна и ваљна произвести. Ісідора? Господине! Ісідора! О съ драгомъ вољомъ, милостивый Господине! Нама тѣе истина потежко быти, съ нѣимъ се разстати, будутѣи да мы нѣега найсердечнѣе любимо, но нарочно, приложе, и зато, што га любимо, волимо мы нашъ уштрбъ у нѣему поднети, нежели да онъ такавъ у своѣй срътѣи трпи. Гдѣ е онъ? Куд' намъ се измаче? Сад' тѣу я нѣега одма, Господине, довести, — сишао е мало доле у вертъ, да молодой Господи лѣпы' трешаня набере. Сатимъ одтрчи и доведе га.

Та камо се? Сынко! кротко смѣшетьсе на нѣега рекне Господинъ. Ты насъ, вели, остави; а овамо умал' не бы и крвопролитія! На ков онъ, заруменившисе: Простите ми, вели, милостивый Господине! послѣ самъ разумѣо, — но право да Вамъ кажемъ, сидѣемъ у кѣллію и при одной кнѣиги заспимъ: али мою дужность не бы самъ пре-небрегао бы, Ваше Благородіе испратити. Нѣе дужность, сыне, рекне на то Старый, но любовь, — притомъ, дѣте мое, како прочымъ Отцима на дочеканью и пріятельству, тако и теби — пруживши му у руку, кое онъ дуго и пріимити не хотяше — на послуги и труду любезно благодаримо;

но ако ми, придода, у мой домъ додѣешь, и вышше тѣешь ме Юшт' обвезати.

Онъ му се на то маши руци. Не! Не дамъ руке! но желимъ одѣ тебе, да идешь съ нама. Я ти, Сынокъ, смысленно кажемъ, да самъ я радъ тебе за могъ Свештеника имати, ако не саизволишь мѣрскимъ, я не бранимъ, остани и Монахомъ, а я тѣу ово дана' и тако итъи Митрополѣту, па, ако хотѣешь, нека те, у кой ти се чинъ свиди, посвети. Не будешь ли, Сынокъ, имао волю, и не свиди л' ти се, кодъ мене у двору быти: силе нѣ, нити тѣу я зато теби и найманъе замѣрѣти, него тѣемосе лѣпо почастити, па онда додѣи овамо и опетъ. Онъ зато, добри Отцы! мѣсто овдѣ кодъ Васъ не губи? Не, Господине, о не! Онъ е нашъ, буди бы и гдѣ быо. Ето, рекне Старый, два часа! Малый комадъ землѣ насъ и разставля, дотѣитъемо свагда и мы Вама и Вы нама.

Онъ на то превали свое велике очи на еднотъ и друготъ Отца: Сынокъ, иди! рекну му ови честни Отцы, иди съ Господиномъ и за срѣтьомъ своЮомъ, па Юшт' ако тѣешь ме као стара мужа, рекне му Отацъ Симеонъ, и у оба чина искусна — будутъи самъ изъ мѣрскаго у овай чинъ ступіо — послушати, женесе! Светозаръ га садъ узме подъ руку: Право велите, Отче! повиче, и я тѣу му натѣи Цуру! Но ты да останешъ овдѣ умѣсто нѣега, одговори Господицъ. Ая Богме, Отацъ! Чествуемъ чинъ и Вашу рѣчь; али не бы смо се нигда тако погодити могли. Волео бы самъ до какве нужде и Попомъ, нежели Калугѣромъ быти. То за мой стомахъ нѣ. Но ево Отацъ — подтуривши брата — нек' Вамъ овай остане. Да! Погоди! Одговори Чедомиль, ветъ ако онда, кад' ты будешь Архимандритъ.

При овомъ и Исидоръ пресѣче свое тѣутанъе, и поклонившисе Господину маши му се руци, потомъ приступи и Отцима. Онъ се усиляваше малый нѣкѣй смѣй на лицу своемъ показати, и не заплакатисе, — но суетно! И при ведромъ онако

лицу слію му се нѣколико капльїи изъ очію на подобїа ти'е кишице изъ малогъ каквогъ облачка, коя се и сунцу сїаюшемъ у ситны' капльица' появи. Они га любезно загрље, и отеческимъ срдцемъ нѣга цѣдуютъи благосїа'у: Иди сыне! заплакавшисе на послѣдку и сами, иди съ Божиимъ и нашимъ благословомъ.

Сад' Светозаръ и Чедомиль, као дѣца, съ такомъ радостью узму га подъ руку, и къ колма поведу, као да имъ се Богъ зна шта срътъно догодимо. Ови тѣе нѣга, рекне Старый, на нѣи сад' гледетьи, и съ прїятельи свои любезно цѣлуютъисе, ови тѣе, вели, нѣга своѣомъ веселомъ направлю изъ оне нѣгове замышльености извести. Сатимъ сѣдне съ дѣцомъ на кола и приспѣ къ дружеству.

Косара и Милисса сѣле на поляи поредъ пута, и изгадау на нѣи. Айде, ватайте те конье, рекне Старый слугама, кое су ту съ Господиномъ дошле быле: Но Госпе! Ёсте л' раде, вели, што самъ Вамъ и госта еднога довео? Ёсмо, Отацъ, одговоре ове, любко на нѣи осмѣяваютьисе; но болъе бы смо му се Юшт' радовале, кад' бы онъ съ нама и дома пошао. Веть я, дѣцо, нѣга довдѣ доведо', и изъ монастыра га изведо'; а одсад' препоручуемъ га Вама, и ако Вамъ побѣгне, я тѣу одъ Васъ рачунъ искати. Камо Вамъ Драгиња и — ? Иди Никола (своѣмъ служчету — локаю —) и зови и', — сад' ено съ дѣвойкама и онымъ Малымъ одшеташесе полъемъ. Сѣднимо мало Сынко, рекне Старый Ісідору, сѣднимо, докле намъ и дѣца не додѣу. Нетъемосе закаснѣти, вели, близу в. Знашь ли Гречески сынко? Знашь, Господине, одговори овай. Славенски безъ сумнѣе разумѣвашъ добро? О како не? У Славенски кнѣига' я се весма радо и упражнявамъ. Съ покойнымъ отцемъ, придода, докле самъ у Приштѣни быо, Юшт' као дѣте одъ 13 — 14 година, кад' самъ се у школа' учію, па ми нїе слободно было, съ нѣимъ прѣсто Србски ни корреспондирати, но све Славенски. Право! То ми е мило, по-

виче Старый. Но! Иматьешь кодъ насъ довольно кнѣига, и Славенски и Грчки. О красно е, сыно, за насъ, и нужно намъ е, древний овай нашъ языкъ знати. И я, приложи, мою дѣцу све те-рамъ, да се у Славенскомъ упражняваю.

На то Светозаръ: Смѣшно, Отаць, мени е было изъ почетка, кад' бы сте Вы съ каквы Свештеницы Славенски говорити почели; а потомъ, кад' станемъ и самъ овай языкъ разумѣвати, тако га возлюбимъ, да ми е чисто жао, што нѣмъ уобште сви не говоримо. Како е то лѣпо Славенски речено: Коль прѣятно, видѣти сѣю цвѣтоносну, яже весь кругъ земный красить, нынѣ весну! Тиха заря рано низливаеть своя любезныя слезы на зелена поля. — Онъ хотяше и далѣе овако нѣшто продужити, но смотри дѣвице, гдѣ иду, и малогъ Светолика, польскимъ цвѣтьемъ као додолу накитѣна, за руку воде. Истрчи дакле предъ нѣи и младенца имъ узме, и онако съ нѣиме Старомъ Отцу притрчи, кой га отеческомъ милостью на крыло свое прѣими и миловати га почне, — на то ето ти имъ и оне приспѣду.

Ісидоръ нашъ оштрый взоръ свой сад' на дѣвице установіо бѣше, и наеданпутъ промѣни-се чисто у лицу и скочи на ногу! О Боже! возопи, е ли то могуте? Цвѣто! На ову рѣчь нѣгову дѣвица се окамени, погледи га за вѣколико магновенія' внимателно, потомъ врисне и нѣему на прси полетивши: Ісидоре! викне, и чисто изумре. Онъ ню къ прсима своимъ прикучи, и тако разслаблени едно другоме главу на раме спустивши проговорити вышше дуго не могоше. Дружство и' сад' окружи и едно друго съ удивльенѣемъ погледи. Я самъ се мало и сѣтіо, рекне Старый, да тѣе овако нѣшто быти, зато самъ ти (Косари) и рекао, да е овамо изведешъ. Мени е, придода, дѣчко мало нѣшто о овомъ и наговѣстіо. Цвѣто моя! спустивши е онако разслаблѣну и блѣду на траву, проговори їой юноша, — Цвѣто любезна! Иди! Иди! Невѣро! Она ти'о проговараютьи тураше га одъ себе. Зашто? бра-

те сладкій! Чему самъ я узрокъ быо? Ево насъ е судба опеть савднина! Мы се ево я опеть видѣсмо! Ахъ! возопи она и исправисе, погледи на нѣга пла'овито, и полю е сузе. Видѣла самъ те, — но да самъ те мртва видла, волѣла бы, не го у ти' халбина' што те видимъ! Ты малодушный, ты слабый! клетвопреступниче и лагкомысленный юноша! Ісидоръ на то зацѣнисе у мара му плакати, чимъ одлагкшавши мало себи погледи на проче! Простите ми, вели, Господо моя! Простите намъ! И добротомъ вашомъ извините наша слаба срдца. На то приступи їой Косара, коя се такодѣ заплакала бѣше; и узевши е за руку! Цвѣто! Дѣте мое мило! Повратисе брате и умѣри себе, — послушай насъ и видѣтьешъ, да се ты варашъ о нѣму сынку, и да онъ нѣ оно, што ты о нѣму мыслишь! Нѣ, нѣ, дѣте мое! повичу и Старый и Милисса. Онъ ако е и навукао ову 'альину, но у чинъ се їошт' посветіо нѣ.

По довольномъ овако увѣштаванью едва е сироту увѣре. Она се сад' поврати, и наново заплакавшисе загрльи га: Ісидоре! Сладкій мой Ісидоре! Прости ми! О прости ми любезный мой! и извини мою нестрпѣливость, мою наглость, мою слабость женску. То изрекши пребаца му руку око' врата, и наслонивши му сузне свое образе на прси: Дозволи ми добрый юноша, Ісидоре мой! Дозволи ми овако мало на твоимъ прсима главу подржати: но о! Да я нисамъ увредила ово благодѣтельно срдце у нѣма? Ниси Цвѣто! О ниси! Оно е твоє, за тебе куца, ты га сад' оживлявашъ; твоє те любезне, коима га росишь, сузе, подмладью у нѣму любовь мою къ теби. Она опеть подигнувши главу свою: И заиста ниси чинъ прїеміо? Мила моя! Имай само малчицо овдѣ стрпльенья! Поклони ми поо четврти часа, да те могу савршено о томъ увѣрити. Господине сладкій! цѣлуютъи руку Староме и нѣшто заусти, но одма обратисе къ нѣой опеть: Цвѣто моя! Бсамъ ли я у надежди? Како е одѣ

твое стране? Смѣлъ ли я момъ сердцу поласкати? Я о твоёмъ, любезна моя, и не сумнямъ; но в ли оно одкуд' и у твою власть дошло? или паче да рекнемъ, зависи л' ова рука, коюмъ ме грльишь, ветъ одъ тебе? Ахъ! сва в ветъ неудобства, сва у томе нама бывша препятствія, смръть мое матере (ово в ветъ томе поо године) съ пута намъ уклонила, и како в то было, одма самъ те тражити почела. Найпоследъ чуемъ за тебе, да си овдѣ у монастыру, те сирота уземъ то дѣте — братъ ми в, но ты га нис ни познавао — и овамо безъ душе по'итимъ. Сад' онъ нью иѣшто лагано рекне, на кое она радостью воспряне, и предъ Господина клекне: Сладкій Господине! загрльивши му колѣна, приимате ли Вы насъ подъ Ваше милостиво крыло? Старый, дигнувши в: Я самъ га самъ звао, вели, и ето, ако се саглашавате, и стварь одъ Ваше стране быти узможе: то в посао готовъ, шта вышше, и радуемсе томе. Господине милостивый! любетьи му обое руку, добродѣтелна и велика душа Ваша и иматье зашто радоватисе, ерз Вы насъ сад', данасъ и на вѣкъ срѣтьне творите, за кое тьмосе мы — полюбивши руку и Косари, трудити, себе Ваше милости, Вашегъ благодѣянія, Ваше сладке и отеческе къ нама любви достойнама учинити. Я самъ га радъ, приложи Старый, за мога Свештеника у Двору имати, на то самъ га понудіо и позвао, у намѣренью, да га лѣпо оженимъ, и савршенно га срѣтьнымъ учинимъ. Знамъ, Господине милостивый, знамъ, каже онъ мени сад', и мы у томе никаква препятствія немамо. Мати в моя умрла, а отаць ме в сасвимъ презрѣо, родительске милости исклучіо, — и — управ' да кажемъ, одтерао, — а зашто? Зато, што я нисамъ могла, ни кадра была, чувства могъ сердца побѣдити, овога добродѣтельнога юношу, коме самъ, ово в ветъ три лѣта, сердце мое посветила, оставити, и за онога, за кога ме в онъ дати хтѣо, побѣти. Ту в све мое преступленьє было! Да нє лѣпа стварь, родительской се воли противити;

то и сама признаемъ: но да ніе и то право и лѣпо, да нѣки родители и у овоме власть свою савршенно надъ дѣцомъ своіомъ хотѣе да имаю, то ми нико, ако тѣе паметно судити, одрѣти не може. Одсад' ето му наслѣдника! Да му га Богъ поживи! Я му не тражимъ ништа!

Сад' Ісідоръ окренесе къ дѣтету. Братъ твой Цвѣто? Родѣнный мой братъ, одговори она. Онъ га полюби и одтрчи у монастырь. Но! рекне Старый, све тѣе добро быти! Не бойте-се ништа! Ты, ако хотѣешь, придода Старый, и онъ волю узима, онъ при мени може и друго какво званіе имати, — не мора нарочито Попомъ быти. Не! милостивый Господине! Е ли само Ваша воля у томе; мы смо обое увѣкъ на то ишли, — мы обое то милуемо, и естество е нѣега найветѣма на то опредѣлило. Нѣегова ти'а наравъ, нѣегова побожность, учтивость и наклоность къ читанью кнѣига; къ томе, нѣегова лѣпа наука, ясный гласъ у пѣнію и нѣегово сладко слово, — ово су дари за такавъ чинъ. Такавъ му е и покойный родитель быо. Сад' Вы сами, као паметанъ мужъ и Господинъ, судите, колико бы я у томе и предъ самымъ Богомъ сагрѣшила, кад' бы сама была таква младитьа, кои съ даровима своими на ветѣу своімъ обществу ползу быти може, пренебрегла, у црно завила, и — на нѣкій начинъ жива у той пустыньи закопала и саранила!

Многи су родители у томе криви, рекне Косара, кои коначно нетѣе да мало и на наклоность срдца сына и дѣтери свое погледе, но затегну пусти одъ свое стране тако немилостиво, па куд' пукло да пукло! Истина, приложи, да ніе ни то совѣтно, да се одма молодой и лагкомысленной дѣвици на волю остави; али кад' ветъ видимо, да стваръ дотле додѣе, да немамо средства, развести е: то дозволимо! па што имъ Богъ да! Каже она сад' оvdѣ на пытанье овы, да е отаць нѣенъ простъ човѣкъ, но да е добаръ газда и фаміліомъ благороданъ, кой се Драгичъ зове, и у Крупи обитава. Преповѣди имъ укратко и повѣсть свою,

нако се случайно са Ісідоромъ при нѣкой гостби у Блечу првый путь видѣла, и ту се у нѣега залюбила. Онъ се, придода, садъ мало сиромашъ и упустио; но такавъ е было красанъ, и таке е, вели, нѣке любезне прелести на себи имао, да му царска дѣти замѣрити не бы была могла. Сва пакъ красота нѣегова лица нѣ мене внимателномъ на нѣега учинила, докле при трапези кодъ нѣкогъ богатогъ трговца, кой е крстно име славио было, отаць му покойный не заповѣди, да имъ што одпов. И будуть да самъ я ту у Блечу мою нѣку тетку имала: то е истый трговаць купно са мною на обѣдъ позове. Отаць Прота сѣдио е у зачелью — о красанъ е и тай човѣкъ было! — а сынъ му, истый Ісідоръ, сѣдъаше спрама мене, кой кадъ е садъ нѣшто изъ светогъ писма запою, тако цѣлѣй асталъ у умильенье приведе, да ни едно заръ ту задржатисе нѣе могло, да се сладкимъ чувствомъ не порази, и радостне сузе низъ лице не пусти. Было е ту и нѣколико дѣвоика при трапези, одъ кои нѣке буду понудѣне, да младитьу секундираю. Тетка моя на то, да се покаже са мною, намигне на Отца Проту за мене. Я се до душе на то нисамъ нигда ни молити дала. Гласъ самъ имала (и имамъ га, Богу хвала, и садъ) такодѣ лѣпъ, а срдце ми е весело было. Кудъ самъ годъ ишла, само ми е у мени чисто пѣвало; — садъ пакъ у оваквомъ дружству и съ овакимъ младитьемъ запѣвати, едва дочекамъ, — само да ми се рекне. — И тако одпѣвавшимъ намъ нѣку пѣсму заедно гости намъ се наново усхите. Ту е таптанъ, ту е похвала нама двома даже и до самы звѣзда была, и натераю ме, да сѣднемъ садъ поредъ нѣега. Радость наша ту, гдѣ се тако лѣпо продуцирамо, и любезный стыдъ, што цѣлѣй асталъ на насъ гледаше, орумени намъ образе, и свима насъ обое милыма учини. Онай одонудъ, а овай одовудъ, кротко едно на друго смѣшетъисе погледау насъ, и едно другоме на уво: Финый паръ людѣй што бы было! шапташе. Добрый отаць нѣеговъ, кой га е као един-

ца одветъ любіо быо, погледи такодьє на насъ: Бога ти, вели, Марица! (моёй тетки) Чіє ти є то дѣвойче? Кажє она за мене, чія самъ. Вѣра и Богъ хотьу є за сна'у заискати, па да ми, вели, тако лѣпо пѣваю, и као стара при чаши вина кадшто ме провеселе. Истина, ово є нѣговоу ту изречєньє као одъ шале было; и насъ є обєваново застыдїло: ал' се оно тако у наша срдца спустило, и тако се найнѣжнїєгъ у нѣєму чувства коснуло, да смо се мы одма єдно у друго залюбили, и будутьи да се я ту при тетки нѣєга ради и дужже задржимъ, (но весма є рѣдка прилика была, да смо се гдѣ састали): то послѣ три седмице мы єдно другомє и любовь нашу одкрывємо. Но жалости наше! Моя мати нїпошто, за животоу главе, на то санзволѣти не хтѣ, да она свою дѣтерь Попадїємъ учини: а нѣговєвъ любезный родитєль, кой потомъ нїє дуго ни живїо, при смрти своїоу закуне га, да онъ изъ нѣгове 'ладне руке жєзль пастырскїй прїими, и стаду Хрїстову вѣрный пастырь буде. Онъ є ово тако одъ нѣєга желїо, да му се младить на то заклетї морао. Онъ дакле сад' друго и не може быти; а я самъ нѣєга тако силно возлюбїла, да сад' нїшта и не желїмъ, но Попадїємъ быти. Мати ми є умрла; а съ отцемъ вышше нїшта и немамъ. По смрти нѣговой овай тѣє мудобра наслѣдїти, кой знамъ да нетѣє хтѣти, ако бы и могло быти, мене, родѣєну сестру свою, конечно исклєчити, и оны' добара участницомъ быти препрєчити. Но благодаримъ прво Богу, па овымъ младымъ Господичьїма, кой га данасъ смрти избавїше. Я самъ, жалостной мени, одозгоръ съ брда усмотрїла, кад' га є онай повїєо: но сва кровь у мени прємрзєне, — устанємъ да подѣємъ, но ногє ми се стра'омъ разслабилє, тако, да се подуго на нѣя нїсамъ ни исправити могла, — а сама самъ га была у монастырь послала, да распыта, є ли ту Ісїдоръ? Отаць му за то и не зна, зашто самъ я нѣєга изъ другоу сєла, гдѣ онъ у школу иде, са собомъ, да не идємъ сама, узєла.

На то сад' ето имъ и Ісідора. Обрїно оно што в почео быо имати брадице, очешляосе, умыосе, црнь свой манторось скинуо, и себе у прекрасне мїрске 'альине обукао, кафтанъ морастъ и исподъ њега зелена ечерма, чакшире одъ скупопѣнна сукна, прстенъе на руку' съ брїлїанты, и на глави капа одъ фине любичицешарне кадифе, съ рѣдкима унаоколо златомъ извезенными границама, — словомъ, као новъ човѣкъ сад' заблїста дружству у очима, ков на њега нестрпѣливо изгледаше. Право! повичу сад' ови, и Любица му радостна на срѣтеніе истрчи. Ту се сад' одма за путь спреме, и узму са собомъ и Живоина на даъ на два, потомъ тѣе њега опетъ у исто мѣсто, гдѣ у школу иде, послати.

Старый сад' съ Драгиньомъ, Милиссомъ, Цвѣтомъ и Ісідоромъ сѣдне на една кола, а прочи сви служительи и служавке са старомъ Егдохиомъ смѣстесе у друга двоја, у четврта само посади имъ се една одъ служителница' съ малымъ Светоликомъ, у коя тѣе потомъ сѣсти и Косара, врь сад' она са два сына напредъ на коню мало подѣе. И тако сви весели кренусе. Слуге имъ едне напредъ, а друге састрагъ, такодѣе на коньима, њѣи спроводѣау. Доспѣтьемо, рекне Старый, како вая, Косми на вечеру.

Сунце се ветъ на западу ти'о за горе спушташе, и послѣднѣе свое луче съ в'рова высоки' дрва' помало прибираше: вечерня заря сву ону страну неба оруменивши дивно позориште путницима нашимъ представляше; ногъна проладителность почне имъ толлый воздухъ растворати, и часъ на часъ мали вѣтритьи прїятный мирисъ по њему съ цвѣтны' и около пута тай данъ покошены' ливада' стане имъ разносити; птицице се сасвимъ ветъ преталоже, и по трави имъ попцы почну ветъ журчати.

Назданпуть забѣле имъ се села; но два зелена холмитѣа, коя се чиняу, да се еданъ на другога братолюбно наслонію, замакъ имъ Пиперинъ гошт' заклоняу. Косара сяше сад' коня и

посадисе у своя кола; а Светозаръ и Чедомиль приступе къ колма Старога, и почну за села, како се кое зове, запыткивати, коя имъ сад' Исидоръ толковаше. На западной страни забъли имъ се и еданъ малый, но лѣпо устроень градить, за кой имъ каже сад' Исидоръ, да се Чарновъ зове. Одъ овогъ се простирау равна нѣка поля до саме рѣке Бояне, преко кое се видяше и великій градъ Подгорица. Унаоколо никну имъ и Дреновацъ, Плеваца и проча села. Напослѣдакъ, спуштаються низъ едно понагнуто брдаице, углегаю и градить Убаву. Но, хвала Богу, дѣцо, рекне Отацъ, ево смо, вели, ветъ дома! Онъ то рекне, и укаже имъ се замакъ — нѣювъ Пиперинъ —, кой имъ се преко нѣки' высоки' ела' и брестова подъ самомъ горомъ на поо четврти часа вышше Убаве видяше. Онъ имъ се изненаднымъ сад' своимъ появльеньемъ тако измедьду зелены' и чисты' шума' забъли, као да имъ наеданпуть изъ земље изнич. Они сви радостни сгледавшисе: ево намъ дворова наши! весело подвикну.

Два на Двору не тако висока, но широка четвороуголна столпа, лимомъ покрывена, мѣсецъ бяше ветъ озаріо. Спустившисе наши путницы къ селу, у кое имъ еднымъ големымъ, преко нѣке изъ планине текугье рѣке мостомъ претъи надлежаше, не мало удивесе овдѣ сад' водноме шуму. Ништа се ту чути не могаше, што они едно другоме говорау. У овой тѣете рѣци, Господине, рекне Исидоръ, прекрасны' пастрма', и велики' поточки' рака', колико хотѣете, добывати.

Прешавшымъ имъ овако мость сѣдну и младитъи у кола съ матеромъ, коя сад' зовне и Драгину. При самомъ ту раскрштью, одъ кога еданъ путь у градить Убаву улазаше, а другій имъ се къ Двору узвіяше, дочека и' съ найлюбезнімъ ускликомъ великій соборъ селяна. Съ едне стране пута стале имъ бяу нѣине старѣшине, честни старцы подъ бѣлымъ брадама и мужеви съ женама; а съ друге стране юноше съ дѣвицама, дѣ-

цомъ и малымъ дѣвойчицама. Они су сви, ступившой Господи у средѹ нѣюву, као изъ едногъ грла: Многая лѣта! и Аминь! повикали. Ови имъ се ту мало зауставе, любезно и поздраве, и Старый имъ овдѣ тако лѣпо и тако чувствително слово изговори, да се готово свакій ту, дошавши у нѣко умильенье, и заплакати морао. Кадъ сврши онъ бесѣду свою и понесе опеть на кола, загрми имъ гласъ Народа наново. Одавдѣ имъ в цѣлый путь садъ даже до самогъ Двора польскимъ цвѣтьемъ и ружицомъ быо застртъ, и съ обѣ стране пута по еданъ редъ коняника съ голымъ у руци мачевима быо имъ в стао. Путь се овай мало за едно округло и романтичко брдаще савіяше, кое дворъ одъ села разставляше. Оно бяше само травомъ и цвѣтьемъ покрывено, и насредъ нѣга само три удивително голема раста видя'усе, кои на широко око' себе простртыма, и уедно сплетеныма гранама своима, као еданъ зеленый вѣнацъ саставля'у, и нѣмъ овай Амфитеатру подобный холмить украшава'у. Овдѣ самъ я намѣранъ, рекне Старый до себе Ісидору, моёй фаміліи едну лѣпу цркву сазидати.

Сатимъ садъ путь имъ се управо къ Двору савіе, кой савъ освѣтлень усмотривши наново воспряну. Одавдѣ имъ се садъ два реда липа до самы' дворски стѣна пружила бя'у, съ кои мирисъ садъ у Маію савъ оводъ воздухъ испуњаваше. Сведозаръ, гледетьи растове, къ коимъ се садъ савиткомъ пута приближе: Отацъ, вели, ала су грдна ова три раста, као да имъ в, вели, Юшт' почетакъ свѣта бытъе дао. Мило имъ буде, кадъ садъ виде, како се одъ Двора управо къ овима и равно дотъи може. Чимъ они овако къ великимъ замка вратима приступе, засвираю имъ трубе, и изидъе предъ нѣи градоначалникъ, кой в ту посланъ быо, да нове госте, и Господина Замка дочека, и да му га преда. Изидъу имъ съ нѣиме и Косма и Бурямъ, и поздравившимъ имъ се свима тако предъ Дворомъ запыта Старый Косму лагано, има ли ту Юшт' какве Господе? Нигдѣ ни-

точну страну нѣмдѣ на еданѣ дивный, и у округъ надѣ самый бедемъ сазиданный увеселительный домъ, у кой кад' удѣу, виде, како в лѣпо изнутри савъ изваянь. Изъ овогъ сад' угледаю исподъ оногъ напредѣ реченногъ верта нѣкій и другій вертѣ, такодѣ разным' дрвама насадьенъ, и на одной страни имадаше многе пчелске кошнице. Вышше овога бѣше и една прекрасна шумица одѣ самы' липовы' дрва'; но овай вертѣ къ двору нѣиномъ не принадлежаше. Видя'усе у нѣему нѣки селяни, кои га сасвимъ просто обдѣлава'у. Баце одавдѣ око и далѣе на красный онай и романтичкій предѣль, на коме они све нове и нове предмете одкрыва'у, и съ нѣи' нова увеселенья себи, нове пріятности за чиста своя юношеска и беззлобна срдца налаза'у.

Они сви, радостью упоени, по ручку (Фруштуку) изидѣу прегледати сву ову страну. Младитѣи съ Отцемъ, Космомъ, Ісидоромъ и Бурямомъ, сѣдѣу на конѣе, а прочи съ Господѣама и дѣвицама посадесе на кола, и тако савъ овай кругъ до обѣда обидѣу. И будутѣи да при обѣду добыю и нѣколко странны' гостію, кои имъ мало касніе додѣу: то продуже време при столу тако, да се младитѣима сѣдити досади. Съ дозвољенъемъ дакле старіи' свои' устану, и сидѣу на великій исподъ Двора потокъ, продѣусе туда мало, пакъ сѣдѣу на брегъ и гледе у быстру воду, како имъ се по нѣой по чистомъ песку рибе пастрмке утркую и играю. На то ето имъ едно младо дѣвоиче, кое и' сад' позове у онай вертѣ съ пчелнякомъ, гдѣ застану Старога съ Космомъ и двоцомъ Юшт' одѣ гостію. Но! Светозаре, сынко, рекне Старый, ево намъ, вели, продае овай Господарь (за едногъ одѣ гостію) свой вертѣ и пчеле; — шта ти се чини, хотѣу л' и' узети? Юноша погледи, вертѣ мало запуштень, но у натуре лѣпъ и великъ съ однимъ понизкіямъ, али одѣ камена сазиданнымъ, и на многе прекрасне себе и стае раздѣљеннымъ домоомъ. Зашто не? Отацъ! одговори юноша, узмите. И тако Старый купи

овай пчелнякъ, шалетьисе, да тье ту намѣстити Чедомиля, кад' га ожени, да му са женомъ буде пчеларь. Медьутимъ, приложи продавцу, надбите ми, вели, каквога човѣка, кой бы се у томъ дѣлу добро разумѣвао. Не старайтесе, Господине, одговори овай, я тьу Вамъ самъ за то искусна човѣка довести; — но имамъ, вели, я овдѣ нѣшто, кое хотѣу Младоме Господину да поклонимъ, зашто да онъ не рече, не бы сте можда са многъ ни пазарили были. Сатимъ удѣе у нѣку ту поредъ дома пештерицу, и изведе имъ изъ нѣе едногъ младогъ лава: Овогъ лава, вели, и я самъ, малогъ Юшт' као штене, на поклонъ добыо, и будутьи да бы се онъ одсад' на другомъ гдѣ мѣсту тежко и привыкнути могао: то поклонямъ га ево младомъ Господину. Но ови се сви сад' ужасну, кад' видѣше овогъ страшногъ звѣра. Онъ истина бѣше младъ Юшт' и недорастао, но величиномъ Юшт' сад' надвышаваше и месарскога пса. Газда га е ветъ тако препитоміо быо, да е ишао поредъ нѣега као какво кротко псето, нити е онъ на кога, иоле познатогъ, ударити хтѣо.

Светозару нашемъ сад' ово најлюбезни даръ буде, кой се и помыслити може. Онъ га доведе у дворъ, и за мало време тако га укроти, и тако га са свима у двору упозна, да онъ ни на кога, не само дворянина, но ни на страннога, длаку свою даню наокастрешіо не бы: нотью пакъ, Боже сохрани! да бы ко, кога гласъ онъ не бы познавао, у дворъ ступити могао. Онъ не само младитѣйма, но и старыма на велико удивльенъе бѣше, како онъ свакога не само по одѣлу, него и у помрчини по гласу распознати могаше. Они нѣега и на нѣке пробе метну, и не мога'усе довольно начудити, какавъ разумъ, и какво великодушіе у едномъ безсловесномъ звѣру быти може. Светозаръ га наименуе „*Мосіе Бруно*.“ Онъ бы по цѣлый данъ, кад' не бы куд' за Светозаремъ или за Старымъ изишао, насредъ двора подъ онымъ великимъ растомъ у ладу прележао, и свакога бы, кой бы ушао, само погледао. По ма-

ломъ времену тако имъ се разрасте, да га е и погледати ужасно было. Но они, искусивши у ньему благородну наравъ, пуштали су га и напоље. Онъ бы и поредъ стада прошао, и пастырчадь бы се сва разбѣгла, али онъ бы кротко погледао, и ни најманъегъ у себи движенія никоме никаквогъ вреда не бы учинио, само кад' бы му се чобански пси приближили, тако бы се наежио, и тако око' врата свога гриву уздигао, и репомъ своимъ узвијати почео, да су одма одъ њега одбѣгавали, за којима онъ ни крочити не хотјаше.

Еданъ данъ рано нестане намъ Светозару овога лава, о чему се онъ врло оскорби. Цѣлый се Дворъ за њимъ узбуни, слуге на све стране полете тражити га. Време ветъ и у ноћ наступаше, а онъ не долазаше. Уплашесе, да га не буду селяни, кои су се њега свагда бояли, каквомъ преваромъ убили. Кад' они ветъ и одъ вече-рере устану, и мѣсечина будутъи про'ладњенъ ради на алтанъ изидьбу, опазе свога *Бруну*, гдѣ се на двору съ еднимъ малымъ еленчетомъ игра. Гдѣ га е, и како га е уловио, и ту донео? знати не могоше. *Бруно! Мосіе Бруно!* повиче га Светозаръ радостанъ и истрчи му доле. Онъ садъ, машутъи репомъ умилно се око' свогъ Господина савјати почне: но Светозаръ му ову ласку не примми, покаже му се срдитъ и стане га псовати, на кое се Мосіе Бруно толико предъ њимъ смири, и тако му се покоранъ учини, да легне предъ њега, и почне нюкати, као да му се моли и опростенъе иште.

Одъ тога дана Светозаръ, кад' бы годъ съ братомъ, *Бурямомъ*, *Ісідоромъ* (докле овај Јошт' чина на себе приммио не бјаше) и са своимъ ловцемъ у ловъ куд' изишао, свагда бы и њега са собомъ повео, кой имъ е на велико њіово увеселенъе тако вѣшто и тако умно животна ловио, да су му се свагда смѣјати морали. Особито кадъ бы гдѣ на каквогъ медвѣда наишао, и овај бы му на дрво устрчао. Но къ малой и слабой животинъи за удивленъе показивашесе милостивъ и

благодущанъ. Онъ кадъ бы ков одъ овы у свое кандже гдѣ счѣпао, не хтяше га уморити, но онако живо своемъ Господину донео бы, тако, да бы вышше путій Светозаръ своемъ дружеству рекао, како е, вели, придода нама лѣпъ примѣръ и у овомъ неразумномъ скоту оставила, да и мы къ слабиимъ милостиви будемо, и да се и одъ нѣга великодушню учимо.

Но да се мы, любезни мои млади читатели, при свакой маленкости у овой нашей повѣсти фамиліе не бы дуго задржавали, обратимосе опетъ къ нашемъ Старцу Любмиру, како тѣ намъ онъ и овдѣ, у третьемъ ветъ періоду свога живота, живѣти почети? у чему тѣ намъ се садъ упражнявати? и съ каквомъ тѣ онъ похваломъ у дѣли свои и овдѣ успѣвати? Онъ, кой добродѣтельно и човѣколюбиво свое сердце и овамо пренесе, као добрый патриотъ, као чедолюбивый отаць, и мужъ блага совѣсти, кой разумѣва дужность свою, и кой се опоминѣе слова Божія: „Дѣлайте, дондеже свѣтъ имате“, онъ, велимъ, и овдѣ стане садъ промышлявати, како тѣе зваію свое, ков му се съ онакимъ повѣренъемъ поднесе, удовлетворити мотѣи? Онъ првы дана, како в тамо дошао, препоручи цѣлу свою и нову овдѣ економію опетъ своеме Косми и Ісідору, а младѣе свое у Двору, Леону, мужу благонравномъ и у скаки-послови искусномъ, пакъ узме два своя унука, Милугина, Новака и Петра, Секретара Милутинова, и продѣе съ нѣима сва туда оближня села, прегледа помѣстне гарнизоне, узме войнике, купно съ Началницима нѣовымъ на искусство, како се у оружію разумѣваю? У каквомъ поредку живе? Какве су имъ касарне? Обываваю ли у чистоти? Има ли и болестны? Како се съ овима поступа? Тужи ли се ко на што? и проча оваква, што се званія нѣегова каса, добродѣтельный Стараць засадъ као мимоходно, прегледа и поити опетъ дома, да не закасни, Войводе у Двору дочекати, ков, кадъ се четвртый данъ врати, у дворѣ своемъ и застане, кромѣ Гаговича, кой му садъ дотѣи нѣ мо-

гао, изъ узрока, што е у исто време у Рагузу царскимъ такође посломъ итѣи морао. Съ петъ Войвода' и два Жупана сад' дошли бя'у и многи военни чиновници, такође и одъ дипломатичкогъ реда отмѣннїя лица, изъ Магистрата', военны' сѣвѣта', изъ Канцелларїа', нѣколико Свештеника' съ Митрополитомъ, са села' кнезови и сеоске старѣшине, — пувъ Дворъ сад' Любомиръ застане, кои су ту пре нѣга на нѣколико само часова доспѣди были. Но онъ, познаваютьи великій духъ и способность Косаре, свое снав, и Леона, разумна мужа, свога двороправителя, нимало се ни посумняо нѣ, да тѣе они оваке велике и любезне нѣгове госте съ пристойноштью дочекати знати. Косара е была една жена, коя е преко свїю свои' женски' дарова, и женски' добродѣтельїй, притяжавала и мужко срдце и мужку главу, кое е даре она и любезной своїой Драгинїи и Милисси као волшебнымъ нѣкимъ начиномъ увеликой ветъ мѣри усвоити, и у естество имъ претворити умѣла, као што сад' и о Цвѣти матеряе прилѣжаваше.

Старый нашъ, ступивши сад' у дворъ, и любезно, съ отвореннымъ срдцемъ, съ едныма цѣлуютъсе, а одъ други', млады', рукама своима цѣлованье прїимаютьи, све поздрави и найучтивѣе све и' предусрѣтне. На то изидѣ му насредь сале еданъ ветъ у година' мужъ, кой се окрене къ Старомъ Господину, и одъ стране свїю овы' найкраснѣе поздравитѣлно слово изговори му. Слово е ово истина пократко было, коимъ су они нѣму ступльешье на ново достоинство честитали; ал' е оно тако сачинѣно было, да е у простымъ рѣчма нѣку особиту силу садржавало, и Старога у умильење привело. Начинъ Оратора у израженїа нѣму се одветъ повольи. Онъ, благодаривши имъ на таквомъ поздраву нѣювомъ, запыта за овога мужа, ко е онъ? На кое сад' овъ кажу му, да е онъ изъ Никшитѣа' Учитель, мужи врло наученъ и добаръ, искусанъ у езыци' и дѣлїи дипломатички', да е быо у млады' свои' годи-

на' и войникъ, чиновникомъ надъ стотинномъ войника', но да потомъ, возлюбивши науку, почне много моралне кнѣиге читати, и тако изгуби волю, оружье носити. На вопросъ опеть Старога каже онъ самъ, да се родіо у Становитѣи' — у Црной Гори —, но кад' рече, да се зове Драшковичъ, именовъ Срма: Ё л' то могутъ? съ удивленьемъ дозопи Старый, — Ты Драшковичъ Срма? Я истый, Господине, и дошао самъ овамо съ великомъ радоштью. да Гошт' еданцуть мога Полковника видимъ. Служио под-а-многъ, рекне Старый къ прочымъ. Не бы те, Сынокъ, заиста нигда я познати могао! Быо си онда дѣчко, пакъ си веть и ты обѣлиг! О какавъ е онъ лѣпъ момкомъ быо! Та чини ми се, приложи Старый, да си ты и одъ Благородны'? Боларъ, Господине, одговорн онъ, и моя, вели, фамиліа и сад' сва добро стон, — но я слабо, ерѣ докле самъ у войни быо, оцац' ми умре, потомъ умретье ми и мати, а стричеви ми се подѣле. Но како су се дѣлили, я Гошт' и сада не знамъ; но само то знамъ, да мени одъ мой' родителя' гртово ништа остало нив. И оно мало, што ми е остало было, кад' самъ удао сестру, дамъ нѣой сиротой, — но не жалимъ, — добыо самъ Гои баръ добру срѣтъу, а я, као неоженъень, како будемъ могао, тако тѣу живити.

Овога потомъ мужа нашъ Старый узме себи за Секретара, и быо му в десна рука у свима дѣлима нѣеговымъ. Онъ, куд' бы годъ за какве публичне дослове по седи' изашао, свагда бы Срму Секретара са собомъ повео, и любіо га е као брата свога.

Любомиръ сву ову Господу два дана при себи задржи, и у гостби и самомъ веселью најлюбезниѣ съ нѣима проведе, у којой прилики сад' и свое младе унукѣ, купно са цѣломъ фамиліомъ своіомъ, съ овомъ Господомъ и најотмѣниима лицама, као цвѣтомъ цѣлогъ Княжества овогъ, упозна, и у пріятельство доведе.

Третый данъ они се разидѣу, извѣштени о времену, на кое тѣесе опеть у Никшитѣе, знат-

но мѣсто, сабрати, и нѣга тамо дочекати, да га за Губернатора прогласе.

Онъ дакле садъ заповѣди, ту нѣке исподъ Двора касарне исчистити, обѣлити, и што потребно буде, лѣпо оправити, а медьутимъ войнике мѣштанима у квартире пошље. Еданъ само гарнизонъ онъ бѣше ту застао, но садъ тѣе три приимити, за кое су и касарне ту гошт' пре нѣга бѣле поветѣане и собе умножене. Потомъ пошље съ Ісидоромъ Чедомиля у Добровникъ на нѣвогъ свогъ пріятеля и Сенатора у Магистрату (у комъ є полакъ Србаля бѣло), да га ту практике ради за єдну годину у Канцелларіи намѣсти — ерь не имадѣаше овай младить воље, вышше у Призренъ вратѣтисе — ; а Светозара, у коме довольно ветъ савршенства признаваше, почне само гошт' у нѣки' военны' дѣли' мало болѣе обучавати у своіой Канцелларіи, кою садъ заведе, поредъ Драшковичѣа вышше упражнявати, и у правама ове земље прилѣжно наставляти. Медьутимъ по налогу нѣеговомъ доведе му Ісидоръ изъ Дубровника искусне зидаре, съ коима сачини планъ за нову цркву. Еданъ данъ дакле онъ изидѣ съ нѣима, и на оглавку, кодъ она' три' раста', измѣривши мѣсто, позове Проту и два Священника, те исто мѣсто освете, и тай се данъ лѣпо почасте. Косма садъ приими и ово на себе, да се матеріаль одма сбира. На добру плату слегнесе ту людство, и сильный се камень свуче. Садъ подъ добрымъ Косме надзираньемъ єдни фундаментъ копаю, другій кречъ гасе; ови градю вуку, они разне одъ каменѣа древны' царева, филозофа, и други' знамениты' мужава статуе праве, и у дивльемъ и' верту поставляю. Найпослѣ искусный нѣкій Венеціанинъ докаже Староме, да се ту изъ горе прекрасно може исподъ земље вода довести, и на томъ истомъ оглавку єданъ лѣпъ источникъ сазидати. Старый садъ саизволи и на то. И све є то, свако дѣло саобразно времену раздѣльено, спѣшило скоро къ своему концу.

Благодѣтельный Любомиръ, коме благополучіе народа данонотьно на срдцу лежаше, едва сад' чекаше, да само кормило ове земље савршенно у руку свою прими, и о ньеномъ изображенью постарасе, добре Гой юности учителье прибави, школе имъ у лѣпшій поредакъ доведе, и изъ нѣи имъ способне Священнике временомъ произведе. Онъ, кад' бы и у постелю спавати легао, свагда бы о обштемъ благу промышлявутьи друго буданъ, то на одну, то на другу страну окретаосе, и заспати не бы могао, — и то ньему ништа шкодило ніе, — едно, што в све то изъ правогъ усрдія чинію, а друго, што в видѣо, да у свему срѣтьно и успѣва.

Онъ еданпуть призове Ісідора, кога човѣчество и способности искусію бѣаше, и испита га Юшт' едномъ, е ли радъ при ньему заостати? и е ли Юшт' у мысли, да друго не буде, него Священникъ? На кое каже му оваи, да бы онъ суетно и подъ сунчанымъ заръ свѣтомъ себи подобну срѣтьу потражію оной, кою е онъ ту при ньему са своѣомъ Цвѣтомъ уживати почео. Ктome, да онъ свое мнѣніе нимало не промѣнюе, но да е радъ, завѣтъ свой отцу предъ Богомъ испунити. На то Косара доведе и Цвѣту, коя такодѣ, закрасившисе у лицу, каже имъ: Господине! Одъ Ваше воље све зависи. Вы сте едномъ насъ подъ свое крыло милостиво примити изволѣли, одсад' Ваше е, съ нама заповѣдати, и мы себе срѣтьнымъ признаемо, Васъ слушати, и таковога Господина за патрона имати. Добро! дѣцо, одговори имъ Старый, довече да буде ябука, а у Недѣлю у име Божіе да приступите къ светомъ олтару. Они му сад' у трепетьутой радости загрѣе колѣна, и оросивши трепавице едва проговоре: Цвѣто мой! Ісідоре мой! — загрѣвшисе — мы смо срѣтьни! О како смо срѣтьни! Господине! мы у станью нисмо, Вама захвалити. Срдце наше, ков се у нама сладкимъ сад' чувствомъ прелива, чисто намъ говорити не да. Облакъ радости разумъ намъ, као душевно сунце,

садъ е заступію. Нѣма само ова изъ очію суза есть знакъ наше благодарности. И колико мы ветьма Вашу добродѣтель, Господине, и Милостива Господя, приложи Цвѣта, бришутьи свое мокро лице, колико ветьма Вашу добродѣтель познаемо, да Вы изъ благороднѣгъ побуденья насъ данасъ срѣтьныма чините, нежели што бы сте за благодарность нашу чинили; толико мы манье у наярѣчій находимо, и толико манье дерзновенія имамо, Вама достойно возблагодарити. Вы сте Господинъ нашъ! Вы Благодаритель! Вы Отаць нашъ! Вы насъ срѣтьне творите! Вы насъ и благословите! И благословъ Вашъ благословъ тье намъ отеческій быти! — На то Старый отечески и к загрѣивши благослови и изговори слово поученія. То вече буду весели, и четвертый дань, у Недѣлю, оду у цркву и вѣнчаюсе. Потомъ напише Старый Митрополіту кнѣигу, съ коіомъ пошлѣ Ісідора, те га Митрополіть за нѣколко дана' и у Діакона и у Священника произведе. Садъ му Старый опредѣли три себе, гдѣ тье са своіомъ любезномъ Цвѣтомъ медьутимъ пребывати, докле имъ се домъ новъ съ вышше соба' поредь будутье цркве не сазыда.

Медьутимъ Любомиръ пріими изъ Двора одъ Цара и Грамату, коіомъ га за Губернатора проглашава, и то тако, да по смрти нѣеговой фамилія нѣегова ову титулу за свагда себе задржи. Пріими и привилегію одъ Пиперина замка и села, и одъ проча' два' села', коя имъ е Царь за собствена поклонію, купно и съ писмомъ царскимъ, у коме обѣтъава му се, да тье му скоро дотѣ. Любомиръ се нѣеговомъ долазку особито садъ радоваше, да се томъ приликомъ съ нѣиме о многимъ стварма разговори, Онъ сѣдне, и напише по исты' посланици' Цару кнѣигу, у коіой му на царской милости найтоплѣе благодари, и каже, съ каквомъ радостью онъ нѣега, купно, ако быти узможе, съ младымъ кралемъ чена, коме садъ и Светозаръ кнѣигу напише, и наново му на дару и на Нѣеговой царской любви и милости благодаря.

Истый дань, кад' одпусти царске ове посланике, по поодне, око' три' часа', Юшт' Любомиръ съ милломъ своіомъ фаміліомъ при столу сѣдѣше, ал' ето ти му загрме трубе на двору. Скочи Светозаръ на алтань, а Бурямъ стрчи доле. Два Господина подъ сѣды власи на коли' и 4. млада на коньи', сидьу, и весели подьу съ Бурямомъ узъ степене. Кад' е овдѣ Младый, вальда тѣе намъ ту быти и нѣеговъ Бабайко, рекне едань, на кое Старый, дознавши, да су то Депутирцы изъ Никшитья, кой по нѣега иду! Нѣе овдѣ! повиче, нѣе! Умр'о е веть! А! Ха! Ево га! Како бы умр'о? Кад' е оно дрво Юшт' текъ у младомъ прутитьу, одъ кога тѣемо Вамъ кивотъ правяти. Сатимъ и Старый любезно загрльи, и излюбившисе ту поздраве га странни одъ све Господе у Никшитьяма, — поздраве купно и Светозара и проче. Они, посадивши и' за асталъ, поведу разговоръ, и двопроставитель пожурисе нове діаконіе (сла) за госте на асталъ донети.

Овдѣ сад' овако при столу до саме нотыи провеселесе. Потомъ Старый имъ покаже свою пуномотъну Граммату, кою е одъ Цара примію,— но да тѣе му и Царъ дотыи, предъ овыма не хтяше говорити. Сутрадань на позивъ нѣювъ оправисе Любомиръ са Светозаромъ, и узму са собомъ и Косару съ Драгянномъ. Поведу и Буряма съ нѣкоoliko служителя? И тако успроводу овы приспѣду у Никшитье, гдѣ и' Господа Црногорска у свой ту соборъ торжественно приме, и на самый дань Св. Петра и Павла нашегъ ти намъ Старогъ Соколовичья, славнога нѣгда хероя, потомъ филозофа, а на коваць велике фаміліе свое честнѣйшегъ патріарха, и царскога сад' любимца, за Княза изберу, и са сверадостнымъ ускликомъ нѣега ту у Никшитья' прогласе, а любезногъ нѣеговогъ Светозара, кой сад' у овомъ честномъ нѣювомъ собору своіомъ красотомъ тѣла, своимъ благообразіемъ, своіомъ разумномъ бесѣдомъ, коя му чиста на румене нѣегове устне истицаше, као быстра вода изъ кристаллногъ каквогъ источника,

кога се Јошт' нико коснуо, и кой Јошт' нико замутіо ніе, а найпаче своіомъ къ свакоме, саобразно достоинству нъеговомъ, учтивостію и есее-тичкомъ нѣкомъ любезностію, свію сад' оvdѣ очи на себе обрати, сви еднодушно мысли свое на нъега усредоточе, да га себи за Войводу изберу. Рѣчь една царскогъ оvdѣ Комміссара изъ свію уста' радостный имъ произведе ускликъ: Войвода! Нашъ Войвода, Младый Соколовичъ! Господо моя! возрази нъеговъ честный Отаць, рано е то Јошт' за нъега! Та не видите ли, да е то дѣте Јошт'? За волю Божию! Јошт' нема ни наустница! Ништа то! О ништа! Данась, сутра, и онъ тѣе быти мужъ! И тако га торжественно за Войводу прогласе. Онъ имъ сад' изидѣ на среду, и тако имъ слово изговори, у комъ имъ на любви нѣвной захвали, да су сви на нъега, као на какавъ оракуль гледали, говоретьи свакій у себи: О какве царске даре, царске добродѣтели, юноша овай притяжава!

Сад' изъ велике соборне ту цркве сву Господу Митрополіть у Дворъ свой на обѣдъ позове. Преко 150. лица' ту се саберу. Злато и сребро чисто гори на Господи. Славну часть Митрополіть учини, мусікомъ и' любезно провесели, и найпослѣ даде довести изъ мѣста тога младе момке и дѣвице, кои у'вате насредѣ двора гдно едно коло, у кое се сад' съ дозвољеньемъ Светозара у'вати и нашъ Бурямъ, кога искусивши сад' дружество, какавъ е играчь, одма съ нѣимъ на вр'ъ кола, и учине га коловодьомъ. Господа съ високи' алтана' на нѣи гледетьи не мога'усе Буряму, онаквой замашной людини, довольно начудити, како пустый игра, као да на землю не стае.

Кад' ал' ето ти имъ и Радосава, у цѣлой той краини на гласу свирца. Ха! повичу, кои га познава'у, сад' тѣе быти, што тѣе быти! Овай ти извади изъ свое велике торбе нѣке чудесне свирале, кое кад' надува и састрагъ отвори себи преко рамена двѣ велике трубе, и многе и разногласне нѣке пискове, кое све то у самомъ сребру и злату баше оковано, пакъ поче свирати, такавъ

концертъ онъ самъ учини, да се чмсто носе сваткомъ на глави подиже, и да бы ко, кой га не бы гледао, помыслио, и за животь се ставіо, да нѣтъ. 12. ту свираю. Изъ удивленья сва Господа ту му садъ гайде нѣгове прегледау, но како в то учинѣно, дознати не моглоше.

Сутраданъ одавдѣ Любомира и Светозара Митрополитъ и сва Господа до бѣла брда испрате, и ту и два гарнизона дочекаю. Съ Господомъ се ту льбо излюбѣ и опросте, и съ войницима весели тай данъ съ мракомъ у Дворъ приспѣду. Хвала Богу! рекне Старый, ступивши у Дворъ, и то, вели, свршисмо. Садъ пошлье Светозара, те съ Чиновницы ова два Гарнизона, коя ветъ ту и застаю, одведе у касарне, и саедини и съ бывшимъ Гарнизonomъ, надъ коима садъ Старый постави Новака за Комманданга. Светозаръ, наредивши све войнике у квартире, обдари свакога одъ нѣи богато, и да имъ съ дозволеньемъ Отца нѣколико акова вина изъ Двора однети, а Чиновнике позове све са собомъ на вечеру.

Садъ Старый Господинъ, примивши надъ овымъ Княжествомъ власть, коя му се пуномощномъ Грамматомъ и Народа изборомъ савршенно потврди, съ новомъ нѣкомъ ревностью почне о свеобштемъ добру промышлявати. Онъ радъ бѣше крозь цѣлу землю путь садъ предузети, сва села и градове видѣти, народъ, кога жребіе у свое старе руке прими, као свою собствену фамилію посѣтити, своимъ долазкомъ ублажити, и цѣло ово политичко и цивилно тѣло, као искусный медикъ, прегледати и испытати, шта коіой части оскудѣва? у чему немощствуе? и на што се ко тужи? да бы му одатле и сходна средства ко исцѣленью нѣеговомъ и къ повратку у прежње здравлье нѣегово изнати и изумѣвати могао; онъ, велимъ, ово намѣриваше, али га одъ намѣренья нѣеговогъ задржаваше рѣчь Цара, да тѣе му скоро доты. Зато сада само доматимъ дѣлма станесе забавляти.

Онъ еданъ данъ стояше при цркви, коя му

се на вратъ на носъ, штоно рѣчь, зидаше, ето ти му се донесу нове, одъ чисто бѣла мермера штатуе, ков е онъ у Подгорици (граду преко Бояне) нѣкимъ Италианцима наручио быо да му направе. И великій будутъи любитель древностейъ подѣе съ людма и самъ у дивльйи вертѣ — у коме и еданъ обелискъ своѣмъ цару Душану подигао бѣше — и стане ту наредѣвати, и самъ помажутъи, гдѣ тѣе му се коя штатуа поставити. Радетъи тако до саме нотъи уморисе, и текъ што се онъ, сунцу ветъ на за'одъ, съ Исидоромъ и Светозаромъ на травно едно канапе спусти, да се одмори; ал' ето ти му Чедомила съ матеромъ, Драгиньомъ и прочима. Отацъ! Издалека Юшт' весели повичу, Бсте ли ради госту? Докле видимъ, смѣшетъисе рекне Старый, съ чимъ ми е? и съ каквымъ е гласомъ дошао? На то му се юноша маши къ руци, кой и одъ нѣега отеческо примивши цѣлованіе поцѣлуе се сад' и съ братомъ и са Исидоромъ, потомъ чѣстита Отцу и брату достоинства нѣюва, и пружи Отцу кнѣигу одъ истога прѣятеля, на кога е и препорученъ быо. Загледавшусе Староме у кнѣигу Светозаръ нѣшто на брата намигне. Старый, прочитавши кнѣигу, смутисе мало, погледи любопытнo на младитѣа и ништа му засад' ретъи не хтѣ, но стане га пытати, како е по Дубровнику? Допада ли му се? Е ли жаліо за кутъомъ? и проча, и изъ свега нѣеговогъ на то одговаранья искуси нѣшто мудрый Отацъ, и примѣти у нѣему, да изгуби волю, вышше га натрагъ у Дубровникъ и шилати. Найпослѣ, рекне у себи, докле видимъ, како тѣе быти? и е ли истина, што ми се о нѣему пише? Погрѣшка истина нѣегова Юшт' никаква не бѣше, но малый нѣкій поводъ къ таквой данъ быти видяшесе.

Подѣу дакле сад' лагано у разговорѣ дома, и текъ што они предѣ Дворъ додѣу, и Старый ту съ прочима заустависе, гледетъи, како му се Светозаръ съ братомъ по зеленой туда трави вѣше и као дѣте трляше, смѣшетъисе рекне Косари: Ето ти, вели, майкина Войводе! Гдѣ тѣешъ ты, придо-

да, оно младо пре времена зрѣлымъ учинити? кад природа иште свое, — ал' ето ти имъ исподъ оглавка никоше два мужа на коньѣ, кои крозь аллее управо къ Двору упутилисе бяу. Какви су намъ ово? рекне Косара. То сунѣки странни, одговори Старый, гледетьи на нѣи. На то изидьу имъ Косма съ Бурямомъ и Монъ Ами. И будутьи вечерный сумрачакъ, странне познати не могоше, докле имъ се годъ ови сасвимъ не приближе, и съ „добро и' вече“ не поздраве. Ахъ! Ё л' могутъе? у радостномъ усхитьенью повиче сад' Старый, и сви трепетно странне окруже. Одкуд' тако за волю Божію? повтори Господинъ, и страннога, кой ништа проговорити не могоше, любезно загрљи. Аристиде! добрый мой Аристиде! Тако изненада! и тако внезапно! Као да намъ съ неба спадосте! Харитоне! Старино мой! полюбившисе и съ нѣимъ, Юшт' си ми живъ! О любезни намъ гости! Ко се игда Вама надао! О великій Боже! погледавши на небо возопи Аристидъ, благодаримъ на милости твојой, да я нѣи опеть' видимъ, опеть и' загрљимъ! То рекне, опеть Старога загрљи, и главу му на прси наслонивши одъ радости плакаше. Потомъ окренувшисе къ Косми и прочыма! Космо! Любезный мой! цѣлуютъисе съ нѣимъ, — Светозаре! милый мой! Чедомилю! Сладко дѣте мое! — любетьи и' — я Васъ опеть видимъ, опеть, Ангѣли мои мили! Но кога одъ Васъ предъе да загрљимъ? Кога предъе къ прсима да приключимъ? Срѣце в мое свима Вама отворено, све Васъ на еданпутъ любви, на еданпутъ све Васъ поздравля. Сатимъ полюби Косари руку, и она се съ нѣиме полюби: Но! Хвала Богу! говоретьи, те се видѣсмо! О Боже! бришутьи Аристидъ сузе свое: Хвала! и по тысутъу путій хвала буди Богу! те Васъ здраве — а гдѣ в Драгиня? Текъ што онъ запыта, ето ти му Драгинье! коя е по Милиссу одтрчала была. Онъ съ разширеннымъ рукама потрчи имъ: Драгиня: Голубице моя мила! любезно пригрљивши е повиче, — Милисса моя сладка! О колико в срѣтъанъ! Колико в знаме-

нить овай данъ за мене! А гдѣ намъ е Старый? Ё ли живъ? Умр'о намъ е! Умр'о! Богъ да му душу прости! На то ето ти имъ и Еудокіе съ малымъ Светоликомъ, кога сад' Арістидъ, полюбившисе и са Старомъ, дигне на руке свое, и сердечно излюбил га.

Сатимъ сад' подь у Дворъ. Светозаръ и Чедомиль, радостни, поредь ньи, то къ Арістиду, то къ Харітону воденичару притрчава'у, и не знадя'у сад', шта тье и' пре запытати? О люди Божіи! рекне Старый, миліе ми е заиста, што се видѣсмо, нежели да ме е ко свега данасъ златомъ оба-суо! Деветый данъ ветъ, Господине! како идемо. Изъ Лариссе? Изъ Лариссе, Господине!

Слуге имъ на то приступе и прииме имъ конье. Они, ушавши сад' у Дворъ, зачудесе дивнымъ зданіями и великолѣпію Двора. Ево видишь, мой Арістиде, рекне Старый, гдѣ насъ Богъ сподоби! Ово е све, што видите, Божіе, пакъ мое, съ моёмъ фаміліомъ, одъ кое ни Васъ, ако хотьете, не исключавамъ. Право! Но иматьемо разговоръ! Ниедна вѣро Грчка — шалетьсе, — точно те укеба, кад' валя: — но не пытамъ, есте ли приимили нашъ поздравъ? Да како: Одъ оны' торговаца! И да намъ они не казаше, одосмо Вамъ чакъ у Сербію!

Узпевшимъ имъ се тако узъ степене Косма узме Арістиду (као бывшегъ свогъ майстора у молераю) исподъ руке, и изъ себе у собу поведе га, и показиваше му скупощинне ствари и нѣке свое молерае. Онъ зовне и Воденичара; но овай: Хотъу да! каже, волемъ се я съ моимъ Господиномъ разговарати. Остави га Космо, рекне Арістидъ, ты знашь, да онъ за лѣпе ствари нема чувства; нѣму да е само воденица. Хмъ! Лѣпо момче! возрази Стараць, — а одкуд' хлѣбъ доставшь? Господинъ се насмѣе: Богъ Васъ, вели, видіо! Шта га сте ме путій насмѣяли съ Вашимъ надкачиваньемъ!

Монъ Ами и Бурямъ запытаю сад' Косару, ко су имъ ови! На кое она каже за Арістиду, да

є живописаць, и къ томе паметанъ и любведо-
стоянъ мужь, блага ердца човѣкъ, као да ни жу-
чи у себи нема, и нашъ, вели, добаръ пріятедь,—
Косма є при нѣму и живописство учіо: а Ста-
раць є, вели, было истина само нашъ воденичаръ,
но мы и нѣга, придода, изъ нѣкогъ важногъ уз-
рока почитуємо такодѣ и любимо, као нашегъ
пріятедь, нимало на то несматраютьи, што є онъ
прость сиромѣ.

При вечери садъ медьу прочимъ разговоромъ
преповѣде ова два любезна госта Старомъ Госпо-
дину, како су имъ се обоици жене преставиле, и да
є сынъ воденичаровъ у войну отишао: како су
они сва она своя польска добра за лѣпе новце
Платону и Пелопіди, фабрикантима, продали, у
Ларіссу се были преселили, тамо себи заєдно в-
данъ домъ купили, и Арістідъ опетъ наново свой
занатъ почео было радити, а Харітона фарбу му
трти было научіо, те му є у томъ помагао. Потомъ
кажу, како є ту было великій оганъ, како су погор-
рѣли, у очаяніє пали, и найпослѣ, како су се бы-
ли договорили, да предьбу у Сербію, и да имъ до-
дбу у Саввине. Кое Старый съ прочима саслу-
шавши: Знате ли, вели, шта? Кадъ садъ и тако,
као што кажете, немате тамо никога, я не знамъ,
приложи, зашто бы сте се Вы одавдѣ у отече-
ство и вратѣали? Останите кодъ насъ! Я самъ и
такое, настави, ово дана' хтѣо Косму у Венецію
по живописце шилати, да намъ цркву, коя тѣе
ето и до мѣсець дана' быти готова, молую. А не
само то, но я самъ у намѣренью, и многе у наши'
сели' цркве у молераю обновити. Тако, ако — О
Господине! повиче Арістідъ, нечекаютьи Старога
ни да изговори, — само, вели, дайте Вы' нама по-
сла, па не старайтесе. Ево, придода, Стараць ми
ветъ зна єино шаръ правити, трти, и као што
треба мѣшати; а я тѣу ваяти. Старый, видетьи,
како га Воденичаръ попреко погледа: А хотѣе
ли, вели, то нашъ Старина чинити? Не пыта онъ
то, Господине, рекне Воденичаръ, него располаже
мноме, као да ме є пустый за новце купіо! — Е!

А да шта тѣешь? А ты бляше научити занать море, као и я! Айдъ съ Богомъ! Ако тѣешь на то; я и два заната знамъ, кои су заиста и нуждни одъ твога. — Хмъ! Боже мой! Што ти е воденичаръ! Хмъ! Боже мой! Што ми е молеръ? Какавъ дакле знашь другій занать? Знамъ овце чувати, вуну стрити, коѣомъ се свѣтъ одѣва, млеко мушти, сиръ и масло правити, кое людма море на препитаніе служи, и ово су све онаке ствари, ако тѣешь ты да знашь, безъ кой' быти не можемо. Хмъ! Благо теби! А што не рече Јошт', да и фарбу знашь правити? На часть ти! Водемъ я мов прсте по сладкой по млеку павлаки мрляти, него по твои' сирдљивы' фарба'. Нуддеръ ты, Старино мой, приложи Господинъ, послушай ты мене, да я теби нѣшто друго кажемъ, у чему тѣешь ты прсте твое мрляти. Да чуемъ! Господине! Знашь ли ты што около кошница' и пчела'? Я самъ скоро купю овдѣ еданъ прекрасанъ пчелнякъ, и потребуемъ човѣка у нѣму. Ты тѣешь само настојавати; а што се раднѣ на свое време тиче, я тѣу имати людій; (на то Аристидъ Светозару лагано: Сад' тѣе онъ казати, да и то зна) Притомъ, настави Старый, ако што не будешь ни знао, нѣ велико художество, могу ти и я што казати, само ако имашъ на то волю! О зашто не? Господине! Хотѣу я заиста! И Вы тѣете видѣти, да се я и у пчела' разумѣвамъ. Но! Ђсамъ казао? возрази Аристидъ. Онъ све зна! Онъ се у свему разумѣ. Сад'! Найпре е быо чобанинъ, постаде затимъ воденичаромъ, научи трти фарбу, сад' хотѣе да буде и пчеларъ! Кой тѣе бѣсъ далъ одъ тебе быти? А да! Као ты? Гдѣ скочио, ту и остао, — иконописаць до смрти! Оно е море човѣкъ, кой се на сваку руку окренути зна; а не као ты съ твоѣомъ ономъ пераичицомъ само по табли знати мазати, пакъ живописаць! Какавъ живописаць? Мазало си ты, а не живописаць.

Старый съ прочима при трапези смѣютсяе намигне нѣшто на Светозара. Младить се сѣти, и истрчавши на алтанъ: Мосіе Бруно! повиче,

Мосіе Бруно! Какъ Вамъ е опетъ тай? упыта Арістідъ. Вы, вели. Господине, саме нѣке Французе сад' имате. Та имамо нѣкогъ Господина, — као немарљиво одговори Любомиръ — кой ту сѣди, па говоріо тамо дѣци, да се радъ дати измалати. Тако велимъ да га видишь найпре, хотьешъ ли га мотъи погодити? Зашто има и фیزیогноміа' свакояки'. Имате право, Господине, и нів лагко свакога погодити; но я о томе не сумнямъ, — само дайте ми, молимъ, парче пергамента и мало црвене крете, да како га видимъ, одма онако Юшт' моим' очима нове черте съ лица његовогъ мало уграбимъ, па тье потомъ лагко итьи. Донесу му дакле таки што заиска, и у себи напрегнузе смѣяти, да се едва задржава'у, каква тье га сад' страва скопасти, докъ види, кога тье да абриссуе. На то ето ти имъ лава! Као юнацъ! Ниспустио рутаву свою грыву, коя га до шоо ледъя' покрываше и закрвавіо очима, рекао бы, ватра тье изъ нѣи' сѣвнути. И у истый маъ Господинъ Арістіда бѣше мало заговоріо, да не смотри ово чудовиште, докле му се сасвимъ не приближи. Лавъ по наговѣштенью Светозара приступи къ самой трапези и Арістиду съ ребара стане. Ево намъ, рекне Старый, тога Господина! Арістідъ, као човѣкъ нѣжна чувства. тргне, и скорів му полети на уста рѣчь: Сервітеръ мос — не може изретьи — нежели што бѣга видѣо: а кад' га види: Кіріе имонъ! дрекнувши падне на Господина, и да могаше, у тай бы му паръ у нѣдра побѣгао. Цѣлый асталъ сад' одъ смѣя загрми, гледетьи на њега, како ти намъ се уклупчіо и ущецртльіо бѣше. А ха! повиче сад' Воденичаръ, дед' га сад' малай, ако смѣшь: но есть! Смирласе рука! Светозаръ на то лаву нѣшто рекне, на кое овай ти намъ се тако страшно продере, да кукавный Арістідъ мал' не свиште одъ стра'а.

Старый дакле ова два своя любезна пріятеля, кои му се одъ много година' съ фаміліомъ његовомъ чисто сродили бѣ'у, вышше одъ себе и не

одпусти. Онъ Арістиду одма даде посла и у своѣмъ Двору доволно, а Воденичара одведе у Пчелнякъ, и вручи му кошнице съ цѣлымъ вертомъ онымъ и челядма, коя у нѣму дѣлау, подъ надзираніе.

Бданъ данъ нашъ Светозаръ, комъ се долазкомъ ове двоице изъ Елісіума возобнове сад' идее о свима у ономъ романтичкомъ мѣсту предметима, опоменесе и любезне свое *Агапіа*, и према му срдце къ овой дѣвици мила нѣгова Драгиня сасвимъ затворила бяше, нити онъ икаквой другою на свѣту вышше наклоности у нѣму осѣтъаше, нежели къ Драгинѣ: ничимъ манѣе онъ, опоминутьесе, колико е нѣга и Агапіа у првомъ цвѣту своѣмъ силно возлюбила была, да се завѣштала, ни за кога се вышше и не удавати, кад' се нѣга лишава, не мало сожаловаше о жребію нѣеномъ, и зажели, о нѣой сад' што извѣститесе. Изъ два' пакъ узрока онъ се устручаваше доникле Арістиду о томъ запытати, едно, да не чув, да се она ветъ у црно обукла, као што му е казала, да тѣе то учинити; кое бы га заиста смутило, да е онъ узрокъ томе быо; а друго, да не осѣти то Драгиня, кою бы то пытанье оскорбити могло, ерѣ бы помыслити могла, да нѣгово срдце гошт' при Агапіи стои, кад' тако о нѣой любопытствуе.

Найпослѣ, поуздасе у Арістиду, да тѣе онъ ово у тайности сохранити, удѣе му у собу, у коюй онъ са два Італіанца пословаше, и запыта га за фамилію Платонову. На кое овай каже му, да се старія дѣти нѣгова Агра удала за едногъ младогъ и врло лѣпогъ юношу, кой е Агапію одъ родителя' нѣены' быо поискао, но она нѣ хтѣла за нѣга потѣи. Онъ е, приложи Арістидъ, такодѣ сынъ нѣкогъ фабриканта, и заостане съ нѣомъ у дому и трговини нѣены' родителя'.

А како Агапіа? запыта юноша, шта е съ нѣоме? Она е отишла, рекне Арістидъ, у онай истый дѣвичкій монастырь, у комъ е, вели, твоя Мамица была, и постала е Ду'овномъ.

Младитѣу сад' ово весма жао буде. Онъ обо-

ривши очи свое къ земљи потъути, и ударе му сузе. Онъ у себи и признаваше, да кад' се не бы онако случайно догодило было, да у исто време, кад' се онъ съ Агапіомъ познао бы, Драгиня ту буде, остао бы было навѣкъ при Агапіи, — толико в силно прва любовь у чистомъ Гошт' и юношескомъ срдцу нъеговомъ дѣйствовала, нити бы нъему добрый нъеговъ Отаць забраніо бы, ню себи за супругу узети, кое су нъени родители ед-ва и чекали. Али текъ што нъегово младо срдце къ овой дѣвици отворисе, ето ти му Драгинье у истый вертъ, гдѣ в онъ Агапію мыслио натѣи, и ова сад' красна волшебница изидныма своима прелестима испуни га на еданпутъ и побѣди младу Гошт' онако къ првой нъегову любовь. Можно, да се промысломъ овако сбыти морало, будущи видисе, да в судба овдѣ срѣтъу, како в коя заслужила, на свомъ мѣрилу праведно и лѣпо измѣрити знала. Агапіа в иначе была дѣвица, такодѣе любведостойна, но сгнуси овомъ благовоспитанномъ юноши све свое лѣпе даре тимъ, што му се покаже горда, и што онако немилостиво поступи са смиренномъ Θεодоромъ.

Онъ сад' изидѣ одъ Аристіда, срѣтне у ходнику Матерь съ Драгиньомъ и прочима дѣвицама, у чисто бѣло обученныма. О! О! вели, куд' сте Вы, Мамице, тако наумиле? Нис ли Гошт' врутѣна? Айде, рекну му оне, и ты съ нама у великій вертъ, тамо намъ е и Старый, чека насъ на лимонаду. На то ето ти имъ изидѣ и Милисса: А! право! вели, дакле тѣе и братаць съ нама! На служби! Милостиве Господѣе, одговори юноша, но тако, вели, ако ме молитѣ. Зашто не? Као Войводу морамо и молити, кад' самъ нетѣе. Но што нисте Гошт' по кое перо за те шешире задѣле? Сатимъ узме Драгиню подѣ руку, и ступивши у вертъ савіе другомъ стазицомъ одѣ прочи? — Онъ сад' стрпिति не може, да Гои не каже, шта в одѣ Аристіда чуо, да се сирѣчь Агра уда-ла, но сирота Агапіа Гошт' нис, но не хтяше Гои казати, да се закалугѣрила. Онъ поведе овдѣ и

дале о нѣма разговоръ; али нараженъя нѣго-ва покажу му се одъ срѣца, умилѣннымъ нѣлимъ чувствомъ пораженногъ. Ово учини садъ дѣвицу на нѣга внимателномъ; зашто испредъ быстрогъ любви ока тежко се што сакрыти може. И будутьи да свана любовь, колико е чистія, и колико е, особито у младомъ срѣцу, чувствителнія, толико она ветѣма подозрѣва, и толико скоріе за свакій, и найманій поводъ, къ свомъ уштрбу поданъ, уплашисе и оскорби, и тимъ вышше путій она се — таква любовь — о свомъ предмету и превари, као што намъ се садъ и наша Драгиня о Светозару, кога найнѣжнѣе любляше, превари. Она садъ скрушисе на срѣцу, повуче своѣ лѣпе очя на нѣга и необычно уздане. Юноша правогъ томе узрока не примѣти, па да їой таку мысао изъ главе избіе, и да е, увѣривши е наново о своїой непремѣнной къ нѣой любви, утѣши, — но помысли, да она само о худой Агапїе срѣтъи саболѣзнуе, и да себе, ако се она заоста не уда, за виновницу признаютьи, тежко їой пада.

И тако она младитьу о томе ништа неговоретьи заостане садъ у той мысли, да онъ зацѣло Агапїю у срѣцу свомъ носи, и да она нетѣе нигда кадра быти, нѣему ню изъ нѣга искоренити. Она не сумняше истина, да онъ и ню найсердечнѣе любя, али, рекне у себи, тимъ горе за нѣга сирмаа, врь єднимъ срѣцемъ двѣ любетьи, иматье свагда неспокойно у нѣему волнованье, а ово тѣе, вели, мени у срѣцу момъ свакій данъ скорбь причинявати. Но кадъ бы хтѣо, продужи у себи, я бы му паче Агапїи мѣсто уступила, и лагше бы ми было, да сама себе туги моїой подвргнемъ, и нѣему навѣкъ као сестра останемъ, него да нѣему супруга будемъ, у коїой онъ савршенне своѣ срѣтъе натїи не бы могао.

Овако идутьимъ имъ она забринута честито и не слушаше, шта онъ нѣой говораше. Окренувшымъ имъ се стазицомъ садъ къ дружеству Старый отаць съ умилѣньемъ глѣдетїи на нѣи: Како намъ се, вели, Косара! любезно наше прво весе-

лье лѣпо шета! Дедте Вы, Отаць, приложи она съ Косномъ, гледайте, да мы нѣйма у сватови' поиграмо! На зашто не, одговори Старый, дорастли су намъ, вели, Богу хвала, и обоє, — то веть быти може. Сатимъ и они имъ додѣу, и дѣвица посадисе поредъ матере. Юноша машисе за едну грану, съ кое узбере нѣколико лѣпы' крушака' и понуди е. Потомъ окренесе и къ прочымъ и почнесе ту весело шалити. На кое имъ додѣе и Бурямъ, кой имъ стане нѣшто преповѣдати о новомъ Пчелару, како е три млада роя, коя су му наеданпутъ была излетѣла, съ кошницомъ одъ едногъ къ другомъ трчетъи съ дрва' смамльивао, и матицу имъ у кошницу звао. Я се, вели, съ Аристидомъ бя' у траву склоню, па гледимо, како га Баба Пола учи, да трчи съ кошницомъ и виче: *Сѣди майко, сѣдо' я; Ту ти кутъа; ту ти домъ! Не у шуму! зла ти кобъ!* Онъ тако почне говорити, и трчетъи преко верта съ дигнутомъ главомъ горѣ не смотри предъ собомъ яме, у корову обрастле, у кою ти намъ онъ сад' пуфъ! съ кошницомъ заедно. И будутъи са засукаты рукавы, опале га коприве по голы' руку' тако, да не остане ни матица, ни рой, ни кукавна Баба Пола одъ псовке нѣгове. Иди, вели, одсад'! Дѣвао да Васъ носи, и съ Бабомъ заедно! А кад' чу и насъ, да му се у трави смѣмо, счепа ти онако срдитъ кошницу, пакъ хипъ съ нѣоме на Аристѣда!

Буряму ово казуютъу насмѣюсе сви, но Светозару тако то смѣшно падне, да се чисто подбочи. Драгиня, на нѣега гледетъи, осмѣнесе и сама, — но не тако одъ срдца. Мати сад' ово узме мало на умъ, и као искусна жена осѣти, да се ова дѣвица не находи у природномъ своемъ расположенью. Да позоръ на ню болье, и позна, да она има нѣшто на срдцу. Другий данъ зовне ена само, и запыта е, зашто е невесела? Она сад' изговорисе, да е глава боле, и нѣе їой добро. Косара, коя е весма любляше, мало смутисе, и поиште средства, да їой се помогне. Светозаръ, кад' то чу, утрчи їой у материну собу. Добро, те си

дошао, рение му мати, сѣди, вели, мало кодъ нѣе, докь Ёй я нѣшто дохесемъ; да Ёй главу привиемо, и бытѣе Ёй тани болье. Сатимъ изидѣе, и по-дуго изостане, нѣшто праветѣи; да Ёй на главу метне. Онъ, смутьенъ, сѣдетѣи на канапету поредъ нѣе, погледи на ню, и нѣжно осмѣнувшусе на ню ударе му сузе. На то она бризно плакати и падне му на прси: Светозаре! Сладкѣи мой Светозаре! Можно, да се я и — не хтѣ изретѣи. Но! Драгиня! Шта е теби? Ты одъ мене нѣшто танишь! То нѣе досад' одъ тебе было! О любезна моя! Ахъ! Светозаре мой! Но оставимо засад', дотытѣе намъ Мамица, — сутра тѣу ти нѣшто казати. Жао ме е, — о како ме е жао! што Мамицу, — при овой рѣчи ето ти имъ Матере, коя е, при врати' поуоставившисе, нѣшто рѣчѣи нѣювы' а саслушала, но чинетѣисе сад' свему и нѣвѣшта: Дѣте мое любезно! рекне Ёй, дед' да ти Мамица привеже главу; а ты айде иди у твою собу. Юноша изидѣе, а она, повезавши Ёй главу, одведе е къ прочымъ дѣвицама, мыслетѣи у себи, ово мора друго нѣшто быти, — но не треба ми 'итити.

Та е ноть Светозару неспонойна была. Онъ едва дочека, обучесе и по'ити къ Матери у собу. Запыта на врати', е л' му мати устала? и каже му служавка, да може итѣи унутра. Ушавши унутра поздрави матеръ съ „Добро ютро!“ и любетѣи Ёй руку погледи на Драгиню, коя Ёшт' у постельи спаваше. Како Ёй е, Мамице? упыта, е л' могла спавати? Спавала е доста добро, одговори мати, но и будиласе, вели, двапутъ, и каже ми, да осѣтѣа себе болье. Но оставимо е, придода, нек' намъ се изспава. Ево тѣе Милица сѣдѣи кодъ нѣе, а мы айдемо, имамъ ти и тако нѣшто говорити. Сатимъ изидѣу.

Но текъ што они овако оду, Драгиня, коя се само чинила была да спава, скочи и обучесе и по'ити за нѣима у вертѣ, но тако, да е мати и младѣи не виде, но да имъ се лагано прикраде и чув, шта тѣе сад' мати сыну говорити, и будутѣи да се сад' мати съ младѣима, кои ту вертѣ зали-

ва'у, мало позабави, и съ младитьемъ говорити Юпит' не бѣше почела, то се да прилика дѣвици, крозь едно аллее приступити къ самому мѣсту, гдѣ тѣе они сѣсти подѣ едномъ зеленолиственномъ сѣнью, да и' састрагъ заклоњена точно саслушати могаше. Она е истина по благонаравію своѣмъ ово за непристойно држала, нит' е игда до тада овако што притворно чинила: ал' сад' себе побѣдити не може. Склонисе дакле ту за зелено и густо листьѣе и чека и'. Ето ти Юй матере, коя сѣдне ту на едно канапе и рекне юноши, да и онъ себи до нѣе мѣсто узме. Она сад' смьсленно погледавши на нѣега: Светозаре, вели, дѣте мое, ово тѣе ветъ двѣ године быти, како мы Драгиню кодъ насъ имамо — не споминьемъ, што е предѣе мене было —. Любовь, како твоя къ нѣой, тако и нѣена къ теби, нама, сыне, нѣе непозната. Разумъ нѣенъ и благу наравъ, честность нѣену, цѣломудріе, срдце голубіе, и све проче нѣе добродѣтели, мы смо, дѣте мое, искусили, мы смо и' съ разсудьенъемъ измѣрили. Оне ню толико у очима, и мойма и Старога, уважаваю, да се срдце наше томъ, сыне, надеждомъ пита, да бы ты сыне съ нѣомъ задоволянъ и срѣтъанъ быти могао. И мы, кои ню не маньѣе любимо нежели и тебе, попечительно настоймо о томъ, и настоятьемо, да е такодѣе, као и тебе, и као наше собственно чедо, благополучномъ учинимо. Но гдѣ бы мы нѣой на свѣту болю прилику натѣи могли, нежели у теби? Гдѣ ли бы мы у непознатыма и за тебе болю и лѣпшу дѣвицу поискати знали? Зато, сыне мой любезный, мы смо се медѣу нама совѣщтали, и тврдо заключили, — но ако се и Васѣ двое къ томе добровольно согласите — да мы теби за супругу и любу твою никакву другу на свѣту не тражимо, него Драгиню. Чедо мое мило! Светозаре, сыне мой! Ово теби мати твоя говори! Мати, дѣте мое, коѣой и само Божество чрезъ сладку ону къ крови своѣой, и утробѣ своѣой, симпаеію и чувство дае, нѣшто познати, шта е за тебе добро, шта ли нѣе. При овьмъ рѣчма навод-

не їой се мало очи и она потьути. На ков младить: Мамице любезна! Я добро и не разумѣвамъ, куда се Ваше рѣчи клоне? И оно, што бы самъ и мыслію, то ми ово Ваше необычно расположе-нъе вѣровати не да. Зато изясните ми се, Мамице, шта е Ваша воля? Кой е узрокъ, да ме сада тако пытате? И шта Вы желите одъ мене? Ништа друго, сыне, пребацивши му руку преко рамена, рекне мати, ништа друго, него, да ты ову твою срѣтъу, на кою те е помотью Бога мудрый онай и благодѣтельный Стараць попео, Драгиньомъ, као лагровымъ вѣнцемъ украсишь, и нъомъ савршенномъ учинишь. То е, сыне, моя желя, желя и Старога и свію насъ. — О Мамице! Шта Вы говорите? Есамъ ли я игда себе томе противна показао? или баръ и найманый поводъ томе дао, да се Вы о мени што посумняти можете, да я Драгиню любимъ? Ниси, сыне, ты до данасъ повода намъ о твојой къ нъой любви дао, ниси! Но опетъ хотъу, да ты їошт' себе испыташь, и да намъ искрено исповѣдишь, да твоя къ нама сыновна любовь не крые у твоѣмъ младомъ срдцу потайно какву наклоность къ другой којой дѣвици? Немой, дѣте мое любезно, да ти се овай мой вопросъ веразумнымъ учини, нити да онъ тебе што смути, еръ я имамъ узрокъ, зашто те овако пытамъ, и твое е, мени управо и съ отвореннымъ срдцемъ одговорити, любишь ли ты тако нашу Драгиню, да ты ню драговољно изъ наше родительске руке себи за супругу примити желишь? О Мамице! Како Вы то — Стани, сыне, стани, да ти све кажемъ! еръ разговоръ овай нашъ опредѣлява судьбу Вашу, — зато тьу я теби на то и времена дати, да се промыслишь, и да мой вопросъ добро проразсудишь, па ми и послѣ нѣколко дана' на нъега одговоришь. Онъ се састои само у овой рѣчи: Любишь ли ты Драгиню? Али любишь ли е тако, да ни за какву другу на свѣту не маришь? Но у овомъ случаю ты срдцу твоѣмъ, а не нама да се повинуешь. У овомъ естество твое, а не мы заповѣдамо. Наше е, теби и у овомъ добре совѣте дати

а не на то те као сидомъ скланяти. Многи се родители у томъ и преваре: но мы нисмо ради. Любовь наша къ теби насъ предосторожне на свашта твори. Зато я тебе сад' не пытамъ овдѣ, аки бы я до данасъ юшт' не искусила твою къ ньой любовь. Я знамъ, да ты ню любишь, но знамъ и то, да ты юшт' управо и не разумѣвашь, шта тье то и ретьи: *любовь и любилъ*. Ты сад' само слѣдуешь у томе твоємъ несташномъ срдцу: но разумъ е нашъ нама свѣтилникъ, и мы пьимъ свако дѣло валя да испытамо, а не као неразумно дѣте, кое полети голыма рукама на красный цвѣтъ ружицу, негледаютьи, да е она оштрыма бодлыкама ограждена, и да тье окрвавити руку, ако не гледа, како тье е узбрати. Да е Драгиня лѣпа, у томъ се ты не варашь; да ню и качества душе и срдца ньеногъ найлюбведостойниомъ чине, и то си видю и у посведневномъ съ ньомъ саобраштаю искусити могао. Ниси ли ты, као тако младъ юшт', у ньой све то савршено познао, познали смо, сыне, мы, и мы смо то, као што ти и напредъ реко', искусили. Само юшт' едно остав намъ, о чему се я извѣстити желимъ, сирѣчь, осѣтъашь ли ты у твоємъ срдцу къ ньой такву симпатейску любовь, да бы си ты ню и самой царской дѣтери предпоставити могао? као што е и она овакву къ теби освѣдочила, кад' те е царскомъ сыну предпоставила. Зашто, Светозаре, дѣте мое мило, ово су у естеству нашемъ мудрацы искусили, да, гдѣ се кровь съ кровю не полудари, и гдѣ другъ къ другу оваку симпатейку нема, ондѣни найизредниа унутрашня качества нису свагда у станью, любовь тако утвердити, да е какви противни случаєви, кои намъ се догодити могу, не поколебаю, а юшт' манье споляшня красота лица и тѣла може то учинити, да любовь постоянна заостане и пребуде. И то знай, да свака она любовь, коя се само на споляшной красоти оснива, рѣдко може заостати, да се у срдцу временомъ не измѣни. Зашто, какогодъ што време юношескїй цвѣтъ и блистательность лица мало помало измѣни и у старость га приведе: тако и лю-

бовь она горетья промѣнсе и силу свою изгуби, ако нѣ и на душевнымъ даровима, и ктоне, као што реко', на правой симпатіи основана и утврдѣна. Но ово ты до данасъ не вѣруешь да си испытао; а време нашемъ съ Вама намѣренью настае. Да ты дакле ово испыташь, и мени, матери твоіой, саобштишь. Испытай, али разумно испытай ову стварь. Зашто многи' има, коима се чудимо, како тай и тай да свою, онако лѣпу, онако разумну и онако добру жену не люби, него е презире? а напротивъ другой се, коя оной ни чести-та служавка бити не може, на нѣкій начинъ лѣпи и радіе е има? О великій е овдѣ вопросъ, одкуд' то быва! но изъ овака правила изузимаюсе они, кои су — было мужко, или женско — чувства покварена, кои су раскошна живота, и кои су худымъ страстима оддани, — словомъ, кои своевольно на неваляство отдаюсе, а не што бы унутрашньої симпатіи оскудѣвали. Зато, велимъ, я самъ тебе овдѣ сад' мало внимателнымъ учинила, и даемъ ти времена, промыслитисе, и точно срдце свое испытати, хотѣ л' оно къ Вашемъ бракосочетанью саизвольти? И ако то буде, мы време вышше одлагати нетъемо, — врь самъ я и ючеръ съ Отцемъ о томъ бесѣду имала.

Мамице моя сладка! возрази юноша, кога срдце чувствованіяма ветъ отеготъено бѣше, што се тиче нашего сачетанья, то остае на Вама — одложите време, докле е Ваша воля, и докле вы за добро признаете: — но што се каса могъ срдца, да га я испытамъ, на то времена отнюдъ не потребуемо. Я чествуюемъ Ваше рѣчи и Ваша разсудбенія я признаемъ за паметна, али — Мамице! Мое е срдце сад' отеготъено! Оно се пріятныма чувствованіяма сад' преливати починѣе. Дозволите ми дакле, да я ова сад' овдѣ предъ Вама изліемъ, — дозволите ми, мила моя родительнице, да предъ Васъ клекнемъ, и отвореннымъ срдцемъ и пламеннымъ рѣчма у овомъ магновенью ока оно искажемъ, и оно предъ Вама и повѣдимъ, што ми на ньему лежи. Драгиня е моя! О моя сад' и во

вѣки моя остае! Судба е моя неизвѣстна, но я ню смртно любимъ, я самъ ню изъ царске руке истргао, я самъ за ню животь мой жертвовао, за ню у ватру и крозь шумъ силна оружія као слѣпъ трчао. Чиста моя любовь къ нъойзи мене е храбрила, мени посредъ непріятеля' путь отворала, мене оживлявала, и као на крыли' свои' мене она крозь ужасне случаеѣе пронесе и избави, — и то е све одономадъ было; она е све то видѣла; она то све зна! Шта ми дакле остае юшт', чимъ бы я мою къ нъой любовь больма засвѣдожити могао? Словомъ, Драгиня е една, коя мени на срдцу и у души моѣй лежи; она е една, коя срдце мое сладостью нѣкомъ напоява, срѣтѣу мою увеличава, животь мой мени сладкимъ и блаженнымъ твори. То Вамъ, Мамице, сынъ Вашъ исповѣда; то Вамъ Светозаръ Вашъ каже, кой Светозаромъ на вѣки остае. А она се о мени вара, — варатесе и Вы! Суза бы е ова заръ моя и увѣрила; но я тѣу е предъ нѣомъ поштедети. А ако самъ ючеръ предъ нѣомъ нѣколико рѣчій о Агапиѣ чувствително и изговорю, оно е было само по благости мое душе изъ сажальенья речено, а не да бы самъ я за Агапиомъ на срдцу удио, и ню Драгиньи предпочитовао. Зато ты нъой, сыне, не можешъ — Не, Мамице, знамъ, шта тѣете, — я нъой праштамъ; я нъой зато не замѣравамъ; я ню зато юшт' ветьма любимъ; — но тежко ми, Мамице, пада, што е може быти о любви моѣй довольно увѣрити нетѣу мотѣи.

На ову рѣчь сад' дѣвица, коя све ово слушаютьи чистыма сузама зелено оно листьѣе орошаваше, не може вышше чувствама своимъ одолѣти, не можесе далье задржати. Она врисне и као муня къ юноши потрчи: Светозаре! Сладкѣй мой Светозаре! повиче: Доста! То рекне и падне му на прси. Доста, любезный мой! Ты си ме увѣрю! Но прости ми! Мамице сладка! Простите ми! Я момъ срдцу нисамъ могла одолѣти! Она и, тако пригрѣене, заплакавшисе и сама, любезно загрѣби, и погледавши на небо: О источниче, вели,

наше срѣтъе, буди имъ свидѣтель! Саслушай чувство матернѣе, и пошльи имъ благословъ твой! Светозаре! проговори опеть дѣвица, бришутьи сузе свое, прости ми! Мамице! Я се стыдимъ, Вама и у очи погледати! Ово нѣе пристойно было, што самъ я учинила! Но я не знамъ, Мамице, шта е мени и было, и каква е маленкостъ мене онолико уплашила! Ахъ! Какое самъ се я о ньему посумняти могла! Драгиня моя мила! загрльивши е юноша, я ты, вели, немамъ шта праштати, но напротивъ, приложи, радуемсе о овомъ случаю; кой ти е, може быти, овако изненада вышше мое сердце одкрыю, нежели што бы ти я то учиню. Добра мати, убрисавши садъ свое сузе, милостиво насмѣесе на нѣи, и загрльивши и едно и друго полюби и', и подьу у разговорю дома.

Косара послѣ нѣколико дана' насамо опомене Старога Господина, не бы л' ветъ време было, да ово двое мады' благослови, и да и' къ светомъ олтару приведу. На кое Старый, осмѣнувшисе, дигне рамены: Истина, вели, да су намъ и обое Юшт' мады, но мы, придода, нетьемо на то гледати, ерѣ разуманъ поступакъ вреда ни у томъ не наноси, — само, вели, чекамъ на Цара, а и отаць ти ништа не пише, не вѣруемъ, да намъ и онъ не намѣрава съ Царемъ дотѣи; зато одложимо Юшт' на кой данъ. Него Косара! придода, имамъ ти нѣшто за овогъ младьегъ казати. Сатимъ извади изъ джепа едно писмо, и да Юй га, да га прочита. Она доникле читаютѣи погледи на Старога и осмѣнесе. Зато, рекне Старый, нисамъ радъ вышше га тамо ни шилѣти. А есте л' ньему што о томъ споминяли? Есамъ га ономадъ мало прокушао; но пасче сѣтисе, порумени, пакъ обори очи къ земльи. — Хвала Богу, погрѣшка никаква нѣе, као што ми тай поштенный мужъ пише, но добро е, што ми явля. Ерѣ дѣте мадо, у найлѣпшемъ цвѣту садъ — ко зна, до чега бы стварь дошла! Но ништа се такво, Отаць, на ньему примѣтити не може! Хмъ! Малаый е само почетакъ быо; но можно е, приложи, да намъ е и судьено Коса-

ра! да се съ томъ фамиліомъ опрiятельнимо. Фамиліа е добра? О славна е то фамиліа! Красни су то люди! Само да дѣте буде добро! Она дакле вала да е тамо на науци? Не знамъ; но тако тѣе нѣшто быти. Писао самъ, да нимъ додѣу; но жао ме е, што не стави' и то, — али и не пристои; бытѣе време. Буди она каква была, не бы она као моя Драгиня!

Старый овай нашъ Ирой, кой о свакомъ напредку свои' мланды' унука' попечително настояваше, и кой сваку точку званія свога прилѣжно и благоохотно испунити свагда се' пашташе, заповѣди еданъ данъ, да му изидѣу два гарнизона войника' исподъ Двора на едну широку поляну, да и' онъ самъ съ унуци свои, поученья ради нѣовогъ, ту ежерцира. И тако послѣ поодне, кад' имъ ветъ мало залади, обучесе лѣпо са свои' мландити у свою войничку галлу, мету на себе оклопе, припашу свое свѣтло оружье, узму штитове, копля и проча, и съ Бурямомъ и нѣколико свои' слугу', такодѣе чинно обучены', подѣу на коньи' тамо.

Кад' тамо додѣу, застану войнике, у два реда на коньи' расположене, кои сви чисто обучени, и сваки за клобукомъ зеленомъ гранчицомъ накитѣени, на нѣи изгледа'у.

Чимъ и' Старый сад' по начину ондашнѣемъ ва нѣке части раздѣли, и съ нѣима маневре правити поведе, ал' ето ти имъ изъ Двора и Господѣа, гдѣ лѣпо обучене иду, и съ нѣима нѣка странава Господа. Светозаръ сад', пошто имъ се они приближе, позна свогъ дѣду Бучина. Радостанъ скочи съ коня и притрчи му. Но Старый, кой Гошт' ове на умъ не узимаше, съ мачемъ се на коню около войника' итро окретаще, докле му годъ Чедомиль не приступи, и не яви, ко е дошао. Светозаръ, цѣловавши се съ дѣдомъ са истомъ учтивостью поздрави любезно и друга лица, на коє ето ти имъ и Любомира, коме малый вѣтрить сребрне власи исподъ шлема колебаше, и бѣлу му браду по свѣтлымъ токама низъ прси расче-

шло бѣше. Хотѣ нашъ Старый! Хотѣ! смѣше-
 тьсе на нѣга рекне му Бучинъ. На мою душу,
 пріятелю, савіашъ пустой тога зеленка, као ка-
 канъ юноша! Да видишь, пріятелю, многоме гошт'
 и юноши я устуіо не бы! одговори Любомиръ, и
 скочи съ коня: Добро сте намъ дошли! цѣлуютъ-
 се съ нѣма редомъ поздрави и'. Драго ми е, ве-
 ле, извѣстившице ту и о странной троици; каже,
 како е онъ на таке госте тій дана' и изгледао, а
 нарочито за Васъ, вели, Брате, кажемъ одономадъ
 нашей Косари: Отаць ти намъ не пише; мал' да
 намъ нетѣ дотѣи. А знашь ли Брате, ко тѣ ти
 гошт' дотѣи? Ко? Е мы смо само предгече! Но!
 молимъ, да чуемъ! Светозаре сыско, айд' одпусти
 момке, другій тѣмо путь мы съ нѣма лекцію на-
 шу продужити. Стани сыне! повиче Бучинъ, не од-
 пуштай момке! Царъ? Онъ! одговори Вістіаръ!, и до-
 тѣи тѣе намъ до кой часъ; но дайте, да се изидѣе
 предъ нѣга. А куд' тако? У Шкутаре! а одандѣ
 тѣмосе преко Венеціе вратити у Дубровникъ. Е ли
 и Младый съ нѣимъ? Ёсть и онъ, и гошт' нѣколи-
 ко съ нѣимъ! Югъ Богданъ безъ сумнѣе? Е! а иде
 ли онъ куда безъ нѣга? Путь е нашъ быо на Ник-
 шитѣе; но онъ не пожали труда, овуда ударити.
 Морамъ, вели. я могъ Старину видѣти. Благода-
 римъ, рекне Любомиръ, на царской нѣиной мило-
 сти! Сатимъ погледи на Косару. Наредьено е. од-
 говори она, Отаць, ветъ све, — тамо се ради.

Сад' овако у разговорѣ подьбу пѣшице къ
 Двору, и Светозаръ и' съ голымъ у руди мачемъ
 предъ момци напредъ, а братъ му острагъ, стиг-
 ну. Сад' Господо моя, рекне Любомиръ, Вы изво-
 лите съ доматъицомъ; а я, вели, идемъ съ момци,
 и съ нашомъ, брате, дѣцомъ предъ Цара. Добро,
 одговори Бучинъ, айдеце Вы, и мы тѣмо овдѣ на
 ово брдаше стаги и Васъ дочекати. Ёдва Любо-
 миръ съ два своя унука предъ войницы къ пото-
 ку се спусти, ето ти имъ Цара съ друге стране
 низъ брдо на высоки' коли', окружена одъ нѣко-
 лико одъ свои' вельможа' и еднимъ гарнизономъ.
 Здрави нѣи и млади момцы на лагки' свои' конь!',

и лѣпо обучени, царску свиту слѣдова'у. Старый нашъ Ирой, кой сад' свию войника' очи на себе обрати, мане мачемъ на свое момке, кои се одма у два реда разстуде, и царске спроводителье у среду узму. Стоетьи тако мимоходетьу Цару на коли' Любомиръ съ два своя унука и съ момци свои, испустивши смирено главу, постои. Царъ му са сыномъ изъ кола' рукомъ и веселымъ лицемъ знакъ свога съ тимъ задовольства покаже. Старый сад', пропративши и све царске войнике, мане опеть мачемъ на свое, и Новаку и' преда, а самъ младитьима воспослѣдуе свити царской. Дошавши тако до предъ Дворъ преда и царске войнике Буряму, да и' води у касарне, а онъ съ унуды скочи съ коня и притрчи къ царскимъ колма, скине са свое бѣле главе шлемъ, и Цара и Краля младогъ Уроша съ найдубльимъ поклономъ поздравивши привати и' самъ изъ кола' на землю. Пурпурна на Цару одежда, одъ свилене вуне тканна, и свуда златомъ провезена, засѣни чисто свима очи. Звѣзда съ великимъ драгимъ каменомъ съ ньеговы' царски' прсію свѣтозарне просипаше одъ себе луче. Старино мой добрый! рекне великодушный Монархъ Любомиру, полюбившисе съ ньиме, вси ли ми живъ? На служби, Ваше Величество! одговори весео Стараць, живъ самъ, вели, и духъ ми се Вашимъ пришествіемъ сад' чисто наново оживлява. Млади Соколовичи сад' съ приклоньенымъ къ земли колѣномъ учине Цару компліментъ, и цѣлую му skutъ порѣре, на кое благодушный Монархъ окренесе, и любезно и' пригрльивши пружи имъ руку, да в полюбе. Любезне, вели, гранчице, хотьу ли я, или баръ сынъ мой у Вама вторе Любомире доживити? Ова ньегова царска рѣчь испѣди радостну сузу нашемъ Старомъ изъ очію, кою убрисавши загрльи Младого, и съ отеческимъ полюбцемъ поздрави га. На то приступе му Богданъ и Мирко Войвода и прочи нѣни, кои найпре са Старымъ полюбесе, а потомъ и съ младитьима Цѣлый се сад' Дворъ испуни радостнымъ шумомъ. Монархъ дивнымъ своимъ и высокимъ стасомъ све ту око' себе надвишаваше. Нье-

говъ оштрый, но притомъ и любовный поглядъ изъ нъеговы' велики' и царски' очію сад' као муня све у трепеть приводъаше, сад' изъ нъега нъко умиленья, као пролѣтнѣе сунце свима сердце оживляваше. На лицу нъеговомъ, на комѣ дарови свію Грація' прелива'усе, рѣдкій и умѣренный смѣй нъеговъ све у радостный восторгъ подизаше. Онъ се паче свію съ Любомиромъ найрадїе разговараше, и сви бы нестрпѣливо изъ уста' Любомировы' на какву нибудь царску рѣчь одговоръ чекали. Сви ту подражава'у и благородномъ примѣру Старца, како онъ, колико му се Царъ любезнїе показиваше, толико се онъ спрам' нъега ветьма благоображаваше, и ветьма га понизностью своіомъ обожаваше. И то све честный и мудрый овай Стараць особитымъ нѣкимъ, и свима, кон ту бя'у, любезнымъ начиномъ чиняше, безъ притворности, чистосердечно, — не раболѣпно, но слободно и великодушно.

Но! како є? любезный мой Соколович! запыта га опеть Монархъ, ступившымъ имъ у собе, есте ли се веть добро намѣстили? И есте ли ми задовольни? На кое Старый, наслонивши руку себи на прси, поклонисе: Ваше Величество! рекне, ко и не бы овакимъ благомъ задовольнѣ быо? Ко ли бы нгда? и чимъ бы знао, за такву милость Вашу царску довольно возблагодарити, кою Вы на мене, немотьногъ веть старца, тако богато изливате. На то га Царъ стисне за руку: А како дѣца? Како Косма? Моя Косара? Слушаю ли Васъ? Мораю, Ваше Величество, о мораю да ме слушаю и добри да буду! Е! Хвала Богу! приложи Царъ, видимъ, вели, да Вамъ є све лѣпо оправљено. Све лѣпо, и све красно, Ваше Величество! Само признаемъ себе много обвезана, и вая ми трудитисе съ моіомъ фаміліомъ, Ваше Высоче царске милости достойнымъ се учинити; — но старъ самъ, придода, скратує ми се време. Е! Ништа! одговори Монархъ, колико можешъ, — само, вели, гледай, да ми у овы' твои' унуци' по смрти твоіой тебе оставишь, пакъ ти вышше не

захтѣвамъ! О Ваше Величество! а ко бы се томе ветъма радовати могао, нежели я? И кой добрый отаць не жели, да му сынови Гошт' и больи буду?

Овако у разговору ступе къ великой сали, на коюй двокрылна отворе имъ се врата. Косара, Аристидъ, Монъ Ами, Милисса, Драгиня, Бурямъ, Стара Егдохія са Светоликомъ, Косма и нѣколико дѣвица' одъ отмѣнны' служавкѣй, — све то льпо и чинно обучено, сад' Цара са найдубльимъ почитаниємъ и трепетъутьомъ любовлю поздрави, коима благій Монархъ умилнымъ погледомъ и смѣютымсе лицемъ захваливши съ Косаромъ се полюби, коя сад' съ нѣга и порѣфу прѣими. Ё л' ово Косара, рекне Царъ за Драгиню, она моя несудьена сна'а? На кою рѣчь дѣвица, закрасивши се у лицу, приступи му къ руци: То в, Ваше Величество, одговори Косара. Царъ в рукомъ милуютъи по гладки' нѣны' образи', и погледавши на Светозара, кой съ младымъ кралемъ исподъ руке преко соба' ходъаше: Любомире! вели, море я се на тебе ветъ за ову дѣцу и срдимъ! Немойте, Ваше Величество, одговори радостанъ Стараць, я самъ, приложи, ову благодать све и желю, да ми сирѣчь Вы съ младымъ и съ моимъ Братомъ (за Бучина), кой равно са мною и участив у томе има, присутствіемъ Вашимъ ово мое прво веселье увеличате, па Гошт' како самъ, вели, сад' срътъанъ! да тѣу и вышше племениты' лица' момъ сыну усватови' имати. Е! добро Старино! Мы смо ево дошли! Томе се я и радуемъ, придода Любомиръ, сад', Ваше в заповѣдати, а мое в слушати. Ей мой Старино! удараютъи га Монархъ рукомъ по рамену, камо намъ сад' момче оно време, кад' ти се оно съ Бугары по оны' пространны' поля' око' рѣне Каменчине повіасмо! Повіаю бы Вамъ се, Ваше Величество, тай и данась онако, рекне Богданъ. О! Те Гошт' како! приложи Бучинъ. Само, вели, да сте га мало пре видли, како ти намъ лети на свомъ Зеленку пустыи, као какавъ младить! На то нашъ Старый Херцеговаць, погладивши шакомъ свою браду, и као поносито: На мою

душу, вели, нѣшто шала, а нѣшто и истина! Ко-
лико ме овако стара гледате; Юшт' се я не бы
живъ у руке дао. То рекне, и у другу собу за нѣ-
што изидѣе.

Царь, гледетьи за нѣимъ, Е! Да сте Вы, ве-
ли, нѣга у оно време видѣли, кад' в младѣй быо!
Мене онда, приложи, млада юшт', мал' Бугари не
изсѣкоше, да ми нѣга ту не бы! Ено му се, ве-
ли, и сад' съ десне стране на образу познае,
како га в еданъ мачемъ мазнуо. Но смѣшно в бы-
ло, настави Царь, кад' онъ мене изъ средѣ не-
пріятеля' избави, па ме нѣкако попрeko и холе-
рички погледавши: Юноша, вели, узмидерь се ты
на умъ! Истина! 21 годину онда, вышше нисамъ ни
имао. — Зарь ты, рече, тако мыслишь у бою по-
ступати? На се, и на свой животъ заборавити? А
не знашь ли, придода онако срдить, да в твой
животъ са хиљадама други' живота' скопчанъ? И
да, вели, изгубимо ли тебе, изгубили смо све? Я,
као младъ, примимъ сад' одъ нѣга овако изоб-
личеньє къ срдцу; помыслимъ пакъ, да тѣесе по-
томе о томъ онъ раскаяти, и опроштеньє одъ ме-
не поискати: но есть! Не признає мой строгій
Херцеговаць, да се онъ мени замѣрю. Моє нево-
лье сад' и съ нѣимъ! Не могу я ову срамоту да
снесемъ, да онъ — истина Полковникъ — ал' ме-
ни, Принцу и Препоясанику, овако рекне! По свр-
шеномъ дакле сраженію и срѣтно, као што зна-
те, чрезъ насъ одржанной побѣди, потужившисе
о овой обиди блаженочившемъ родителю ка-
жемъ, да му ништа друго не захтѣвамъ, него само,
да ме предъ другима за опроштеньє замоли. Сы-
не мой! рекне ми Покойный, Ты то одъ нѣга да
и не захтѣваш! То быти не може! Знашь ли, ре-
че, ты, да мужъ совѣстанъ, и удѣли' свои' точанъ,
испуняваютьи дужность свою, а особито у таквой
прилици, кад' се судьбомъ цѣлогъ народа слава и
паденіє нѣегово на онако мѣрило положи, да ед-
нымъ само граномъ ил' тѣе она, или ово претег-
нути, — мужъ, велимъ, у онай парь само отече-
ство на своемъ срдцу осѣтъа, и Бога предъ со-

бомъ и у мысли своѣй сматра, а не свѣтле титуле и висока достоинства. И тако ти Вамъ я процесъ мой изгубимъ. Послѣ и самъ додѣмъ къ себи, признамъ, да е онъ право и имао, и застыдимсе чисто, како самъ я одъ онака мужа такво што и захтѣвати могао, кой е мени у оној моѣй юношеской устремителности и животоу спасао! И овако даље Царь продужаваше разны' случаєва военну повѣсть, кою сад' по заповѣсти нъеговой и два млада Соколовичья морала су слушати. Медьутимъ Старый е попечително наредьивао за царске служителье и войнике.

И текъ што имъ се у велику салу вечера унесе, у коѣой сад' Господа съ Царемъ позовусе, ето ти имъ и Старога: Ваше Величество! рекне, и почитасма Господо моя! Простите ми! Мене, вели, дужность моя мало Богме и позадржа. Заиста, Газда, одговори Царь, да су намъ и пре ову вечеру донели, не вѣруемъ да бы смо те и чекали. Не бы было ни тебе, Ваше Величество, мене чекати. Сатимъ Священикъ — Исидоръ — очита молитву, и посѣдаю за трапезу.

При вечери продуже време у прїятельскомъ разговору и шали. Светотарь устане, и на служавнику златнымъ пєаромъ вина послужи Цара. Овай памти добро, рекне Царь, што самъ му у Столцу казао. Ево видишь, Сынко, додѣе намъ време, да ме и у Црной Гори послужишь. Любомире, Брате, за твое здравльє, и за здравльє мое Косаре, Ваши' сынова такодѣе, да намъ и Богъ поживи, и да намъ добри буду. Принесшу нъему чашу къ устима загрме имъ трубе на алтану, и Любомирь съ фаміліомъ своѣомъ учтиво Цару на здравици благодари. Сад' полете чаше около цѣле трапезе и шумъ радостный: У здравльє Царєва! съ пѣнїемъ „На многая лѣта“ испуни имъ цѣлый Дворь. Потомъ націю у здравльє и прочой Господи, и Светозарь стане спрам' трапезе и почне имъ у великій кумваль ударати, ко коме по заповѣсти Старога приступи и Драгиня, и будутьи да кумваль мало узъ стѣну поузвышенъ баше, не

могаше дѣвица, премда и повысока бѣше, добро га домашити. Зато ѱой притрчи Чедомиль и поднесе ѱой подножню, и тако нѣи' двое почну укуваль ударати, а б. красны' Нумѣй поведу за Косаромъ и Милиссомъ слѣдуютъу пѣсму на гласъ:
Средѣ игры. —

Радостію упоени
Гледаютъи медъу нами
Срдце нашегъ Отечества
И цвѣтъ красный благородства,
Свѣтлу нашу Дядему,
Зато поймо данась Ньему!
Неманьчѣа светой лози
Позавиде земни Бози.
На оружье устадоше,
Но люто се преварише.
Силный Душанъ еръ подъ ного
Ниспроверже свое враге.
Силномъ своѳомъ храбростію
Онъ покори сву Грецію,
Ужаснусе Болгаріа,
Затрепета Византіа,
Престоль древный Константиновъ
Потресесе стра'омъ Сербовъ.

Другій данъ рано, докле имъ гости ѱошт' спава'у, Старый, призвавши къ себи Косару и Косму съ Милиссомъ, совѣтуесе съ нѣима, да Светозара и Драгиню сад' у овой прилици благослове. Я самъ, истина, рекне Старый, мыслію, баръ ѱошт' едну годину пречекати: али дѣцо, я веть, као што и сами видите, ступамъ дубље и дубље у старость, приближавамсе веть и къ 70-ой години. Младъ, кажесе, може умрети, но старъ мора. Зато, дѣцо моя, боимсе, умретьу, а нетъу дочекати оно што желимъ, него у име Бога да мы ово дѣло приведемо къ концу. Ко зна, Косара сынко, бы ли ти се родитель другій путь овамо и закавио? Ово му се сад' догодило, па Богъ зна, кад' выше? Ктоне, овдѣ намъ в сад' и Царъ и толика су намъ ту Господа, као што самъ я свагда и желію, да моме Светозару, сыну момъ, кой ми

свагда на срѣцу лежи, учинимо едно лѣпо веселье, кое тѣе ми може быти у животу и послѣднѣе быти; — но оно мени при ступльенью момъ у тамный гробъ мой освѣтлява цѣлый живота мога орѣзонть, на подобіе сунца при ти'омъ вечеру, кое послѣднѣима лучама своимъ орумени и аемосферу, и тако спустисе у западна нѣдра своя. При овымъ рѣчма потеку му сузе, и онъ мало умукне. — Но я, дѣцо моя, бришутьи честно лице свое, задоволянъ, — и како задоволянъ съ овогъ свѣта полазимъ, ако ми се само унапредиакъ што не приключи, кое бы ми ову мою найветью срѣтью смутити и поколебати могло. Сву пакъ радость мою увеличава то, што самъ Васъ изъ среде отечества овамо извео, и што видимъ и знамъ, какво дѣте за Светозара узимамъ, и какву имъ матеръ по себи оставлямъ; — а за Чедомила како Богъ да! Я нетъу ни нѣему, ако узживимъ, време къ женитби одлагати. Ине треба, любезный Отаць! одлагати, рекне Косара, особито за старіегъ, коме, као што рекосте, знамо кога узимамо. Гледайте Вы, Отаць, придода Косма, те Вы то дѣло колко данась свршите. Дѣцу сте сами, и едно и друго, воспитали, — и едно и друго добро знате, немате нужде, дуго проматрати и испытивати. Я бы особито, приложи Косара, желила, да то садъ буде, што му е и дѣдъ овдѣ. Добро, рекне Старый, и осмѣнесе, — дайте и'; нека намъ додъу, да имъ нашу желю одкрыемо. Косара одма оде, лѣпо и' обое обуче, и ту и' доведе. Старый, као чедолюбивый отаць, срѣцемъ умильень, ти'о и' погледи, и видетьи и', како имъ е любезный стыдъ обoимъ юношеске образе орумению, мало потъутивши овако имъ слово съ кротостью поведе:

Светозаре сыне! и Драгиня, дѣте мое драго! Радостанъ е овай часъ за мене! Я нѣега у мое найрадостнѣе часове садъ счислявамъ. Я самъ га одъ Бога свагда доживити желю, и Богъ е ево мою желю испунио, — желю, коя е мене чисто оживлявала, да я Васъ еданпуть овако одрастле, научене и овако савршене люде видимъ. Духъ

мой у мени, любовь моя отеческа къ Вама, сердце є мое у движеніе приводила, и оно є свагда умилише мысли къ Богу вѣчноме изъ себе испаравало, да я само дочекамъ Васъ срѣтне видѣти. О томъ є свагда и мое попеченіе было; на то самъ я сва и до данась средства употребію. Прво су ова была, Васъ льпо, као што єстество човѣческо изискуе, воспитати, а друго, коима самъ се постараю, Вамъ нужна къ честномъ животу Вашемъ снискати и прискорбити. Я самъ Вамъ драга дѣцо моя, и у єдномъ и у другомъ помотью Бога милостивога добро до данась успѣю. У воспитанію Вашемъ прва су мени правила была, добро Вашемъ здравлю основаніе положити, а друго, Васъ моралномъ наукомъ запоити, и сердца Ваша за Хрїстіянску науку, као нову землю за чисто сѣме, предъе предуготовити, нежели сте Вы и понятіе какво о овой имати почели были. За овимъ слѣдовало є, разумъ Вашъ просвѣтити, душевне Ваше силе развити, и у потребны наука Васъ наставити. И то самъ я, све сходно Вашемъ вѣку, Вашемъ понятію, чинію. А съ каквимъ самъ я усердіемъ то, кадъ самъ ову священиу дужность на себе примію, чинію, то самъ Богъ и я, дѣцо моя, знамо. Мысаю є мене много цутій плашила, да Вамъ предъе не умремъ, нежели Васъ, кое самъ као младе птитье у мои отечески нѣдри угрѣвати почею, на Ваша собствена крыла пустимъ. Но Богъ є мою о Вама молитву, коя ми є изъ чиста сердца происходила, милостиво ево саслушаю, и мене ево сподобію, да я Васъ ветъ и у савршенной срѣтнїи видимъ. Зато Вамъ и кажемъ, радостанъ є овай часъ за мене! Льпо самъ Васъ воспитаю, да добри Хрїстіяни, сирѣчь честни, морални и разумни люди будете; а иманья самъ Вамъ такодѣе, колико намъ є Богъ до данась благословію, приобрѣю, и као трудолюбива пчелица домъ самъ Вамъ нуждыма напунію, тако, да не само Вы угодно — трудетьсє Богме и унапредакъ помало — поживите, но да имате чимъ и убоге уштедрити, и да имате на што и страна подъ свой кровъ призвати и госта дочекати.

Сад' дакле, мила моя дѣцѣ, ништа вышше мени не остае, ништа друго мени, Старомъ Отцу Вашемъ, на срдцу не лежи, него, да Васъ юшт' и честнымъ бракомъ обручене видимъ. И будути да Вы тимъ у новъ животъ ступате, и одъ такве точке нѣга починьете, одъ кое или тѣе Ваша до данасъ срѣтъа, савршенномъ учиньена, Васъ слѣдовати, ил' тѣе Вамъ се она нарушити и измѣнити: зато, дѣцѣ моя, при овакой точки валя да се и позауоставимо, и стварь быстро проразсудимо. И овдѣ се сад' Вама оставяна волю, — мы Вамъ у овомъ не заповѣдамо. Испытайте Вы сами срдца Ваша, саединява ли нѣи честна любовь Ваша и къ Вашемъ сачетанью? Ако то не бы было, дѣцѣ моя: то бы смо и мы наше съ Вама намѣренье промѣнити морали, и сасвимъ бы смо другий разговоръ почели, наново бы о Вама промышлявали, и за свако особенну прилику тражили. Ню намъ ветъ и тройца просе, и све люди знатни и први медъу благородныма домовма. За тебе гакодѣ толики су ме ветъ нудили, кои дѣтери свое даю. Но мы у томе ништа противу Ваше воље учинити не смѣмо. Я самъ Васъ истина досад' довольно и искусю, да Вы едно друго милуете и радо имате, и може быти да тѣе Вамъ се нѣшто и необычно и странно учинити, зашто да я Васъ овако испытуюемъ? аки бы ми Ваша любовь непозната была: али, дѣцѣ моя, мы, старѣи Ваши, за дужность нашу ово признаемо, да оваку важну стварь, коя се вышше промѣнити не може, нашимъ окомъ больма промотримо, нежели да бы е сасвимъ на Васъ, тако младе, ослонили. Вы едно друго любите: но ако Вы нисте едно у другомъ сва качества точно испытали, сходствую ли она саобразно една съ другима? то се Вы и преварити можете, и Ваша любовь не бы Вамъ дуго потраяла, — може быти измѣнила бы се, ако се и не бы у срдцама Вашимъ сасвимъ угасила. Я, премда самъ Васъ као брата и сестру одъ млады юшт' ногтю Ваши' воспитао, дужанъ самъ Вамъ казати, да то Вама никакву грану на путѣ не полаже,

да Вы сирѣчь къ светомъ олтару приступити не можете, будутъи да нити какавъ союзъ крвнѣй медьу собомъ имате, нити самъ я Васъ, као Отаць Вашъ, подъ какву заклетву метнуо, да Вы за свагда едно другоме као братъ и сестра останете, и да се узети не можете, — то не! зашто самъ я увѣкъ на то и ишао, да Васъ заедно и лѣпо воспитамъ, да Васъ изучимъ и за Вашъ се животъ постарама, па да Вамъ мой благословъ и къ браку дамъ. Али сыне, и ты, дѣтери моя, ако су Ваша чиста и дѣтиньска гошт' срѣца, у мысли той бывшимъ Вамъ, да сте Вы братъ и сестра, тако се и сродила, да Вы у нѣима нѣку любовь сродства осѣтъяте: то знайте, да она, ако и' добро испытате, у пуной мѣри свогъ задовольства къ браку склонитисе нетъе. И я самъ у момъ животу еданъ такавъ примѣръ и видю, ков ме еи внимателнымъ на Васъ учинило, — и то е, дѣцо моя, узрокъ, да я Васъ овако испытуюемъ, или паче да рекнемъ, напомињемъ Вамъ, да Вы сами себе о томъ испытате.

Любезный Отаць! проговори юноша, колико я Драгину любимъ и радо имама, и колико я у себи предчувствуемъ, да тьу я съ нѣомъ срѣтъянь быти, срѣце бы Вамъ мое, кад' бы проговорило, вышше казати могло, нежели я. О любви пакъ нѣеной я самъ, Отаць, толико увѣренъ, колико и о суштеству нѣеномъ. Ето нека Вамъ и Мамица каже! Случай той е самъ одкрыо, колико су срѣца наша саединьена. Насъ е обое, любезный Отаць, и Мамице наша мила, насъ е обое судба наша ветъ до савршенне наше срѣтъе привела, и нама вышше ништа не остае, развѣ, да Вашу отеческу руку на насъ дигнете, и да изъ уста Ваши' благословъ чуемо. Мы такавъ одъ Васъ сад' желимо, за такавъ Васъ молимо! Драгиня е моя! — загрльивши е — я ню любимъ, — любимъ као будутъу супругу мою! Светозарь е мой! сладкѣй Отаць, мой, Мамице моя мила, кога я любимъ као срѣтъу мою, као мене саму, и вышше нежели мене. При овомъ сад' клекну обое

предъ Старога; и онъ и' отеческомъ милостью пригрльивши: Чеда моя! Радости моя! рекне имъ, Богъ свблагій да саслуша ово, у прсима моима біютье сердце, и ниспошлье на Васъ онай благословъ, кой Вамъ оно сад' у мени жели! Будите намъ срѣтъни! Будите добри! любетъи и' добрый Отацъ крозь плачь изговараше. Богъ да утврди медъу Вама праву любовь! загрльивши и' и Мати рекне. Овдъ се, любезна дѣцо, све наше на овомъ свѣту желье свршую. Мени заиста, приложи Старый, тарутьи очи свое, вышше што, овако важно, и не остае, што бы самъ у послѣднѣи' мои' дани одъ Бога желити могао! Но! Хвала Богу на нѣговомъ дару! Юшт' еданпуть, дѣцо, приложи, Юшт' еданпуть да Васъ пригрльимъ! Ангели мои! Утѣшеніе мое! любетъи и' погледи на небо: Господи вседержителю, и источниче нашего блаженства! Благослови ихъ! Отче святыи! Благослови намъ ова чеда наша, ове двѣ младе душе твоє, у кои' си чисто сердце ты сладку къ саединьенью нъиномъ любовь уліо! у коима ты, о зиждителю міра, новый источникъ мое радости, и на славу имена твога будутъемъ нъиномъ породу данасъ открывашъ! Благослови и' светымъ твоимъ свыше благословомъ, да намъ буду добри, да намъ буду срѣтъни и многолѣтни! Утврди имъ у сердцама любовь! огради и' миромъ и тишиномъ.

Сатимъ полюби и' опеть у чело, и пружи имъ руку, те в полюбе. Сад' и' опеть пригрльи мати, братъ и сна'а, и излюбивши и' сердечно подьу у салу. Хвала Богу! рекне Старый онако радостанъ, и то дочекасмо. Но глядайте, приложи, сад', за чимъ сте, да по ручку (Фруштуку) одма у цркву идемо. Ніе Ваша брига, Отацъ, одговори весела мати, майка имъ в све, што треба, приправила. Сто пута' е заръ сад' добрый Отацъ дѣцу свою, овай срѣтъный паръ, исподъ руке по сами водетъи и', къ прсима своима пригрльіо, и толико и' в пута полюбіо и сердцемъ благословіо.

На то ветъ и гости имъ оправесе, на ковъ съ готовымъ ручкомъ и изгледау. Любомиръ съ Ко-

саромъ и унуцима изидъе предъ собу, изъ кое Цара съ младымъ Кралемъ и Богданомъ дочека. При ручку сад' у веселой шали и разговору каже Старый, шта є намыслио, кое свима особито мило буде. Право! повиче благочестивый Монархъ, я самъ дакле, приложи, кумъ, а ево (за Богдана) намъ Старога Свата! Али, вели, ако што мыслите, то данасъ нека буде, ерѣ сутра мы у име Божіе полазимо. Сатимъ погледи и на Чѣдомиля, кой га на служавнику чашомъ ладне воде служаще: А кад' тьемо, вели, овоме гиздавцу у сватови' поиграти? А! Юшт' є рано, Ваше Величество, за нѣга, рекне Старый. Найпре треба дѣвойку и заслужити, придода Бучинъ, као и братъ му. Мы тьемо му, возрази Мати, Свѣтла круно! довести какву Призренку, — но поносите су, вели, ко зна, хотѣ ли коя и потьи? Хмъ! Моє Косаре! возрази Царь, Призренке наше поносите? Има право, Ваше Величество! рекне Бучинъ, оне су поносите, — смѣшетьсе — но притомъ есу и добре. ерѣ саме себи момке избираю. Царь, погледавши на Косару: Хмъ! Доскочи Бабайко! Они овако шалесе, ал' ето ти имъ и Монъ Амія! Поклонившисе Цару и свима учтиво приступи къ Светозару и нѣшто му лагано рекне. Овай сад' окрене се къ Драгинь, и почне їой Французски говорити. На кое дѣвица съ нѣкомъ особитомъ лагкостью на овомъ езыку станесе изражавати, кое свима, особиту Бучину, бѣше мило, ерѣ любляще овай мужъ како духъ и карактеръ Француза', тако и езыкъ нѣювъ.

По ручку сад' сви весели подьу оправляти се у цркву. Старый нашъ, пунъ радости, обучесе прекрасно у свою военну галлу. Горня нѣгова дуга свита одъ црвена скерлета чисто гори на нѣму Светозарь такодѣ, као што є моимъ читательница познато, юноша, красанъ взоромъ, и дивна стаса, обуче намъ се сад' у лѣтнѣе свое свилене и златомъ везене 'альине. Око' врата имадѣаше ситно набране одоре, ков му сребрна копча са ситнымъ брїліантима исподъ нѣгова бѣла

грла скопчаваше. Зелену доламу са златнымъ ланцима на одну страну огрне. Мачъ драгимъ камнемъ украшень припаше. На главу метне свой Македонскій калпакъ, за коимъ многостручна одъ сувогъ злата челенка, на подобіе пшеничны' класова, задѣвена баше. По нѣой такодѣ ситни бриліанти и златне шльоке свѣтлостью спрамъ сунца у очима трептау. Драгиню ѣ мати у чисто бѣле, лагке и рѣдкимъ гранчицама извезене 'альине обукла, по коима златне шльоке блистау се. Око нѣеногъ млечнобѣлогъ дѣвоячкогъ грла крупный Индійскій бисерь баше. На руку' нѣны' драгоцѣнне наруквице съ велики рубины, одъ кои' луче снѣжне руке нѣене оруменявау се. На глави малый одъ разны' цвѣтова вѣнаць. Пурпурный поясъ съ двѣ златне копче, насредъ кои' такодѣ по еданъ рубинъ баше, исподъ самы' нѣены' прсію младо и витко тѣло нѣено опасиваше. Она овако обучена сѣдне съ Господиномъ Богданомъ и малымъ своимъ деверомъ Светоликомъ у прва кола. Монархъ са Светозаромъ, Космомъ и Милиссомъ, у друга, а у третья посадесе два стара пріятеля, Любомиръ и Бучинъ съ Чедомильемъ и Ісідоромъ. Проча сва Господа, сва прекрасно обучена, разредесе у 13. други' кола' купно са свои' назадъ служительи. Двѣ младе Войводе подбу съ Краљемъ напредъ на коньма, будути да тако младый Краљ захтѣваше. И тако измедъу два реда войника', кои исподъ двора даже до велике у селу цркве стали бяу, кренусе изъ замка. Радостна мати, съ високогъ алтана гледетьи ову великолѣпну любезномъ свомъ првенцу помпу, не може се задржати, да се не заплаче. О свеблагій Боже! рекне у себя, каква сладка я сад' чувствованія у момъ срдцу осѣтъамъ! Какву благодарность душа моя Теби као виновнику ове моѣ срѣтъе сад' чувствує.

На то, засіявшемъ овомъ великолѣпю при цркви, сильный се народъ одъ жителя' тога мѣста сад' ту слегне. Онъ съ умиленьемъ погледавши ову свѣтлу свога, вышше Отца нежели Господи-

на, параду, кою онъ своёмъ любезномъ унуку чиняше, радостнымъ гласомъ: Многая лѣта! и Аминь! ускликне. Велика црква и широка унаоколо порта испунисе сад' ти'имъ людства, као разровны' пче-ла', шумомъ. Ђдно се мимо друго утискиваше, гдѣ тѣе кое стати, шта ли тѣе пре ту гледати, Цара ли съ младымъ Кралемъ, кои имъ у очима не маньма красотомъ своёмъ заблистаю, нежели драгоцѣннымъ одѣянiемъ? Или тѣе гледати младаго Светозара съ любезномъ нъеговомъ Драгиньомъ, кои се сад' земнымъ ангѣлима уподоблява'у, и кои и самъ найпростiи погледъ нѣи све у умиленьѣ нѣко приводѣше.

Свештенство ѡ у цркви сасвимъ приправно на нѣи чекало. Звона велика веть и третiй путь загре. Но не мало удѣвисе нашъ Старый Губернаторъ, кад' угледа ту сад' и Епископа изъ Никшитья', кой съ многи Свештеницы сад' изъ цркве у своёмъ свештенномъ одѣянiю и съ кадiоницама на еданпутъ и онако изненада предъ Цара изидѣе и заблиста. Извините Ваше Царско Величество, рекне честный Епископъ, пропративши Цара у нъеговъ столъ, извините погрѣшку мою! Каснiе мало о сверадостномъ Вашемъ къ нама пришествiю извѣштеньѣ будемъ, нежели бы самъ времена имао, мое подвореньѣ у Двору учинити. Я и по'итимъ — мало самъ пре дошао — но казаше ми, да Ваше Величество веть у цркву полази. Тако я овдѣ у свѣтомъ дому Божиёмъ съ найдубльимъ почитанiемъ моимъ и у радостномъ срдца могъ движенiю съ цѣлымъ овымъ священнымъ клиромъ Ваше Величество, купно и Нъегово Величество (обратившисе къ младоме Кралю) поздравлямъ. Царъ и Краль изяве му одъ свое стране пуно благоволенiя. Епископъ сад' са Свештеницы окренесе и къ прочой Господи, и по пристойности учине имъ свое поклоненьиѣ.

Сад' пѣвчицы съ ѣдне и друге стране за пѣвницама пѣнiемъ затрубе, кое сто ученика', на обѣ стране у цркви раздѣльены', чистымъ своимъ дѣтиньскимъ гласомъ воспослѣдую. Епископъ са све-

штеницы святая благоговѣнно свршаваше. На вре-
ме нарочито изидѣ еданъ, съ Епископомъ дошав-
шій Архимандритъ на кафедрѣ, и да прекрасно сло-
во. Тема му буде ова: Свака власть на земљи
всть одъ Бога. Онъ ово у теченію свогъ слова
весма лѣпо и чувствително истолкуе, да, кой се
таквой Богомъ поставлѣной власти не повинуетъ,
тай се и самомъ Богу противи. Онъ ово найпре
изъ светогъ писма повтори, но потомъ изъ при-
родногъ човѣческогъ разума стварь слушательни-
ма ясніомъ учини. Доказуютьи, како бы савъ родъ
човѣческій, кой е по встеству своемъ нѣкинь сла-
бостима и страстима подложанъ, весма бѣд-
но стаю, и непрестанне бы быле медьу людма
сваднѣе и кровопролитія, да нѣе власти, коя насъ
у лѣпомъ реду држи, и коя слаба и смирена за-
щитѣвава и брани одъ силна, сурова и бѣсна, —
слѣдователно, рекне, самъ Богъ насъ управля по-
средствомъ оны, коима е власть надъ нама дао,
и наше имъ жребіу руке вручио. Онъ при заклю-
ченію свога слова поздрави Монархе одъ стране
цѣлогъ ту народа.

По служби приведу къ Светомъ олтару Све-
тозара и Драгию, као красній вѣнаць цѣле ове
благородне и свѣтле помпе, и ту и Епископъ съ
обычнымъ церимоніама сачета и благослови. Лю-
бомиръ, весео, загрѣи Бучина, и любетьисе убла-
жавау часъ овай, кой и Божество дочекати спо-
доби. Бучинъ извади кесу, и проспе веселой и не-
сташной дѣци сребрне новце по Порти. То исто
учини и Богданъ. Садъ, излазетьи изъ цркве, лю-
безно се сви са осветьеннымъ, у бракъ ступив-
шимъ паромъ полюбе, и честитаю имъ. Царъ и
Любомиръ преко Буряма обдаре све войнике, ко-
има е Старый тай данъ и славный обѣдъ дао
справити, и вина имъ задовольно заповѣдию одне-
ти, да се сви скупа тай данъ почасте и у касар-
на провеселе.

Изъ цркве садъ, узевши са собомъ и Епи-
скопа и много Свещеника, у истомъ жоредку до-
дѣу у Дворъ. Светозаръ отвори изъ саме врата
на алтанъ и Цара съ Епископомъ, Бучиномъ и

другима отмиънними лицама изведе, кое му Старый Отаць съдне ту разговарати, а онъ узме младогъ Краля подъ руку, и подѣе съ нѣмъ и прочима по чистыма и ладныма собама про'одатисе. Косара загрльи сад' Драгиню, као првый путь сна'у свою, излюбилъ е срдечно и съ матерньюмъ милостью; па е поведе преко сале на алтанъ. Ту се сад' сви съ Косаромъ полюбе и честитаю Гой новодобывену сна'у.

У очекиванью сад' обѣда старія се Господа съ Царемъ и Епископомъ на алтану разговара'у, а млади Соколовичьи Краля и прочу младу Господу ово мусікомъ забавля'у, ово у веселой шали време проводя'у. Млади служители подѣ управомъ Двороправителя едни чисту планинску воду, лимуновымъ сокомъ растворену, други прекрасну Требиньску шльивовицу и кипрскій лікеръ на алтанъ Господи изнесу. За овима 4 дѣвице съ бадемы и морскимъ грождьемъ изидьу, и найпре Монарха и Епископа, потомъ сву Господу редомъ послуже. Любомиръ, уставши, удѣе у салу и погледилъ, како му е асталъ поставльенъ. Смотри Аристіда и Харітона, кои такодѣ чинно обучени нѣшто ту младымъ помага'у: Аристиде, сыно, рекне му, а и ты Харітоне, Вы тѣете данась, као и другій путь, овдѣ съ нама обѣдовати, — да се нимало не затежете ни стыдите. Зашто, изванъ достоинства, Вы данась, на овай мени знаменитый данъ, найветѣе одъ странны и участіе у веселью могъ сына имате. Буряме, сыно! Ты твещь Монарха дворити, а ты Пагко, младога Краля. Сатимъ смотри Светозара, кой Драгиню съ младымъ Неманьичьемъ преко собе исподъ руке водьаше. Видишь, сыне, рекне му, како добарь Отаць зна честна и послушна сына наградити и развеселити. Будите и Вы све добре, придода и прочымъ ту дѣвицама, кое се съ Чедомильемъ и другимъ младитьима ту про'одя'у, будите и Вы добре, као што е и моя Драгиня добра, па тѣе и Вама свакой Старый Вашъ Отаць по едногъ овако лѣпогъ момка дати. На то онако срдцемъ умн-

лень заграби младога Неманьчя: Сыне Србскій, рекне му, сладко срдце и надеждо наша! Чимъ тьу я, као старый Вашъ слуга, мотьи Вашимъ Величествама на Вашимъ милостима, на Вашей любви, кою мени и фамилии моёй толико укажете, чимъ тьу, велимъ, я игда благодарити? То рекши полюби га у чело. Све сте Вы то, рекне му великодушный Неманьчъ, све сте Вы то, Отаць, заслужили; но колико и' има, коима се чини, а заслужили нису! Мы се, приложи, радуемо, кад' само имамо коме за заслуге по могутьству достойну награду учинити.

На то унесе имъ се и ело. Испунисе цѣла сала найпріятнимъ мирисомъ. Сыне Светозаре! Я тьу се може быти при асталу съ Господомъ и заговорити, и нетьу мотьи свашта на умъ узети; зато гледатьешъ и ты съ братьомъ, а казао самъ и прочыма, да добро пазе, да се у чему не погрѣши. На Мамицу и не гледай. Време іой они на то дати нетье. Сатимъ истрчи къ Господи и поклонившисе Цару и Епископу, потомъ и другима, позове и' за софру, на кою сад' силна дьаконія донесесе. Царь, ушавши у салу, погледи на асталь: Газда Любомире! повиче, одкуд', душе ти, добы овако дивно постолье! (ерь фино сребро испословано бяше). Ваше Величество, одговори Старый, то е постолье сасвимъ ново, и купію самъ га у Рагузи сыну моёму и дтьери, а я, приложи, имамъ за мене друго. Бѣда, брате, Стараць! рекне Царь. Онъ ти у свачему мора нѣшто особито имати. Има лѣпъ вкусъ, Отаць, приложи младый Неманьчъ. Свака имъ е стварь у дому, ако и нѣ тако скупощьнна. лѣпа и у очима весма пріятна. Право има! Ваша Свѣтлость, рекну прочи, одъ вкуса све зависи.

Сатимъ стану на молитву, и Епископъ, благословивши трапезу, поклонисе Цару и Младоме. Царь га сад' посади съ десне стране до себе. Младый салетію бяше Драгиню, да сѣдне и она до нѣгова Родителя съ лѣве стране: но она га моляше, да е остави, будутъ му у томѣ нипошто волю испунити не може. Царь, окренувшисе, ка-

мо, вели, моя Кумица? Овамо! Я в нудимъ, рекне младый Урошь; но стыдися. Шта? Стыдися? То мора быти! Кумице! Да съднешь овдѣ! Тако, мое дѣте! Та ты си намъ, приложи благий Монархъ, данасъ Царица овдѣ медь нама! Ерѣ сва ова, коя се данасъ чине, тебе ради чинесе. Да нѣ, вели, невѣсте, не бы было ни сватова, ни овога веселья. И тако посадивши в Младый узме и самъ мѣсто до нѣе; а прочу Господу Любомиръ по чииу и старѣшинству посадиваше. Бучина намѣсти до Епископа 30. лица' окруже првый асталъ, а 24. другий. Служительи сви прекрасно и чинно обучени, юноше благообразне и убучене, ставесе око' оба' стола' Господи послуживати. Светозаръ такодѣ не хтѣ сѣсти, но съ братомъ сваку точность око' трапезе наблюдаваше, да не бы младѣи у чему погрѣшили. Пркосдеръ му сад' Бога ти кумице, рекне Царъ Драгиньи, што те мора да двори! Бурямъ, момакъ высокъ, — као што намъ в ветѣ о нѣму познато — и красна изгледа, сад' прекрасно обучень и позлатьень, продѣ Цару за ледѣя и стане га дворити. Старый нашъ спази, да му ту нема Аристиди и Харитона, заповѣди, те му додѣу, съ коима онъ на дну астала посадисе. Овай в данъ, вели, Ваша Величества, и Высокопочитаема Господо моя, данъ за мене и тако найрадостнии, но Вы сте нѣга Вашимъ присутствіемъ освѣтили. Зато'я самъ Вамъ, придода, пунъ радости! Я самъ Вамъ данасъ и излишно весео, и ништа сад' тако не желимъ, но да ми и Вы, мои найлюбезнии гости, весели будете. Благо нама гостима! одговори Царъ, кад' намъ в доматинь весео, свима тѣе намъ добро быти. А што Вы пытасте мало пре за нѣко уже? рекне Бучинь Старомъ Свату, намигнувши на нѣга. Та да вучемо ону петъ наполье, Господине! одговори Богданъ. Слободно, любезный Господине, возрази на то Старый, слободно, вели, Вы сте Старый Свать, у Вашей в то власти! Како в годъ; приложи Царъ, онъ, вели, свое Херцеговце доведе у чувство! Лѣпо ти

намъ онъ нѣи учовѣча! Нигдѣ ти се вышше по онѣ сели сад' не чини оно, што се предъ тѣмъ чинило. Найпослѣ истреби измедьду нѣи и вражку ону *Додолу, Лелья, Коледа*, и шта я знамъ какве Юшт' одъ древны' времена' и погански' обычая' лудоріе. Ктоне како ти умѣде люде, и уцриву да иду, склонити. Научи и' землю' больше обдѣлавати и привыкну и' къ трудолюбію, тако, да се люди чисто обогатише. Све друго што в учинію, рекне Бучинь, но чудимъ му се, вели, како може и на ту мьсао дотѣи, да люде склони, онолику силну шуму око' Саввина' по гори оной искрчити и винограде посадити. И сад' га люди благосилію. Па шта вышше? придода Богданъ, 4. потока изъ горе, прокопавши землю, сасдини, и састави поредъ села велику рѣку, и га нѣой потомъ поправи воденице и валярице. Све пакъ што ми в учинію, рекне Царь, све в добро, и на свему'вала му велика; но што ми в школе по сели' лѣпо уредію и люде у обычай увео, да дѣчицу свою на науке даю, то ми в осѣбито по воли учинію. Я да самъ Вама, Ваше Величество, приложи Богданъ, я, вели, не бы нашегъ Старогъ Господина ни овдѣ дуго задржавао. Нѣку години, докле бы што и овдѣ поправію, па бы га опеть кренуо у другій предѣль. Тамо око Дурмитора, привати Бучинь, по онѣ полудивльи' сели'. То како Вы судите, рекне Царь, онъ бы морао чинити као и Отаць Авраамъ, кой в на заповѣсть Божію морао у друге земље итѣи, и безбожне народе своимъ примѣромъ учити. Да Васъ чуе! (еръ Старый се бѣше у дну софре съ другима заговорію) како бы му мило было, што му желите! — а едва самъ га и овамо склонію.

На то; позабавившусе Светозару при другомъ асталу, Чедомиль принесе Цару златный пearь съ виномъ; Право, сынок, рекне му Царь, синоть ме в, вели, твой братъ послужію, пакъ ево достаде дѣвойку; а сад' ме служишь ты! Не захтѣвашь ли и ты море какву цуру? Газда Любомире! За твое здравлье, брате! и за твое дѣце, моя намъ данасъ благословъ Божій къ светоме браку пріимише. Да намъ и' Богъ поживи! Да

намъ буду добри, срѣтѣни и дуговѣчни! — Старый съ фаміліомъ устане, и чимъ Царь чашу къ устима принесе, Светозарь да знакъ на алтань, те му засвираю трубе, и потомъ загрме имъ све себе одъ пѣнія *многая лѣта!* Старый доматинь са своима благодаривши владателю на здравици пріими и самъ чашу: Да намъ Богъ поживи Нѣина Величества, као срдце наше, кое насъ све оживлява! На то сви чаше узму, кое имъ у руку' око' трапезе еданъ съ другимъ кудаюћи зазвече, и *многая лѣта* шумомъ све се себе ту опеть испуне.

Поутишавшимъ имъ се мало у двѣ себе са стране почну имъ кумвали благогласно ударати, и Царь съ Епископомъ поведши разговоръ ободрываше проче, да се слободно веселе. Мое, вели, и Господина Епископа присутство да Вамъ веселымъ срдцама никаква предѣла не полаже! Свачему има време, по комъ мы валя да се владамо. Сад' наздраве Епископу и священству, потомъ благородству, одъ Бучина почевши даже и до найнижши'. На конаць захтѣсе Цару устати, и благодаривши Богу при трапези изидьу опеть на алтань, и старія лица опеть посѣдаю съ Владателемъ своимъ и са Епископомъ ту разговаратисе и проладъавати, а младѣи почнусе по собама пролазити. Сала имъ се медьутимъ сад' спреми, и весела младежь устрепти на игру. Младый Неманьичъ буде првый, кой узме Драгиню, и узъ музику почне играти: Кад' ты ниси, брате, играо кодъ мене, и съ моѣомъ Елисаветомъ; а тѣу да играмъ кодъ тебе съ твоѣомъ Драгиньомъ. Ваше Величество, одговори младый жеижь: Вы сте и тако мене, неполажугъи доброты Вашой къ мени границе, попремногу обвезали; Вы сте срдцемъ моимъ сасвимъ завладали: — чините одсад' са мноимъ, што в Ваша воля. На то узме и самъ едну дѣвицу, и тимъ дасе сад' поводъ и свима прочымъ, — еръ за тилый часъ велико се ту коло ухвати. И будутъи да Буряма сви ту за првога играча почитовау, зато се по нѣму и нѣговой у игри системи сви сад' и водьау.

Играютьимъ имъ овако Господа и' съ алтана гледаю, и часъ на часъ то едномъ, то другомъ тапта'у. Нашъ старый Херцеговаць, развеселень, мотретьи лагку младежь, и любезно смѣшетьсисе, како в свако весело и итро се окретье, погледи на Бучина, до кога сѣдъаше: Брате, вели, Айде душе ти, да мало и мы ове наше старе кости ту съ дѣцомъ по той сали протресемо. Бучину се ово да на смѣй, особито видетьи га, гдѣ онъ ово изванъ шале говори: Та не смѣйсе, тако ти вѣре, но айде! И будутъи да прочи не бя'у чули, на што онъ Вистіяра зове; зато запыта Царь, чему се овай тако сладко смѣе? Но Бучинъ не може одъ смѣя одма на вопросъ ни да одговори, на ков Любомиръ управо: Та нудимъ га, Ваше Величество, вели, да мало и сами, као стари отцеви, нашой дѣци поиграмо; пакъ нетье. Ово се истина да сад' и прочыма на смѣй, будутъи да су имъ онда игре и потежке быле; а они обоица у зрѣлой ветъ старости бя'у: ничимъ манье и ово се Цару у нашемъ честномъ Старцу допадне, едно пламенный онай и военный духъ нъеговъ, кой му старость Юшт' сасвимъ угасила не бяше, а друго, нъегово простодушье и чисто срдце, ков се ни у самой старости увеселенья свога не лишава.

И тако на захтѣванье Монарха сви сад' повичу, да то буде. Бучинъ се доникле и изговара; но найпослѣ склонисе. Устане и узме свою дтьерь, а Любомиръ погледи на све дѣвице, ков ту у колу не бя'у, но на страни стобтьи гледа'у, како ови играю. Смотри дакле сад' овдѣ и стару свою Егдокию, кою су му сви у Двору чествовали, зашто му в она ову дѣцу изъ малена и одржала: Овамо Баба! весео Стараць повиче, кад' си, вели, могла, нъега малогъ у пелене повіяти, и као мати вѣжно неговати га: валя да му сад' и у сватови' играшь. И тако ти намъ кукавну нашу Бабу све Херцеговачки по сали стане окретати, и будутъи да ова осимъ тога, што в была око' свов' 60. година', Юшт' пуна и подебела жена бяше; то се

она са Старцемъ играютьи поштено ознои. Най-послѣ Богме морадше ту и Аристидъ и Харитонъ, и сва нѣгова челядь играти. Богъ да прости! сѣдши Любомиръ опетъ на свое мѣсто, и убрисавши зной съ лица, Богъ да прости! вели, ово башъ бѣше добро! и смѣютьимсе прочымъ подмигнесе Бучину, како и онъ мораде играти. Ваше Величество! рече Бучинъ, ово Вамъ е тако у воинству отврдо и закорѣло, да тѣе душе ми имати смрът посла съ нѣимъ Гошт' и послѣ 30. година'. На кое прочи станусе гро'отомъ смѣяти. А Гошт', Господине, гдѣ е сад' дошао, придода Мирко Войвода, текъ тѣе се сад' подмладити!

Они овако у игри, веселой шали и смѣю, али честно, и колико великимъ и паметнымъ людма пристои, проведу време, докле имъ мало и не за'лади. Пили су толико, да само весели буду, а не, да се нове и опие, као што и сад' Господу и отмѣнниа лица видити можемо, да ако се и развецеле, пѣю умѣрено и у дружеству пѣваю, смѣюсе и любезно се шале, но притомъ и на свой характеръ, свою честь, и свое здравље, као люди честни и паметни, не забораваю.

Давши сад' времена младежи, по игри мало одданути, и по собама шетаютьимсе мало се про'ладити, потомъ сви скупа изиду на'полѣ, мало протъимсе. Едни удъу у вертове, други изиду на оглавакъ къ онымъ великимъ растовима, а нѣки съ млади Соколовичи и младымъ Краљемъ сѣдну на конѣе и изиду и даље у шетню.

Сабравшимъ имъ се свима у вече на захтѣванѣе гостію постави имъ се асталъ насредъ авліе, и ту вечерати сѣдну. Епископъ, свѣщеницы и Гошт' нѣки, были су опростилисе и отишли, тако заоставши сви за еданъ асталъ смѣстесе. Сѣдетимъ имъ при лагкой вечери млади су како велику салу, тако и све редомъ себе освѣтали были, и съ приправномъ мусікомъ на госте младежъ е у сали чекала. Мусіка одъ поо Гошт' вечере едно по едно одъ астала е одмамливала. Найпослѣ устану имъ и Стари, и удъу у салу, гледати, како имъ бодрa и безбрижна ту младежъ играше.

Они и ово вече до 12. часова ноћи врло весело проведу. И Стари су опетъ играти морали. Господинъ Бучинъ играо е садъ съ Драгиньомъ, као са снаомъ својомъ, а потомъ и съ Милисомъ; а Любомиръ съ Господьомъ Градоначалника изъ Столца и съ Косаромъ, најпослѣ и съ Драгиньомъ. Новакъ е само гледао и играти нѣ смѣо, да не повреди ногу своју, коју е био покваріо. Светозаръ, Чедомиль и Краль, купно јоштъ съ нѣки ту младити и войводама играли су промѣнително са свима дѣвѣцама.

За младѣ е наредѣно было, да се и они у дољњемъ кату, колико имъ е воля, прѣвеселе. Најпослѣ Косара, примѣтивши волю Монарха, кой постоянно сутраданъ на путъ потѣи намѣриваше, да бы радъ спавати, но не хтяше јоштъ мало друштву воље кварити, да донети пунишь и нѣкій прекраснѣй оей, одъ когъ имъ цѣлый Дворъ замириса. На то попрестане имъ мало мусіка; но Царь имъ рекне: весел'тесе, вели, Вы, младежи, и проведите Ваше, — Вы на насъ не гледайте. Светозаръ стане и садъ све редомъ служити пуиномъ. Царь прими чашу, и допустивши му, да све обреди зовне га опетъ къ себи: Кумитьу! вели му, Ты си данасъ много играо, — вышше ти не дамъ. Сатимъ пружи му руку. Младитъ се учтиво поклони, и полюби Монарху руку. Онъ нѣга любезно за руку придржавши: Садъ да идешъ, вели, спавати; но да поранишь, Сыне, придода, па да ме лѣпо сутра, кадъ си ме овако частіо, и испратишь. Баремъ, вели, у 9. часова да будешъ обученъ и готовъ. Но! И то е рано! Ваше Величество, рекне Богданъ, смѣютъесе. Ништа зато! возрази добрый Неманьичъ, у часъ у два ни преврило, ни прекипило! Брѣ и самъ радъ самъ изспаватесе. Садъ, кумитьу, све госте ове полюби у руку и иди спавати. Юноша, обредивши любљенъемъ своимъ све најпослѣ приступи къ своимъ дѣдовима и къ матери, комъ га родительскимъ срдцемъ любетѣи благосиляу, и рекну му, да и опетъ Цара у руку полюби; — но Царь му руже

вышше не даде, него отечески и онъ пригрльвиши га у уста се съ нъиме полюби и одпусти га. Мати, одпративши га, повиче и на Чедомиля, кой Юшт' играти хотяше, да и онъ спавати иде, а младъи нека се мало на тенани провеселе. Кумице! повиче Царъ на Драгиню, коя Юшт' послѣдню игру съ Богданомъ продужаваше, доста в то, вели, дѣте мое, — Айде, иди спавати! Косара! Не дай Юй вышше играти, да се не квари, — то младо и весело аки бы и знало, шта му в доста.

На то дѣвица изидѣ съ матеромъ и донесе на служавнику Юшт' по еданъ еей. Ао моя Косара! рекне Царъ, кад' осѣти мирисъ, какавъ ти в, вели, сад' опетъ овай еей? Ово в нѣшто яко моя дѣтерко! То в добаръ еей, Ваше Величество, возрази Косара. Само изволте Ваша Свѣтлость, придода Старый, пити га, па тѣете, вели, осѣтити, како добро чини! Старино! повиче Царъ, смѣшетьсе, зато си намъ, вели, ты такавъ, што ты умѣшь живити!

Попивши дакле овако еей станусе по соба' разилазити, да спаваю, дозволивши младъимъ, да се веселе, ако тѣе и до саме зоре. Драгиня, любетьи свима руку, и примивши одъ свю любезный полюбаць, подѣе съ матеромъ, кою Г. Юговичъ до собны' врата' допрати, а потомъ врати се къ прочымъ. Старый Любомиръ сад' съ Космомъ, Милиссомъ, Бурямомъ, и Монъ Амиемъ разредивши Монархе и сву Господу по соба' удѣе и самъ у свою, у коюй Светозара и Чедомиля застане, да ветъ у велике спаваю. Яо, Господине! Та како то? рекне Бурямъ, кой Старогъ Господина ту у собу допрати, гледетьи на Младога. А да? возрази Старый, да како ты мыслишь? Господине! То в нова мода! Чистидерсе ты, смѣшетьсе честный Стараць, докле, вели, я нисамъ онай штапъ узео, па нетьешь погодити ти' врата! Овай, пошто га свуче и послужи, полюби му руку, и излазетьи изъ себе: Господине, вели, да знате, да тѣете намъ морати и за то Юшт' еданъ данъ къ веселью поклонити. Добро! добро! по-

вече Старый и собу затвори. Бурямъ удѣ садъ къ прочыма: Богъ да прости! вели, те намъ се они разидьшоше, — садъ в наше царство!

Косма садъ са своѣомъ Милиссомъ и Старомъ Егдохиомъ, коима се Юштъ спавати не хтяше, изидьбу на алтанъ, и сѣдну, мало ове гледати, како имъ у невинной само шали и смѣю Юштъ раскошествова'у. Ти'у имъ ноть мѣсець даже и по алтану остѣтлю бѣше. Они о'вако разговараюсе; ал' ето ти имъ и Косаре! Милисса! Космо! вели, а што Вы не идете спавати? А гле и наше Старе! А што Вы изидьосте, Мамице? упыта Милисса. Та изидьо', вели, да надгледамъ ове; — мыслила самъ, да Вы одосте спавати. Сатимъ посадисе и сама. Успавасте ли дтьерь? О! као и окупана! Како леже, заспа, као да три нотьи спавала нѣ. Сна'а! Сна'а! Нѣ вышше дтьи, возрази Косма. Е! та тако бы требало! ал' Мамица — Не! не! То само Мамица зна, кад' тье ню сна'омъ наименовати, — она в моя дтьи!

Медьутимъ Бурямъ у салу баше донео пунъ еданъ легьенъ воде, па окупю Аристѣда, Пчелара — кой се мало и напю быо, и нѣке служителье и дѣвице, да имъ нѣшто врача, увѣраваютъи и', да тье имъ онъ изъ ове воде дѣволе цитирати. Овай в врагъ, рекне Косара, наумю нѣву комедию съ овыма изиграти. Садъ погледайте сви у овай легьенъ, рекне Бурямъ. Но! видите ли шта у нѣму? Видимо зрна пшенична. Избройте, колико и' има. Има и' 9. Добро! Садъ свакой валя да метнемо у ову воду по одну мрву 'лѣба. То буде. Дайте ми садъ еданъ ножъ. Узме ножъ, и нѣимъ 9. пута воду у легьену прекрсти. Садъ узмите изъ ове воде свакой по едно зрно жита и метите себи у уста; но чувайте, да га не прогутате! Добро! узме легьенъ и принесе къ петъи, одъ кога садъ изброи преко сале 9. стопа'. Садъ Вы сви стани-те овдѣ у редъ, и прекрстите руке на прси, а я тѣу, вели, овай прстенъ метути у легьенъ у воду, па кад' повичемъ одъ 3. до 7. пута', видитеете, како тье овай прстенъ изъ воде самъ изскочити,

и то тѣ намъ прва проба быти, хотѣе л' намъ врази дотѣи? Онъ повуче легень мало ближе къ нѣима, да болѣе видити могу, сажесе, прстенъ, вели, овай морамъ насредъ среде положити, — ево видите га! Да не сумняте што? Сатимъ намѣсти прстенъ и узме еданъ врбовъ прутить, па стане мадо на страну и повиче: Идоръ хипъ! трипутъ. А—я! Но до 7. пута, видитьете, мора изскочити: Идоръ хипъ! И тако, чимъ онъ заусти, да седмый путь ову рѣчь произнесе, ал' у легену пукне нѣшто, и прстенъ имъ чакъ у горный сподъ изскочивши удари. Ови се сад' на то тргну. Онъ притричи къ легену, и покаже имъ чисту воду, као што в и найпре была. Сад', вели, угасите свѣтъе, или унесите и' у другу собу, па да се сви овомъ водомъ умыемо, и онда тѣете оно, вели, видити, што нигда гошт' видѣли нисте. Ови, првомъ будутьи пробомъ увѣрени, да заиста нѣшто може быти, найохотнѣе то учине, само да виде, какви су дьаволи. Аристидъ еданъ као не вѣроваше томе, но изъ любопытства и онъ, да види само, на што тѣе дѣло ове варалице изитѣи, не успротивисе ни самъ. Два служителя изнесу свѣтъе у другу собу, и они се онако у помрчини сад' съ Бурямомъ скупе око' легьена. Бурямъ имъ сад' рекне, да тѣе се онъ найпре умыти; и оно, што онъ буде умываютьсѣ говорю, да и они говоре, кад' се кой, почне умывати. Сатимъ станесе рукама по легьену брчкати, аки бы се онъ тамо заиста умывао, а онъ, извадивши изъ джепа свога нѣкий црнъ као истый зифтъ прашакъ, и мутетьи овай по води, почне говорити нѣшто неуразимително; потомъ каже имъ, да се све двое и двое сада томъ водомъ умьцо, и првый буду Аристидъ и Пчеларъ, ков онъ, кад' се умьцо, постави у редъ, поступаютьи тако и съ прочима, даже до послѣднѣга. Кад' све тако у еданъ редъ намѣсти, яви преко едногъ служчета, да они изъ друге собе унесу свѣтъе, а самъ мане рукомъ на оне, кои на алтану сѣдѣау. Текъ ови у салу удьу, ал' свѣтъе имъ унесу, при коима сад' кад' видеше ове у

реду као штатуе укочене и црне као дѣволе, загрми имъ цѣла сала одъ смѣя, и тимъ имъ Юшт' смѣшнів падне, што они по наредби Буряма онако укочени стовети, и управо на оне, у салу ушавше гледетѣ, еданъ другога не видѣау, слѣдователно и не знадѣау, чему имъ се они смѣю? но мыслетѣ, да имъ се смѣю, гдѣ они онако укочени у реду стое, пакъ то еданъ, то другій, стану Юшт' болѣе прси свое испучавати: — а кад' ветъ и сами узеше на умъ, чему имъ се они тако сладко смѣю, и кад' рече Бурямъ: „Оваке штатуе да намъ е Господинъ по верту поставіо!“ погледе еданъ на другога, и еданъ другоме зацѣнесе смѣяти, свакій на себе и заборавивши, да су се на едномъ Јордану купали, и да е свакій као Аравійскій анѣо постао. Сад' да и' измолуемъ! рекне Аристидъ. Иди сметеняче! повиче Пчеларъ, погледајсе, вели, и самъ на огледало, какавъ си! Аристидъ пакъ за себе не вѣроваше, зашто га е Бурямъ преварио быо, да е ньему другу, чисту, воду подметнуо: а кад' га огледаломъ увѣре: О ты сотоняче! повиче на Буряма, чекај, вели, научитъу я тебе. Они овдѣ по довольномъ овако смѣю предъ саму ветъ зору разидъусе спавати.

Старый доматъянъ, како зору крозь прозоре спази, устане, обучесе и изидѣ. Тишина му у цѣломъ Двору Юшт' царствоваше. Онъ по ходнику горе и доле самъ шетаютьсе разсудъаваше о томъ, шта тѣе сад' съ Царемъ говорити? И како тѣе му мотѣи укратко при полазку ньеговомъ пуне свое чувствованія' прси о многоважны' и публичны' дѣли' одкрити и лѣпо исказати? Отворивши еданъ прозоръ у малый вертъ свой почне нѣшто свомъ вертару говорити. На то стражаръ царскій, кой стаяше наоружанъ предъ царски враты, гдѣ Царъ спаваше, зовне га, и каже му, да е Царъ буданъ, и чувши му гласъ захтѣва га къ себи.

Любомиръ сад', ушавши унутра, поздрави Цара съ добро јутро, онако юшт' у постельи суца. Ваше е Величество одъ свега мало одпочивати

могло, рекне му. Мало! любезный, но добро! одговори бодрый Монархъ. Мени е, вели, довольно, кад' вамъ я 4. часа сладко и спокойно одспавати мугу. Ето, придода за Младога, коме вышше спавати валя, — но добро, вели, што си ми дошао, примакни столицу овамо ближше, да се овако лежиаютьи мало съ тобомъ разговоримъ. Старый, примакнувши столицу: А не бы, рече, Ваше Величество ту намъ милость показати могло, Гошт' и данась кодъ насъ задржатисе. О не може то быти, любезный мой! возрази Владатель, и самъ бы самъ, вели, радъ бы; но ние ми могутъе, — дѣла ми моя не допуштаю. Любомиръ сад' сѣдне ту кодъ нѣга, и до 7. часова у найкраснѣмъ съ нѣмъ ту разговору проведе. Монархъ га е съ великомъ охотомъ слушао, и чисто упонсе радостью, што му овай мудрый Стараць многа нѣгова предузетья одобри, и похвали, одъ многи' пакъ нѣга и одврати, и доказа му, да нису добра. Но оле жалости! Одъ единогоъ нѣговогоъ намѣренья никоимъ га начиномъ одвратити не може, сирѣчь, да или се вышше за кою годину у рать не заплетъе; како и тако са свію страна' неприятелье свое узсмиріо и себе осигурао бѣше; — или баръ да се дома преко зиме примири, и на пролѣтъе, шта тѣе съ Грцима чинити, да гледа, доказуютьи му, да онъ има и тако многа политичка дѣла своя, коя тѣе мотъи преко зиме у Двору, на миру, прекрасно у добаръ поредакъ довести, и тимъ срдце цѣле земље и царства свогъ утврдити, — да гледи, нѣке Войводе, на коев онъ подозрѣваше, измѣнити, — и да войску свою, коя му надалеко разасута бѣше, болѣе организирати, и къ Бугарскимъ е' паче, нежели къ Грчкимъ границама приближавати, еръ Грцы, говораше му, толико су се смирили, и толико сте имъ силе ослабили, да намъ се одъ нѣи' ни за много година' бояти ние: — но Бугарску, говораше му, да гледа себи болѣе присвоити и законе свое у нѣой утврдити, коя нѣга одъ Влашке разставляше, а тимъ и союзу нѣговомъ съ Влашкимъ Войводомъ, сад' пріятельемъ,

и Младога Тастомъ, много препятствовати, и даномъ приликомъ вредъ нанети може. Укратко, да се далъе не упушта, докле оно, што му в судба даровала, сасвимъ не утврди, и къ свомъ царству и народу не сроди, и у едно тѣло политичко не сліе, — а наипаче да гледа Вукашина Мрнячевичъа — садъ веть Деспота — понизити, и силе му умалити. Ово су све были за нашегъ Душана спасителни Старца Любомира совѣти: алъ онъ, човѣкъ младъ Юштъ, около свои 45. лѣта, пунъ крѣпости и жива духа, поуздасе много у себе, и предвидѣти не могаше, шта в судбина веть о ньему заключила была. Али Бога в единогогъ сила и владанье вѣчно; а човѣческа сва подлеже промѣнама времена! Да в овай Монархъ быо мужъ великогогъ духа, и да в онъ на вр'у благороднѣйше и свете лозѣ Неманъичъа у щастію, и славомъ паче своію предкова свои быо процвѣтао, то видимо мзъ дѣла ньеговы велики, за коя в и *Сильнымъ* кодъ свои, а кодъ странны *Великимъ* названъ, то в истина: — но у одномъ ньега уеде гуя, што царство свое на многе части раздѣли, и што исте свое провинціалне предстателъе яко осили. — Но вратимосе къ нашей повѣсти, и не изступаймо изъ реда ньеногъ у Історию дублье.

Докле су се они овако разговарали, — ахъ! као да су и знали, да тье имъ ово и послѣдній разговоръ быти! дотле се по наредби Косме и царски чиновника све веть за путь спремило было, и съ готовымъ се ручкомъ на нѣи чекало. Буде веть и осмый часъ, кадъ Монархъ обученъ и оправльенъ изъ свое себе изидѣе. Сабравшымъ имъ се свима у салу поведу опетъ свеобщте и шальвиве медьбу собомъ разговорѣ. Младый краль будутьи Юштъ устао не бѣше: зато съ ручкомъ и не по'ите. Косара пошлье у вертъ одну одъ дѣвица свои, те набере пуну одну котарицу цвѣтъя, одъ кога нѣку часть узме, а проче съ Драгиномъ унесе Светозару у собу, и поспу му по крѣвету. Лѣпо ти в, рекне му Драгиня, кадъ га веть пробуде, сви устали, вели, а ты Юштъ спавашъ! Мами-

це! возрази Юноша, та ова мени ветъ поче заповѣдати! Има право, и валя да ти заповѣда. Одкад' е она устала, а каснѣе в одъ тебе легла! Е, Мамице, кад' е тако, на часть Вамъ Ваша дтъи, мени жена и не треба. Удайте в за кога Вамъ драго. Бсть! А ниси чуо, како намъ в ючеръ Г. Епископъ казао? Ёсамъ чуо, да нѣшто изъ светогъ писма рече, да е мужъ жени глава. Е! Шта Гошт'? А нѣе казао, да е жена мужу! вѣнаць? Јо! онъ е то рекао само за добру жену! А я нисамъ добра? Ты си добра само кад' спаваше. Браца! повиче Чедомиль, деддеръ се ты сели у твоо собе, ако се Вы мыслите инатити. Айдете дѣцо, рекне мати, айдете устайте, време е, ево, да и момакъ не чека, оправтесе, па дѣдъте. Ё л' устао, Лазо, Младый Неманьичъ? Нѣе! одговори слуга. Ови сад' одма оправесе и поите Краљу съ арфомъ у собу, и мыслетъи, да онъ Гошт' спава, почну му ти'о ударати, на ков удѣе и Драгния са Гошт' три дѣвице, и почну му лагано пѣвати. Онъ се на нѣи любезно осмѣне: Таквомъ се, вели, мелодиомъ паче успавлюв, нежели буди. Дѣвице му се сад' поклоне и изидѣу, а два служителя удѣу и Краля обуку.

Сад' при ручку у веселой бесѣди и пристойной шали мало се и позадрже. Зато Старый Доматинъ съ фаміліомъ своіомъ радовашесе, да тѣе имъ и на обѣду остати, и почну, ово Цара и Младага, а ово прочу Господу молити: но Царъ нипошто се вышше задржавати не хтѣ, и примѣтвши намѣренъе Любомира, како и' испратити желаше, ни подъ кой начинъ то чинити не дозволи му, — само допусти му, до изванъ села съ Косаромъ, Драгнѣомъ и два унука испратити и', гдѣ и' на едномъ брдашцу два ескадрона коньика чекау. Ту се сад' любезно излюбѣ, и разстанакъ имъ се овай чрезвычайно чувствителнымъ учини. Любомиръ в са своіомъ фаміліомъ ту на брдашцу томъ сузама поливенъ стаяо, и доилегодъ нису за едну гору зашли, еднако в за нѣима гледао. И тако сад' нашъ Старый, пораженъе у ти'у нѣку меланхолю, вратисе.

При обѣду сад', а и цѣлый дань тай, другогъ разговора нису ни имали, него, како су прошастый дань весели были; како имъ се Царь у свему задоволянь, у лѣпомъ расположенью, весео и любовань показивао; такодѣ и проча Господа, а особито Епископъ и Богданъ, съ каквымъ простодушіемъ, съ каквомъ любезномъ искренностью и повѣреніемъ са свакимъ имъ у Двору обходишесе, као да су имъ присни сродницы вѣюви.

По поодне Старый, будутъи да в рано устао быо, дозволи своима домочадцима провеселитисе: а онъ оде, и наслонисе мало спавати. Косма дакле сад' са Светозаромъ, Чедомильемъ и свима у Двору, наново се, даже и до саме нотъи, провесели.

У вече при столу шалетьимъ имъ се заповѣди добрый и пуны радости Отаць свомъ возлюбленномъ сыну Светозару и Драгиньи снаи, да они сутраданъ еданъ пристоянь обѣдъ сами одъ свое стране као нове газде справе, и да нѣга съ матеромъ и свима у Двору на такавъ обѣдъ за свою собствену трапезу у свои' соба' позову. Хотью, вели, я да видимъ, какве тѣете Вы газде быти, и у каквомъ тью я, дѣцо моя, поредку ваше собе и ваше ствари застати: али, придода, ты Косара и ты Милисса, да се не усудите отитъи имъ, и у чемъ нибудь исправляти и'. Я тью единомъ служителю налогъ издати, да онъ на то пази. Вы све, Богу хвала, имате, настави Стараць, ваше прекрасне четири собе, куйну, свой млекарь (шпайскоммору) и све, штогодъ потребуете, имате обилно. Добро, Отаць, одговоре ово двое, Вы тѣете видѣти, како тѣемо Васъ дочекати: но Отаць любезный, придода младый газда, по учиньеной таквой проби опеть насъ приимате? То тѣе зависити одъ пробе, дѣцо моя, докле видимъ, како тѣете умѣти госте дочекати. Я самъ за мою дтьерь добра, Отаць, да тѣе она быти вредна, госте свое дочекати; но не знамъ, како тѣе намъ се сынъ Вашъ владаги. Госта умѣти дочекати, возрази

Старый, и домъ свой у чистотѣи и порядку держати, и не зависи толико одъ доматына, колико одъ добре доматыце. Право! Отаць! Стани! Стани! Послушай ме! Одъ бодря и паметна доматына, зависи, да добра и доматыца буде. Драгиня е, мое дѣте, до данась добра была, и добра ти се предае; одъ данась ты тѣешь рачунъ за ню давати, но у многоме и она за тебе. Зашто и одъ паметне и добродѣтелне жене много зависи, да и мужъ у своме дому добаръ газда буде.

Трепѣутьба радость срѣце в сад' овимъ двома занимала, како тѣе они, као нове газде, првый путь у свое себе ове любезне имъ госте дочекати, чимъ болѣе, и каквимъ ветхимъ усердїемъ нѣи мотѣи послужити, благимъ нѣинимъ желяма удовлетворити и увѣрити и', да тѣе они добре быти газде. Отишавшимъ имъ у чисте и прекрасно намѣштѣене свое себе всуе Драгиня разматраше сад' по нѣима, чега бы се рукама коснула, и шта бы она примѣтити могла, да иначе намѣсти, него што е мати нѣена съ Космомъ све лѣпо и по вкусу намѣстила была. Драгиня, рекне юноца, знашь ли шта? Овай, вели, малый орманъ съ порцелланомъ да помакнемо мало овамо! То самъ, приложи, и одъ Мамице чуо, да тѣе спрам' врат' стоевѣи, како се у собу удѣе, лѣпше у очи упадати, не жели овако. То учине, и Драгиня се радоваше, да су ипакъ баръ штогодъ поправити знали. Она Юшт' съ воштаномъ у руци свѣтѣомъ изъ себе у собу пролазетѣи разсудѣаваше, у койой тѣе соби, и како тѣе асталъ дати намѣстити? Найпослѣ почне и свое сребрно постолье прегледати. Шта тѣешь сад' опетъ са тимъ? рекне Юй Светозаръ, кой ветъ безбрижно легао бѣаше, смѣшетѣисе на ню, нетѣешь ли Юшт' сад' асталъ поставляти? Што ти е женско! Ты тѣути, па спавай; а я знамъ шта чинимъ. Право велишь! Нетѣу, придода, таким' стварма главе ни разбѣяти. Та я знамъ, возрази, она, да сте таки вы мужки.

Сутраданъ рано она се хтѣаше нѣему подкрати, да се оправи и посао свой предузме, ерѣ на

веселомъ срдцу ньеномъ единако бѣше, какви тѣ имъ гости тай данъ у по'оде дотѣи. Она се ти'о обуче, и све лагано на прстима къ вратма подѣе, смѣшетъсе у себи, како тѣе га предъ Старима за славача осудити и секирати га. На то онъ, кой се само чиню да спава, гро'отомъ се насмѣе: Да знашь, вели, да тѣу казати, да самъ те едва пробудю! Есть! кадъ бы ти се вѣровало! Сатимъ изидѣе и младымъ своимъ наредивши посао у куйни удѣе са двѣ свое служительнице асталъ намѣштати. Медьутимъ и младый намъ се газда оправи, и стане и самъ наредивати све у лѣпомъ согласю съ ньоме, и весело обов едва чека'у време, да свое миле Родителье виде съ прочима, аки бы се были Богъ зна одъ когъ времена одъ ньѣ' разстали. Справе имъ дакле найизредни обѣдъ. Дугій асталъ, чистымъ сребромъ покрывень, на-средь велике имъ собе блисташесе. Два младитѣа, лѣпо обучена, и къ служби приправна, пошлю садъ по ньѣ', на кое чисто обучени чека'у.

Чедолубивый Родитель, прекрасно такодѣе обучень, узме подѣ одну руку Косару, а подѣ другу Милиссу, за овымъ Косма Стару Егдохю и младу Пошу Цвѣту, а за ньимъ прочи сви, до 16. лица', и тако у разговору и шали подѣу ходникомъ къ резиденци овога сретного пара. Драгиня, спазивши и', истрчи имъ на срѣтенье. Но, млада Гаядарице, смѣшетъсе рекне добрый Отаць: Ёси л' рада гостима? Ёсмо, любезный Отаць, трептутьи машаютьи имъ се рукама одговори Драгиня, и добро сте намъ дошли. Они е отечески изгрѣе и излюбѣ. Светозарь, стоимъ на собны' двокрылны' у ходникъ врати' у десной руци воштану свѣтѣу, а у лѣвой вино и елей на сребрномъ сосуду држаше: Я Васъ любезни наши гости, рече, веселимъ ево виномъ и елеомъ! Сатимъ полюбившымъ имъ се ту пропусти и' юноша у собу. Дѣцо моя мила! рекне Старый, я Васъ данасъ, као првый путь у Вашемъ дому, са „Помози Вамъ Богъ!“ поздравляшь. Сатимъ извади изъ свога джепа шаку чиста жита, и просувши имъ ово

на главе и унакрсть по соби: Пшеница Вамъ, вели, одъ руке родила!

Сад', прогледавшымъ по собама нѣовымъ мило имъ буде, похвале и' и сѣдну обѣдовати. При обѣду Старый и Косара съ благоволеніемъ на нѣи гледа'у, и сва примѣчава'у, како имъ сад' ово двое у свачему правилу наблюдава'у, и съ каковомъ охотомъ и срѣца свога движенъемъ угодити имъ настоява'у, коима се иначе угодити и не могаше, развѣ, знаке мудрости и добродѣтели одъ себе показуютьи, чистъ поредакъ у свему у дому, и любезно согласіе медъу собомъ имаютьи. Они су едно друго любезнымъ само погледомъ за штонибудъ запыткивали; мысли су се нѣине свагда срѣтали. Старый сад' наиболее позна, колике е важности дѣло, кад' бы могло и свакоме быти, дѣцу, коя се къ едномъ браку опредѣле, еднимъ начиномъ и воспитавати. Они ти намъ и овдѣ и тай данъ весело проторжествую.

Я самъ Вамъ задоволянь, любезна чеда моя, полазетьи рекне имъ Старый. Вашъ поступакъ мени е у свему по воли, и срѣце се мов сад' испуњава пріятномъ надеждомъ, да тѣете Вы умѣти домъ свой управляти, да тѣете знати, и Ваше младѣе у пристойномъ реду држати, и фамилію свою, ако Вамъ е Богъ даруе, срѣтьномъ учинити. И ово е, дѣцо моя, Вашъ Старый Отаць — не, што бы я о Вама сумняю, но срѣцемъ умцльенъ захтѣо самъ — едну само пробу, као изъ шале съ Вама учиніо; — иначе мы Васъ ни у чему одъ насъ не разлучуемо; Вы съ нама у свему заостаете, осимъ што су ове собе и адидбари, кои су Вамъ овдѣ дати, Ваши, а чимъ тѣе Вамъ време ѳошт' што приумножити, видитьемо. Млади сте, радитьете. Докле се моя сѣнь надъ Вама простире, и докле моя Васъ рука управля, живитьете као моя дѣца и као што сте и живили, а по моѳой смрти, дѣцо, како Богъ да! Судба е, истина, дѣцо, Ваша на Васъ срѣтьномъ жребіе бацила; но Вы ѳошт' сила искусства потребуе, да Вашой таквой срѣтьи отвѣтдати можете. Вы ѳошт' валя да учите,

како треба свѣтъ познавати, како треба нрави разногоъ состоянія людей искусити, и како себе на благополучной той точки утврдити можете. Духъ мой, чеда моя, само е у Вама оживіо; али га време јошт' до оне зрѣлости довело ніе, у којој му бити надлежи. Едно само то, настави честный мужъ, мене тѣши и оживљава, што Вамъ е мати жена јошт' у снаги, млада и паметна, и што Вамъ е братъ ево у зрѣлы' ветъ година', на кое бы се я при концу мога живота поуздати могао. Зато, дѣцо моя драга, слушајте и'. Любовь медьу собомъ храните, и слабости едно другоме сносити учитесе, па тье све добро бити. Благостояніе тье Ваше цвѣтати, и Богъ тье Васъ свагда благословити.

Одъ овога дана благодушный овај и често споминяемый нашъ Стараць, любезни мои читатели, нова попеченія о фамилі својој предуземе. Чедомиль његовъ любезный, кой ветъ 16-то свое лѣто свршаваше, срѣце његово узнепокојаваше. Онъ дѣте ово вышше у Призрень шиљати не хотяше, изъ узрока, да га не бы дѣдъ му къ себи присвоио, у дворска га дѣла временомъ уплео, и одъ матери и братье га на вѣки разставіо, кое се Любомиру сбогъ његове ти'е нарави никакo не допадаше, но пошље га, као што напредъ рѣчь имадосмо, у Дубровникъ, мѣсто такодѣ знаменито, и врло цивілізирано, кое заиста трговиномъ и стицаньемъ людей одъ своју страна' у многимъ струкама јошт' больше, него и самъ Призрень цвѣташе, но нѣкакo и ту засад' сбогъ едногъ малогъ узрока, кой тье далье слѣдовати, нашемъ Старомъ не испунисе о юноши овоме желя. Брѣ добрый пріятель његовъ, коме е онъ њега и препоручіо бы, пошље му дѣте ово по маломъ времену натрагъ, не нарочито сбогъ предреченогъ узрока, него да буде свомъ старомъ Отцу на Инсталлаци (на кою и не приспѣ) и чрезъ писмо истый мужъ яви Любомиру нѣкій случай, радуютьи му се, као добрый пріятель, о прилици, коя му се ту на руку дае, да онъ съ племенитомъ ед-

номъ фамиліомъ у союзъ пріятельства додѣе. Но искусный овай своимъ любезнымъ унуцима Мен-торъ, проразсудивши, на каквой поклизной точки нъеговъ Чедомиль, ступають на 17-то лѣто, стои, не надѣе за добро, вышше тамо шилати га, премда му е и ово дѣте краснѣйше нрави было, благо и много мирнѣ одѣ старѣгъ брата, и тако одпише онъ свомъ пріятелю у Дубровникъ, захвали му на любви, и каже му у писму, да му се допада предложенъе нъегово за онай честный домъ; но да притомъ онъ дѣте засадъ при себи задржава, коме довольно посла, а и у дѣли земальски практике и у Двору свомъ надѣе. Онъ нъега садъ у Канцелларіи съ братомъ и Секретаромъ задржаваше, а Драшковичъ га и Светозаръ у послови наставляу и обучавау; садъ на извѣстне нѣкѣ часове къ себи га у свой кабинетъ призываше, и у нѣки особиты дѣли дворски приходъ и рачуна са Ісідоромъ упражняваше. Нѣкій путь послао бы га съ Космомъ на своя села, и свою велику економію, гдѣ бы се и по двѣ недѣлье задржао.

И будутъи настане имъ и сеенъ; велике врутине мало попрестану; и небеса топлоту свою умѣре; време се найпріятнѣимъ учини: то намѣри нашъ Старый съ младымъ Войводомъ изити у землю и цѣло ово княжество протъи, посѣтити, и видѣти, како му послови ходе. Онъ разашлѣ кнѣиге на све стране по мѣсти отмѣнниъ, и яви Магистратима, и по маньи мѣсти судейскимъ домовима, свой долазакъ, да ако има што ков общество о чемунибудъ нъему као Князу предложити, приправно буде. У овой прилици дакле садъ поведе Старый и Чедомилья. И тако съ нѣма изъ мѣста у мѣсто ходетъи, и свагдѣ се слова свои ради за публикумъ задржаваютьи, цѣо мѣсець Октоврїй проведу, и радостни се дома врате, гдѣ све здраво и на миру застану; — особито Староме буде мило, кадъ затече, да му е добрый нъеговъ Косма не само винограде обрао, шльивике све отресао, и сву лѣтину прекрасно

увезао, него му Јошт' и цркву сасвимъ веть оправіо. Космо мой! Сыне мой любезный! умилъень Отаць рекне му, ходи, да те загрљимъ! да те отеческимъ срдцемъ полюбимъ! Овако треба, полюбившисе сад' съ нѣмъ, овако треба да се и Отаць своѣмъ благопослушномъ сыну благодаранъ покаже, и, колико е нѣмѣ и дѣлы нѣговы задоволянъ, да му изяви! И овако и вы, дѣцо моя, съ Ваши сыновы и съ Ваши младѣи поступаите! Ми-ла е младѣима признателность старіи', — она нѣм оживлява и у охотный подвигъ приводи. Ёрѣ вышше любовь и лѣпа рѣчь чини, нежели стра'ѣ, псовка и чангрызанъ често, премда кадшто и безъ тога быти не може; но колико е могуће, чувайте-се сурова поступка съ младѣима. Вы доволянъ примѣръ имате у мени. Вы сами видите, да се мени свако изъ любви, а не изъ стра'а повинув. Стра'ѣ има и одѣ мене: али, какавъ? као благовоспитанный сынъ што има одѣ свога родителя. Ёси ли, сыне, настави Старый, у цркви дао веть и кандидла повѣшати и све, што треба, у редѣ поставити? Све е, Отаць, то готово: само докле уютру тамо одѣте, видитьете, како самъ Вамъ све лѣпо уредіо! А за звона пишу л' намъ што изъ Дубровника, кад' тѣе намъ се послати? Право! повиче Косара, Вы имате, Отаць, и едно писмо изъ Дубровника! На ключъ, Драгиня! и донеси га изъ мое спаватье себе! Ондѣ е на орману. Кад' Старый узме писмо, и отвори, — одѣ Сенатора! Пише му, да може дѣте Чедомиля сигурно послати. Читаютьи погледи на младитѣа: Ёси л' радѣ ты кицоше, да те опетѣ у Дубровникъ пошљемъ? Зашто не, Отаць, одговори онѣ, — ако сте у намѣренью томъ; то зашто бы сте и одлагали? Добро, вели, барѣ за ову зиму итьитьешъ! Ты га Космо не готребуешъ? смѣшетъи се рекне Старый. Та нашло бы му се посла, одговори Косма. Јошт', вели, люди нису намъ све ни овр'ли, а требало бы и вино одтакати и ракию петъи, тако мысліо самъ га Настояникомъ учинити: — но кад' е веть радѣ у Дубровникъ итьи; то морамъ другога гледати. А онѣ

бы, велишь, то званіє на себе приімію? Кажє, да воле него у Канцелларіи. Па шта бы ми и шкодило? возрази юноша. Я видимъ, вели, Браца, да Вама, кой око' економіа идете, поболье трбу' расте, него нашємъ Секретару и Отцу Ісідору.

По шальивомъ овако разговорѹ саобшти Старый писмо Недичья Сенатора Косари, на кою она: Добро, вели, Отаць, кад' она ніє вышше тамо, и нетьесе вышше вратьати: то и я налазимъ за добро, да се дѣте пошлє, баръ за ову зиму; а на лѣто, видитьємо. Я самъ съ Гаговичьємъ быо, — у ньєговомъ дому! Право! возрази Косара, — дакле? О какви су врли то люди, Косара! Но ніє имъ у истый ма' была дома! Тако — нисамъ хтѣо ништа ни споминати. Больє што нистє! Найпреваля дѣвойчє видѣти. О кад' бы Богъ дао, да само можемо и съ ньимъ у томъ срѣтњи быти, као што смо съ овымъ старіимъ! О Драгиня намъ є дѣте, Отаць, коюй подобнє мы вышше нягда натьи нетьємо!

Сутраданъ рано изидьє нашъ Старый Газда съ Арістідомъ и Космомъ своимъ къ цркви, и прогледи сє, како му є лѣпо овай, и у свєму по волю, оправити дао. Іконе по іконостасу чисто као живє. Арістїду самомъ будє мило, па часъ на своє дѣло, а часъ на Старога погледашє. Кандила одъ чиста сребра, бѣлєсє као млєко. Столови одъ зрѣлє ора'овинє, прекрасни. Одеждє дивнє укрутилєсє одъ злата. Путири, крстови, свєта трапєза, сє є то дивно испословано и сє скупоцѣнно. Прєстолпє іконе, великій образъ свєтогъ Архістратига Міхаїла, рекао бы човѣкъ сад' тьє проговорити. Горонъ высокъ и тучомъ, као и црква, покрывєнь. Ніє тако велика црква, рекнє Арістїдъ, Господинє, ал' є лѣпа и по вкусу. Та братє за мєнє и мой домъ доста є! На што ми вєтья? Сад' ништа друго, но да сє освети, и да сє звона Гошт' донєсу и мету. Лѣпо намъ, вели, и тако сад' пада, да є нарочито на Св. Архістратига Міхаїла троносати дамо. Као што и учини. Пишє кнѣгу у Никшитьє по Митрополїта, кой му

доде, и съ обычныхъ торжествомъ 8.-гъ Ноевриа посвети имъ цркву ову Богу и Св. Архистратигу Мѣханлу, у кой данъ завѣшта свою фамилію, да во вѣки праздниѣ овай, као крстно име Царске Немањичья фамиліе, обычно прославля. Тай се данъ у Двору съ Митрополитомъ любезно провеселе, и сутраданъ Старый, обдаривши овогъ честногъ мужа, купно и два калугьера изъ Монастыра, Ісідорова пріятеля, пошлѣе Косму са Светозаромъ, да и' до Монастыра испрати, и да одандѣ Косма узме Чедомиля, кой е напредъ у Монастырь съ Матеромъ и Ісідоромъ отишао бы, и съ нымъ у Дубровникъ иде, и тамо га остави, а Светозаръ са слугомъ да се врати дома.

Отцы Калугьери сад' Митрополита тай данъ кодъ себе задрже. Светозаръ са Ісідоромъ читаютьи ту древну нѣку у рукопису кнѣигу заведесе съ истымъ у препирку, кое Косма слушати сѣдне. Мати, видетьи Чедомиля, сад' весела, а сад' нѣшто као позабринута и смутна: Дѣте мое, рекне му насамом, зашто се тако на часъ спустишь? Вальда ти е, сыне, потежко, што се овако одъ насъ разставшь? и нерадо заръ у Дубровникъ полазишь? Онъ, држетъи еданъ прутить у руци, ниспустио бѣше очи къ земљи и съ прутитьемъ се играше. Кажи, сыне, мени, повтори мати, као твојой Мамици, ако што на срдцу имашъ; па ако ниси у Дубровнику радъ остати; а ты съ Брацомъ Космомъ можешсе вратити, еръ онъ и тако не иде нарочито тебе ради тамо, но поради звона. Мамице! Вы сте видѣли, возрази юноша, како самъ я весело бы, кад' сте ме са Старымъ Отцемъ извѣстили, да тѣу у Дубровникъ итъи, и кад' сте ме спремати почели: него: — Шта, сыне, него? Што те е Старый онолико свѣтовао? Не зато! А да? Старый Отацъ нѣшто на мене подозрѣва! При овомъ изреченью грону му сузе какогодъ киша. Онъ сад', штуцаютьи, едва рѣчь произнесе: Подозрѣвате и Вы нѣшто, Мамице, на мене, и очевидно познаемъ, да е мене нѣко облагао. А! Чедомилю! Дѣте мое мило! Ты се сынко у томе ва-

рашь. И одкуд' можешь то доназати, сыне, да мы што на тебе подозрѣвамо? Могу изъ Ваши' собственны' рѣчій, Мамице, доназати, рѣчій, кое Вамъ се у свему саглашаваю. Како то? Кое су то рѣчи? Како како? Шта ми имате онолико о дѣвицама споминати? Заръ мыслите, да я любимъ? Чедомилю! Ты тѣшъ мене разсрдити! На ову се рѣчь младить тргне. Мамице! — полюбивши Гою руку, — немойте прїимити къ срдцу! Помыслити можете, да колико е ко невинни, толико му тежже моря пасти, над' се што я найманье на нъега потвара; — а я тѣу вамъ истину овдѣ исказати, одкуд' сте почели подозрѣнїе на мене имати. Али любезна Мамице, тако тѣу Вамъ казати, ако тѣете у себи задржати, и нетѣетесе на мене разсрдити. Нетѣусе сыне разсрдити, и завѣштавамъ ти се, да нетѣу никоме ни казати. Я самъ оно писмо Господина Сенатора Недичья приликомъ одъ Старога добыю и прочитаю. Видїю самъ, шта о мени пише, но не знамъ за ово ючерашнѣе, шта у нѣему стои. Но Мамице! Истину Вамъ предъ самымъ Богомъ исповѣдамъ, да самъ я у томе тако правъ, тако чистъ и невинъ, какогодъ што Вамъ е незлобный онай у дому младенацъ — Светоликъ — невинъ. Али тежко тѣу я мотѣи Ваше матернѣе срдце о томе увѣрити; тежко оваку са себе лягу спрати. Зашто, сыне, тежко? Заръ е твоя Мамица тако тврда срдца, и толико тупа, да она изъ твои' рѣчій истину не позна, или, ако е и позна, да е — Не, Мамице, — прѣстите ми, пресѣко' Вамъ рѣчь — не зато, него свако оно срдце, кое вышше кога люби, ветѣма се и при малой погрѣшки плаши за нъега. Е, добро, сыне, и ту ти даемъ за право. Кажи ми дакле, шта е то было? Како си се ты съ томъ честномъ дѣвицомъ познао? Гдѣ си се првый путь съ нѣоме видїю? и преча, — а я твоє рѣчи, сыне, све прїинимаю за истинне. Мамице, све тѣу Вамъ казати, и молимъ, саслушайте ме внимателно, па као паметни рассудите овай случай, и будите ми правый судїя, да изъ Ваши' уста' я чувмъ, всамъ ли у чему кривъ, или не? А то е было овако.

Првы' дана' Юшт', дошавшу ми у Дубровникъ, еданъ данъ у Недѣлю изидѣмъ я изъ цркве съ літургіе, и съ нѣки младитьи подѣмъ дома: кад' ал' мене викне нѣко сазади: Соколовичъ! Окренемсе, и видимъ истогъ Сенатора Недичья, гдѣ стао бѣше съ нѣколико лица' ту у Порти. Мане рукомъ на мене, и я му одѣмъ. Лѣпо онако обученъ, и подъ сабљомъ, учинимъ како нѣму, тако и страннимъ, по дужности компліментъ. Ово е, рекне ми за едногъ ту Господара, кога самъ веть познавао, да е трговаць; ово е, вели, Господаръ Ѡма Братовичъ, мой кумъ, и ово е, — за одну Госпою — нѣегова супруга, а ова намъ е, приложи, Господична, Ваша сад' землякиня, изъ Нѣгуша, Господина Гаговичья дѣти, Блісавета, коя е, вели, овдѣ, кодъ свое тетке, — за ту исту Госпою — на науки. Я се опетъ ту нѣима учтиво поклонимъ, — радуемсе, велимъ, да имамъ ту честь, познати и'. Нама е особито драго, рекну они, Васъ, као Соколовичья, и славногъ оногъ мужа унука, познати; изволите насъ кой путь посѣтити, да се Юшт' и боље познамо, и шта я знамъ. Продѣе 5—6. дана', ал' мене окупи Г. Недичъ: Айдете, да имъ одѣмо. Айде! помыслимъ у себи, зашто не? У честанъ домъ отити, и съ добрыма людма, као у странномъ мѣсту, познатисе, не бѣва ми на вредъ. Одѣмъ дакле съ нѣимъ. И будутъи по поодне; застанемо и' у верту. Светаць нѣкій бѣше, — лѣпо обучени шета'усе по верту исподъ листовны' дрва'. Мило имъ ту буде, кад' насъ видѣше, и сви насъ найлюбезнѣе предусрѣтну. Нека имъ е и полакъ онога одъ срдца было, колико намъ се сад' ту покажу, доста е. Онъ, она, три дѣтери нѣине, една старица, и младѣи имъ у дому, све то сад' око' насъ буде у движенію. Уведу насъ у лѣпе, велике и чисте собе, дигну бѣле съ провора' завѣсе, посаде насъ на канапета, послуже насъ лимонадомъ и свакояким' посласаницама, сѣдну намъ дѣвице, нѣине дѣтери, пѣвати узъ арфу, — словомъ, свако угодѣнѣе намъ чиня'у. Искусимъ изъ саме бесѣде доматыцу, коя е, како ме потомъ

извѣсте, сестра Гаговичъа, да е една паметна женска глава, и една што се ретѣи може честнѣйша душа, жена цовысока и сува, около свои 40. година. На лицу нъеномъ видисе да е морала у нѣко време и врло лѣпа быти. Но колико ми се она овдѣ сад' допадне; толико о доматъину узнегодусмъ. Ерѣ изъ нѣколико рѣчій нъеговы' искусимъ, да е онъ еданъ — не замѣрите ми што тѣу ретѣи — простакъ. Почне ми ту нѣшто о своимъ дѣтерима и о мени коешта булазнити, най-послѣ не пропусти ми и то, Гошт' онако предъ дѣвицама, ретѣи, да кад' бы онъ мене ту у нѣке домове одвео; да ме само нѣке госпе виде, не знамъ каквогъ бы се онъ одъ нѣи' дара зато удостою. Я ово одъ нъега съ великимъ негодованіемъ примимъ, и — право да кажемъ, мало се и разсрдимъ; али нисамъ му се хтѣо показати, ветъ дамъ знакъ Сенатору, да подьемо. Овай примѣти на мени, зашто? и одма устане. Текъ мы станемосе праштати, ето ти намъ *Елице* — ерѣ тако *Елисавету* зову. Дѣвица млада, око' свои 14—15. лѣта. Видетѣи насъ ту сад' изненада сва порумени. Она найпре Сенатору, а потомъ и мени, учини компліментъ, и продѣе къ прочымъ дѣвицама, кодъ кон' стане, и на мене два трипутъ погледи, и то као крадомъ. Но Мамице! онакавъ живъ знакъ добра и честна срдца, онако беззлюбів, любезный стыдъ, и невиность, коя се изъ самы' очію овоме дѣтету у простомъ само погледу сад' изяви, я Вамъ не бы знао, нити бы Вамъ умѣо описати, докле е сами не бы сте видѣли! Мени чисто жао буде, да е у томъ дому, не за какво друго безчестіе, будутѣи тетка Гои е, као што реко', фина една жена, но само гдѣ е газда, тетакъ Гои — онако мало алькавъ на языку, ако е свагда онакавъ. И одма самъ, Мамице, на Васъ помыслио, како бы сте Вы то дѣвойче возлюбили! Была бы Вамъ друга Драгиня! Ал' опетъ, возрази Мати, знамъ да нѣе као наша Драгиня. Е! Мамице, ако тѣете Вы на то итѣи, да Вамъ она буде у свему као Драгиня, то Вы мени (тргне) — то Вы — мени — нетѣе-

те — вѣровати. Мати се на то насмѣе: Деране ты! Шта си хтѣо ретѣи? па изврте рѣчь! Младить се застыди и порумени. Ништа, сыне, ништа! Маmica се съ тобомъ шали. Но в ли каква и у лицу та дѣвица? Бестія една! кад' си ты тако првымъ погледомъ благу нѣену наравъ искусити могао, — и в ли што и у струку? Мамице, право да Вамъ кажемъ, не знамъ, може л' она друге дарове као наша Драгиня имати; али лица и струка што се тиче, не вѣруемъ, да бы много Драгинья уступила. Е! Добро! запыта опетъ мати, како тѣе даље быти? Я сад' са Сенаторомъ одемъ кутѣи: кад' ал' другій данъ ето ти мени Ђлице, коя съ Дафиномъ Братовичѣа додѣе Сенаторовици на посѣтъеньѣ. Ово бѣше дѣвица ветъ у зрѣлы' година', коя, за угодити заръ Ђлице, стане мене ту у лѣпомъ, и по истини, Мамице, честномъ разговору у присутству Сенаторовице забавляти, коешта ми преповѣдати и невинно шалитисе. И кад' бы годъ дошла, свагда бы и Ђлицу са собомъ довела, съ погомъ се я такодѣе мало помало упознамъ. Оне су мене сад' вышше пута' салетале, да имъ одемъ, но я сбогъ Отца Дафинина немаютьи воље дуго самъ се затезао, и нисамъ имъ хтѣо отитѣи. Найпослѣ рекнемъ у себи: Зашто я сбогъ нѣега не бы самъ отишао? кад' ме ветъ толико зову, — а на дѣвицама овымъ ништа ружно, Мамице, или найманѣе моралномъ чувству противно примѣтити нисамъ могао. Одемъ дакле, и посѣтимъ и' у дому. Госпоѣ стара, и мати дѣвица', као изъ шале пребаце ми, и мало ме укорѣ, што имъ кой путь не одемъ. Јо! рекне Стара, вальда младомъ Господину нѣе тако ни дозвољено, съ людма другога, и нижжегъ реда мѣшатисе. А! майко, одговоримъ ѿ ѿ я на то, немойте Вы то вѣровати. Мене су, приложимъ, мои Стариѣ тако учили, да я само измежду честны' и добры' и измежду худы' и злы' у саобраштаванью момъ разлику полажемъ; а не измежду благородны' и простородны', или богаты' и сиромашны'; — него дѣла моя, Майко, мени времена на то не даю.

И тако почнемъ имъ я и мало чештъе одлазати, но и Блица съ Дафиномъ (другимъ младьимъ нѣ в тетка ни повѣрвала) ни едну визиту мени дужна не остане. Али Богъ ми е, Мамице, у томе свидѣтель, да се нигда една ружна мысао срѣца мога у такомъ съ нѣима саобраштенью коснула нѣ. Укратко — осѣтимъ я, да ова дѣвица дѣйствително любовь къ мени зачинѣе. Примѣтимъ и то, да сестра Гой, иста Дафина, ветъма и ветъма стане око мене настоявати, да и мене у мрежу нѣене любви улови; но я срѣце мое наоружамъ, и стрѣлу Амора одбѣемъ. И тако, поуздавши се у себе, аки бы я надъ овимъ несташнымъ Божищемъ савршенно ветъ триумфирао, почнемъ имъ сад' безбоязньено одлазати. Но у овомъ се преваримъ; ерѣ осѣтимъ и самъ, да самъ безъ нѣе нѣшто неспокоянъ, а и при нѣой не тако, као предъ тимъ, весео. Старіи намъ то узму на умъ, и сад' о дѣвойчету истомъ, кад' видѣше, да имъ се чисто губити почне, вознегодую. Кад' ал' наеданпутъ мени Сенаторъ лѣпимъ начиномъ забрани, вышше онамо одлазати; но престане и она овамо визите чинити, кое сѣтимсе да Гой в запретьено быти морало. Мени е, истина, Мамице, съ почетка чрезъ нѣколико дана безъ нѣе потежко было, — но потомъ ништа! као да е нигда ни познавао нисамъ. Я нѣд иначе сбогъ душевны' качества нѣены' и сад' любимъ; но притомъ срѣце е мое мирно. Само то едно кад' помыслимъ, да може быти она што, као слаби полъ и нѣжнїя срѣца, сад' трпи; и лишена зарѣ спокойства онако млада уныва; кад' то, велимъ, помыслимъ, падне ми на срѣцу тежко, и — право да Вамъ кажемъ — жао ме е за ню. Благодаримъ пакъ Богу, да я томе поводъ нисамъ ни дао! Нек' обвинюе сад' свою сестру, коя е у томъ посредствовала, и свою тетку, коя е такво што попустила. — То е све, любезна Мамице, што Вамъ я каза', и што е поводъ дало Сенатору, да Вамъ о мени пише.

Е, добро! сыне, — Ако е то све тако, као што си казао; то ты ниси кривъ ништа, нити иста та дѣвица подъ погрѣшку спада, — зашто е млада,

и у вѣку, у комъ срѣцу своѣмъ слѣдуе; а шта иза-шта быти може, судити не умѣ: но крива е иста мати она, коя ову стварь на умѣ узимала нѣ. Садъ како се могу и честни родители сигурно поузда-ти, дозволити сыну своѣмъ, у млады' лѣти' и Юшт' неискусномъ, са женскимъ поломъ саобраштенъе имати? не нарочито зато, што бы се човѣкъ бо-ло, да младитъа честна на невалялство не наве-ду, — оваки' в рѣдко, и не могу быти свѣту и людма персоне худа карактера толико сакриве-не, да се не изяве: но зато, што многи, иначе чест-нѣйши люди, и родители, немаютьи довольноногъ искусства о любви, попусте своѣой дѣци, и не даю позора на млада нѣина срѣца, коя и у самой сво-ѣой невиности као двѣ каплье росе наблизу сто-етьи гледи да се слѣю, у таквой прилици погрѣше и вышше путѣй дѣте своѣ несрѣтънымъ учине. Зато истина нужно е иначе младитъу свакомъ, имати нѣко саобраштенъе са женскимъ поломъ, будутъи да му и то служи къ изображенью срѣца, учетьсе познавати и другу половину свѣта: али добро треба да родители очи отворе, каквымъ персонама свогъ сына у дружбаство и саобраште-нъе са женскимъ поломъ валя да вовѣре. Тако-дѣе и мати паметна дужна е добро позоръ дати, кудъ ѣой мила дѣтерца одлази, и съ кимъ и как-вымъ се младитъемъ она обходи, ако жели, да е или у мрежу любви онай као младу Юшт' не улови, или, што е Юшт' горе, да ѣой сасвимъ вратъ не скр'а. Та е, велишь, Госпоя Братовичь-ка паметна една и честна жена, а такодѣе и на дѣтерма никакво невалялство кажешъ да ниси при-мѣтѣю, — пакъ опетъ видишь, до чега се стварь довела. Зато нѣе довольноно, младежь чувати, да само у порокъ и невалялство не поклизне, но валя до-бро позоръ дати, да се и не залюбе, кадъ извѣст-ни нису, хотѣе ли обѣ стране на то саизволити, да младымъ срѣца саединъена не разставе, но бра-комъ и' утврде и благословъ имъ даду. Юшт' шта вышше, на овай второй пунктъ вышше го-тово валя пазити, нежели и на онай првый, зашто

онай првый не можесе лагко ни догодити, особито, кодъ лѣпо воспитаны' и дѣце обученне, и облагонравльене, — а увторомъ и найфинія срдца, найчестнїя духа и характера, могу поклизнути и страдати. Но кажи ты мени, сыне, настави мати, како ты мыслишь? Я бы на свакій начинъ волѣла, кад' то дѣвойче засада тамо не бы было. Зашто? Мамице! Вы се зато вышше не бойте. А друго, мени е Сенаторъ мало нѣшто при полазку и наговѣстїю, да тѣе пю тетка нарочито за овай случай кутѣи одправити, и я не вѣруемъ, да е досад' нису ветъ и одправили, кое бы самъ заиста и самъ на єдну руку волѣо, зашто, Мамице, премда я къ нѣой нїгда вышше отипао не бы; но она бы може быти любовь свою къ мени наново почела, и я самъ не знамъ, бы ли мени срдце мое и дозволило, да я нѣой баръ кадкад' мою наклоность не покажемъ, као да е тобоже тимъ утѣшимъ, а я бы їой тимъ любовь у срдцу нѣеномъ їошт' питао, кое бы ли самъ и могао толико суровъ и толико немилостивъ быти, спокойнымъ срдцемъ снети? — Словомъ, волю бы сад', да или я тамо не идемъ, или кад' одемъ, тамо е не застанемъ. Зато, Мамице! но! — нїе ми ползе говорити! Зашто? сыне, Ты са мномъ валя да съ отвореннымъ срдцемъ говоришь. Немой ты мыслити, да я изъ твои' рѣчїй благородна чувствованїя твоя не познаемъ. То самъ Вамъ хтѣо ретѣи, да е судба нѣена — при овомъ сад' пролїв грозне сузе низъ свое юношеске образе, — онъ падне предъ ню, не као предъ свою милу родительницу, но као предъ какву Богиню, наслони їой свою поражену главу на матернѣе прси нѣене: Дозволите ми, сладка Мамице, єдва рѣчь произнесе, дозвольте ми на овомъ источнику мога живота мало одпочинути, и сладкомъ овомъ изъ очїю мои' росомъ оквасити га! Она на то тронута буде, пригрльи га матернѣомъ милостью и ударе їой и самой сузе, кое любетѣи нѣега сєдїни съ нѣеговыма: Чедомилю! Чедо мое мило! Зашт' се сыне майки не изявишь? Кажи срдце, шта си заустїо? Майка тебе нетѣе оста-

вити, она тебе люби и чувствуе, ил' самъ ти се до-
сад' сыне чимгодъ грубомъ и немайкомъ показа-
ла, кад' као да не можешъ повѣренья въ мени да
имашь? Шта си хтѣо ретъи? Сатимъ убрише му
лице и исправи га. Но! сыне, дижутъи га да не клечи,
— Не, Мамице, не! Срнце се мое завѣштало, да я
ово съ колѣна' мои' Вама изрекнемъ: Судба е ис-
те дѣвице, коя мени, сладка Мамице, на срдцу ле-
жи, жребіе нѣено у Вашу руку повргла, — одъ
Васъ сад' зависи нѣена срѣтъа! Тако да е сад',
Мамице моя любезна, себи представите, да е она,
као благородно дѣте, изъ пуна дома изишла, на
любезный гласъ свои' милы' родителя' и не окре-
тъесе, но сузама поливена Васъ тражи, Васъ
иште, изъ Ваши' уста', као изъ благословена ис-
точника, срѣту свою чека. Братъ е мой, прем-
да сасвимъ невинно, као што самъ и я у овомъ
невинъ, едну ветъ у црно завіо; — учините, да и
я ову незавіемъ. Оно се мимоитъи и ніе могло; али
— Доста! Доста! сыне, и много е! О благослове-
но Небо! О любезно сходство наши' желя! Сыне
мой! убрисавши очи стисне му руку, буди утѣ-
шень! Мамице сладка! Смиѣмъ ли я изъ овогъ зна-
ка, изъ любезногъ стисньенья Ваше руке, срдцу
момъ поласкати? Смиѣшь, сыне! Смиѣшь, дѣте мое!
Желя е твоя испуњена, само, ако ти срнце твое
каже, да тѣешь ты съ нѣомъ срѣтъанъ быти и да
е све, што си ми казао, истина. Боже! возопи ра-
достанъ юноша, я самъ срѣтъанъ! Блице моя ми-
ла! ты овай гласъ мой гошт' не чуешь! Но кад'
тѣе дотъи радостный часъ, да е Вы, Мамице, ви-
дите, да е Вы познате, да се и Ваше матернѣе
срдце ове радости испуни, коѣомъ се мое сад' пре-
лива? Кад' ли тѣу я, и како тѣу гој, ако отишла
буде, радость нашу саобштити, съ нѣомъ е дру-
жески подѣлити? Она е отишла, рекне мати, но я
то на себе приймамъ. Сатимъ га смири и утѣши,
и пошље га весела у Дубровникъ съ Космомъ, а
она се врати съ прочима кутъи.

И будутъи сад' имъ ветъ и зима настане; сва
пріятность природе замѣнисе; ладни вѣтрови сви-

рѣпо почну ды'ати; свако животно потражи себя зиницу, — покрые на конаць и снѣгъ лице землѣ и све на нѣойзи предмете, — све се сад' утиша, и све се, као у ти'ой нотѣи смари. Но срѣтъный нашъ Стараць, као добрый и мудрый Патер-фаміліасъ, знадаше и ову часть године любезной своѣой фаміліи пріятномъ учинити. Прво, онъ свакоме, кой коме пристои, посао даде, да свако, у дѣлу свомъ упражняваютсяе, и не осѣтъа, како му време пролази, нити се тужи, да му е ово дуго, ков лѣнье мучити обычествуе. Цѣлый Дворъ нѣеговъ уподобляваше медной кошницѣи, и сви домочадцы нѣегови пчелами трудолюбивымъ, посредь кой' бы онъ као любезна матица пролазио, и прегледаютьи имъ послове ове бы похвалывао, и съ нѣима се, показуютьи имъ свое задовольство, и нащалио и насмѣяо; друге бы у чему кротко исправіо, и како што треба показао бы имъ; нѣке бы пакъ кадшто и накарао или и малымъ чимъ казнио. Женскій полъ, дѣвице, сна'е нѣегове и стара Евдохіа, едне су вуну, свилу и памукъ преле, друге, нижегъ реда, ланъ и коноплю; нѣке су, као сна'е, понайвышше лѣпо што са златомъ везле или што плеле, друге пакъ ткале и шиле. Мужки такодѣе. Косма настояваше надъ младѣима, кой му, едни около коня', други око' крава', волова и свиня' ходя'у, нѣки по подруми' око' вина и ракіе, око купуса, брашна, и прочегъ настоява'у и позорствова'у, да се каква у чему шкода не учини; други дрва изъ шума', къ сѣчи опредѣльена, принося'у, и градъу за воденице и сукнене фабрикѣе и валярице приправля'у, ков Старый будутъегъ пролѣтъа правити дати намѣриваше. Просту язъ села дѣчицу дао бы у топле себе свое, по 40—50. нѣи', сазвати, коя бы му по цѣлый данъ вуну чешляла, и себи што заслужила, — словомъ ретѣи, свакоме е онъ посла знао натѣи, но знао е онъ нѣима и часе ко увесельенію опредѣлѣити, време имъ къ одмору и младѣима на ягру дати. И онъ, као фѣлософъ, слѣдуютьи просту и свету природу, ніе се

нимало стыдію, или што за непристойно држао, што е онъ великій Господињъ, тако радити, нити е ньему сбогъ тога свѣтла нѣгова титула княжеска одъ блистанья свогъ губити могла. Кад' су могли, веляше онъ, у старо време Римски такодѣ Херои, Цареви и велики мужеви увеселенье свое у обдѣлаванью земље, скотоводству и економіи својой налазити, Јошт' у оно време, кое су потомъ златнымъ назвали; то зашто бы самъ се и я стыдію? Брѣ посао насъ не само одъ неваљалства задржава и у раскошь не падамо; него насъ и здраве чини, тѣло наше очврштѣвава и крѣпкимъ чини; ктоте посао намъ нужна къ уживленью нашемъ снискава, насъ богати, и не пушта насъ у сиромаштво пасти. Нѣеговъ Секретарь, Сенатори, Канцеллисте, Светозарь и прочи, кои му дипломатичко тѣло сачинявау, извршавали су му такодѣ дѣла политичка и земальска са свакомъ точностю, ово у канцелларіи, ово пакъ у кабинету нѣеговомъ. На време е нѣко извѣстно сабирао онъ и Господу, и знатна и благородна лица изъ земље, и съ нѣима е совѣтъ за землю и свой публикумъ држао. И цѣло е онъ цивилно ово тѣло, коме е онъ глава бы, тако лѣпо организирати знао, и у такій га лѣпъ поредакъ довести умѣо, да су му сви послови найсрѣтнимъ каналомъ текли, кое е нѣега увеселявало, и свагда у лѣпомъ духа и срдца расположенью садржавало, — слѣдователно, бы е увѣкъ здравъ, и онако подъ сѣды ветъ власи као какавъ юноша пуњъ снаге и руменъ. Онъ бы са Светозаромъ, Новакомъ и Бурямомъ и са своима ловцима сѣо на коня, и изишли бы куд' и по великомъ сиѣгу у ловъ, и свуда бы онъ съ овы млади люди крозь дубраве по гори и преко холмова какогодъ и они пролазіо, и нигда се потужіо не бы, да се яко уморіо, или на коню истресао. Обычай е имао, уютру добро ручати, по поодне око' два' часа' мало обѣдовати, но у вече опетъ добро е во. Віна е умѣрено піо, и нотью е ма-

ло спавао, кое бы нѣкій путь по поодне съ поочаса, наслонившысе, надокнадіо. Али!

Онѣ вданѣ данѣ по Рождеству Христову изидѣ гледати, како му люди звона у столпѣ — торонѣ — на цркви намѣштау, коя су имѣ на самый баднѣій данѣ изѣ Дубровника донета была. Забринутѣ нѣшто буде, што му Чедомиль по истымѣ людма ништа писао не бѣше. Весела нѣегова фамилія, ту стоетьи, рекне му: Ала, Отацѣ, како тѣесе селяни наши зачудити, докле чую на Ново Лѣто нова звона, кадѣ имѣ изненада загрме! Само, рекне Старый, да Богѣ да, да на миру будемо! Кадѣ намѣсте съ пѣніемѣ и торжествомѣ нѣкимѣ звона, зауставе два изѣ села свештеника и Юштѣ нѣколько селяна на обѣдѣ. При асталу запыта га Косара, да му нѣе што зло? Нѣе ми, Богу хвала, ништа, но, вели, не могу изѣ главе да избѣемѣ, што ми то дѣте ништа не писа? а вотѣась самѣ, придода, све о нѣему нѣшто саняо. Е, Бога Вамѣ Господине, рекну гости, валя зарѣ и сну вѣровати? Мыслите, рекне Косара, Отацѣ, много о нѣему; па зато га и саняте.

Кадѣ алѣ у очи Новогѣ Лѣта у поодне, ето ти имѣ нѣкогѣ трговца изѣ Дубровника, кой му кнѣигу одѣ Чедомиля съ любезнымѣ поздравомѣ дон се. Старый ѣ радостанѣ скочио са столице и странногѣ загрлѣо. Примѣ кнѣигу и читаютѣи осмѣнесе: Хвала Богу! весели сви повичу, кой нестрпѣливо на Старога и писмо гледау. Пасче едно! развесельенѣ садѣ добрый Отацѣ рекне, да си ми, вели, овдѣ садѣ, како бы самѣ те лѣпо за уво потеглѣо! Но! Благодаримѣ Богу, рече, я ово данаѣ набринуѣсе за нѣега! Да писмо и Косари читати и зауставѣ трговца на обѣдѣ. Таѣ данѣ сви буду весели, и Старый се садѣ самѣ себи чудяше, чега се ради онолико бринути могао! Косара пакѣ овымѣ писмомѣ не бѣше савршенно утѣшена, будутѣи отишавшу ветѣ трговцу Юштѣ вданпуть узме писмо читати, и садѣ по датуму види, да ѣ то писмо давно писано, кое нѣтѣ ѣ она, нѣти ѣ Старый у радости онако у првый маѣ

примѣтіо быо: — но тѣути и ништа не говори, да Старога наново не смуги. Кад' у вече при асталу, Старый до излишя весео буде. Шалисе по обычаю съ фаміліомъ своіомъ, смѣесе и пѣва. Будите ми, дѣцо, весели! Точите то вино, па пійте, да овако весели стару годину саранимо. Но како бы ми, настави, было, да нисамъ одъ сына писмо приіміо! Па Юшт' ми се, деранъ еданъ, и не извиноє ништа у нѣму! Право, Косара! Та онъ намъ ни Нову Годину у писму не честита! Камо ти то писмо? Я онако у радости и не прочита' га внимателно, — Донеси! Е, Бога Вамъ, Отаць, рекне Косара, валада е заборавіо. Станесе дакле сад' мати изговарати и не хтяше му га дати. Но Старый не изостави, — желяше еднако Юшт' га еданпуть видѣти. Она му га мораде дати, кое онъ кад' прочита, смугисе и погледи на Косару. Ова се као силомъ сад' осмѣне: Видла самъ, вели, и я то, Отаць; но онъ е морао датумъ помести. Али Старый, наново забринуть, подуго умукне, наконаць слегнувши рамены: Да Богъ да, вели, да добро буде! Та молимъ Васъ, Отаць, рекне Светозаръ, на што Вы слутите? Нисте Вы досад' такви были, да се за мало што уплашити можете. Не знамъ, сыне, рекне Старый, не знамъ, шта може быти; — но Вы сѣдите, а я тѣу такя дотѣи. Сатимъ устане, и подѣе у другу собу, грону му сузе на очи, и наслонисе на еданъ орманъ. Косара жагано удѣе за нѣимъ, приближи му се састрагъ, и чує га, гдѣ плаче. Смугисе и сама Юшт' ветѣма, поблѣди у лицу и вратисе у салу, на кою сви съ укоченным' очима и у трепету погледе. Мамице! За Бога, шта е то? упыта Драгиня, на кое и Косару полию сузе низъ образъ. Старый, вели, нѣшто намъ плаче! Плаче! возопи Светозаръ, и потрчи у собу: Отаць! За име Божіе, шта е то одъ Васъ? Ништа, сыне, вели, ништа! Остави ме мало, иди къ прочыма и тѣши и', — сад' тѣу и я дотѣи. Не! Отаць, молимъ Васъ, айдете и Вы са мномъ! Хотѣу, сыне, хотѣу, дѣте мое мило! као сбуньенъ изговараше,

убрише очи и Светозару исподъ руке подье. Сладка моя дѣцѣ! рекне имъ, простите ми! Я моимъ чувствама одолѣти не мого, па видимъ, да самъ и Васъ све смутію. Сатимъ посадисе на свою велику столицу: Наточите ми, рекне, чашу вина, и будите ми добре воље. Ако намъ е што одъ Бога опредѣлено, то насъ и тако мимоити не тье. Буряме! Ты, сынко, рано да устанешъ, — я у име Божіе зоромъ на путь мыслимъ. Е л' ми какво предсказаніе? или су само праздна нѣка мечтанія? не знамъ; — но осѣтѣамъ, да ми се срдце тако обтеретило, да я вышше сносити не могу, — я идемъ у Дубровникъ!

Текъ што онъ ово, у руци Гошг' чашу држете, изговараше, засвира имъ труба на Двору. Но! Тронути и сви, али Любомиръ као громомъ ударенъ, — Шта тье то сад' быти? запитаюсе. Бурямъ стрчи доле. Светозаръ загрльн Старога Отацъ! Сладкій Отацъ! Будите великодушни! Опоменитесе, да Вы насъ све оживлявате! И е л' могу тье, да Васъ Ваше душевне силе тако наеданпуть оставе? Не бойсе, сыне, не бойсе, дѣте мое, — Я тьу ударъ нѣкій судбе мое примити; но не мысли, да тьу подъ нымъ пасти. Будите — онъ ову рѣчь заусти, — ал' ето ти имъ предъ Бурямомъ и преддворителемъ (кой свагда на велики врати' стои), едногъ странногъ у црны' альби на' — съ писмомъ у руци великимъ — и подъ првымъ печатомъ! Страъ сад' у трепеть приведе цѣлу фамілію. Изъ Дубровника? повиче Старый, и дрктьутьомъ рукомъ прими писмо. Изъ Призрена, Ваше Сіятелство! одговори Странный. Ахъ! вальда е мой Отацъ! — возопи Косара. Старый, прочитавши мало, окаменисе. О Небо! повикне, е л' могутье? Опетъ баци очи на писмо, па на страомъ поражену око' себе фамілію: *Царъ намъ, вели, умрѣ!* — То рекне, савъ преблѣди, ослаби на ногу, — Светозаръ не могаше па задржати, и само му у толико сад' помогне, да имъ ние собомъ о сподъ лупію. Фамілія на то врисне, и сви му полете. Полумртва онако на

трепѣутье руке свои узму га и на постелю га дигну. Ништа овдѣ не бѣше жалостнѣ видѣти, нежели Светозара и Драгиню, кои пали бѣу на Старога, и люютѣи сузный бисеръ сыновне любви на нѣга: Отаць! Сладкѣи нашъ Отаць! Каква е ужасна судба ова за насъ! Каква изненада сбы намъ се промѣна! О Боже свесилный! Оваку ли смръть Отаць нашъ заслужи! Ахъ! Каква ли намъ се жалость къ жалости приложи! Косара сирота, како е у другу собу по нѣко средство ради помотѣи потрчала; тако е кукавица поредь ормана и пала, и сама се такодѣ безъ чувства учинила, — кое прочи садъ одъ Светозара и Драгинѣе скоро затае, и повративши е мало исправе е, и поведу у салу: Йо Отаць! Йо славо наша! съ разсуты по рамени власи вопіаше, и узме на руку нѣке укрѣпителне капльце и нѣима Старога умые. Светозаръ му садъ къ устма принесе огледало, на коме юштъ пару изъ нѣга искусе. Косара му почне истомъ водомъ и руке трти, и тако едва имъ мало къ себи додѣе. Сладкѣи Отаць, проговорте! Или гласа нашегъ не чувате? О Боже! Како онъ ово духомъ своимъ предвиди! Любезный Отаць! Еда лъ тако Вашегъ Светозара, Вашу Драгиню, оставяте? Ово изреченіе доведе га больма у животъ. Онъ садъ отвори очи, изъ кои му потеку сузе, простре свое слабе руке на ова два нѣму любезна цвѣта: Чеда моя мила! едва изговараютьи рекне имъ, не бойтесе! Светозаре Сыне, не бойсе! Срѣтѣный, дѣцо моя, часть мой мене мимоидѣе! Смръть одъ мене одступи! Но о колико бы и болье за мене — Но! Хвала буди небесама! одъ Бога е све! Ужасный овай случай изненада мене поразил! Но не бойтесе! Дѣлимо судбу нашу! Саединимо сузе наше! Сатимъ исправисе, и сви се онако око нѣга пригрѣе, люютѣи едно другоме сузе у нѣдра. Съдите садъ, чеда моя, съдите и плачите овдѣ съ Вашимъ Старымъ Отцемъ, — плачите! Доста смо пѣвали! Учитесе садъ познавати судбе Божіе! Садъ е управо срдце наше пробудѣено! О мило-

стивый свѣта управителю! Ко се овоме нада? Светозарь му узме руку и приносетьи е къ усти-ма своимъ: Какое себе осѣтъате? Отаць любезный! Мы на другу тугу нашу и заборависмо! О дѣте мое! Не пытай ме! Нетъе мени ништа быти! Не бойтесе! Камо та срѣтъа за мене, да намъ е онай остао, коме е садъ текъ живити требало: а да самъ я намѣсто нѣега очи склопио! ахъ! да не дочекамъ и не видимъ ово. Али — Богъ зарь самъ тако е захтѣо! Не бойтесе, дѣцо! Тѣшимосе упованіемъ на онога, безъ кога ништа быти не може! Утѣшитесе! Умѣритесе!

По довольномъ овако плачу и сѣтованью устане Старый, и по сали ходаютьи, утѣшителнымъ словомъ поублаживши мало фамілію свою, да писмо ѱошт' еданцуть прочитати, и пошто се пуно извѣсти, да е Царь на недѣлю дана' предъ Рождество Христово у Македоніи умр'о, и да су му тѣло войницы у монастырь нѣеговъ ветъ донели, гдѣ сильный Народъ оплакавши га славно га погребе; да е само назебао и грозницу добыо, у коѳой само 5. дана' проболуе и престависе. Кое кад' све саслушаю, наново сви бризну плакати, погледе на нѣеговъ любезный, одъ Аристѣда измолованый образъ, и Старый, машутьи главомъ: Нигда те вышше у другомъ не добысмо! Ахъ! болъе бы было, да те ни познали нисмо! Косара садъ скине истый образъ, и сви цѣлуютъи га запѣвау: Яо сунце наше! Яо славо и дико наша! — Доста ветъ, дѣцо! Доста! рекне Старый, Ние ползе сѣтовати! Што бы, бы! Да бы смо се садъ сви и потукли за нѣимъ; мы га вышше не повратисмо, нити жалость нашу изъ срдца нашегъ у сузама излити можемо. Остае намъ, Сынко Косара, време къ плачу, докле смо годъ живи. Молимосе паче Богу, да намъ младогъ Краля поживи, и достойнымъ га нѣеговымъ сыномъ учини. На ове рѣчи сви се садъ приталоже, и онако у ти'омъ унынію дуго потъуте. Найпослѣ рекне имъ Старый, да иду спавати; а онъ съ Косомъ, Новакомъ и Секретаромъ до поноотъи проведе.

Сутраданъ рано разнесесе жалостный оваѣ гласъ по свой земљи. Загре звона свуда по црквама. Ето на кога бы намъ судъено, рекне Косара заплакавшисе, новыма звонама зазвонити. Другій данъ пошлѣ Старый по Чедомиля у Дубровникъ, те имъ додѣе. Онъ садъ цѣлый Дворъ у црно обуче, и на Богоявленіе съ цѣломъ своимъ фаміліомъ пѣшице сидѣе у село у велику цркву, и како данъ буде красанъ и топаль, то народъ многъ, кой се бѣше сабрао літію носити, стаяше и по Порти, кои садъ видѣвши цѣлый дворъ, и свою Господу, у црно завѣну, и гдѣ пѣшице у цркву иду, сви на нѣи очи оброте и сви се смуте: а ступившымъ овымъ и у Порту погледе на дѣцу, коя попросту, но чинно, у црны' альпина' обучена бѣу, и на лицу пѣшиномъ господскомъ, кое имъ мало блѣдо бѣше, и невеселымъ очима нѣовымъ, изъ кой' тѣимъ погледомъ найживлю жалость изьявлява'у, — кад' и' погледе, велимъ, и виде и', тако сви ту поражени буду, и свакій се готово садъ заплаче. Старомъ се тимъ срдце чисто повреди. Онъ се не могаше задржати, да сузе изъ очію свои' и овдѣ не испусти, Онъ изидѣе съ народомъ торжественно на потокъ, гдѣ су садъ воду осветѣвали, и не съ малымъ удивленьемъ на лицу свакога жалость и тугу примѣчаваше. Они га и нису као цара, него су га као отца жалли, и не као подданицы, но као найлюбезніи сынови нѣгови, кое в народъ не само овдѣ, но свуда, по цѣломъ Царству, чиніо.

Полазетъи изъ цркве Старый зовне Свештенике и Старѣшине на обѣдъ. Народъ е за нѣима гледао, и невина дѣчица крозь народъ се протискиваше, да виде печалну Господу свою, едно другоме говоретъи: Умр'о намъ Царъ! Кад' удѣу у Дворъ, падну опетъ едно другоме око' врата и плачутъи тако воціа'у: Да е баръ државу свою утврдіо, да е раскуте силе нѣене опетъ сабрао; и дѣла своя політчка у болій поредакъ довео: было бы и ковако, — ал' овако изненада намъ умрети! и сына млада Гошт', у ратови' и найсмут-

нѣмъ времену оставити! Плакали смо и за Отцемъ нѣговымъ, бришутъи сузе свое рекну, но съ много больомъ надеждомъ, да тѣмо у сыну утѣшени быти (као што и буде) — сад' смо у нѣму изгубили и найтврдыи стубъ нашъ, на комъ намъ се царство основало. Шта учини у мало времена! Шта ли бы Юшт' учинио быо! О любезни мои! одговори Старый, колико су ми больма нѣгова висока предпрятія позната; толико ми в дубля сад' у срдцу момъ рана; и колико ми в многи' у Двору несогласіе извѣстніе; толико ми се сад' оно ветъма страомъ испунива.

При обѣду сад' другогъ разговора и немадоше, развѣ о нѣму, како имъ в предъе 4. мѣсеца ту быо; како се веселио; како се са свакимъ любезно разговарао, и проч. Но да се мы, любезни читатели мои, и не задржавамо при овомъ печалномъ предмету, кога силу я и нисамъ у станицю описати, какво в упечатльенъе смрът Душанова у срдцу народа нѣговогъ учинила. Не иначе, но као да су и предвидити могли, да имъ в смрът нѣгова престолъ царскій изъ самогъ основа тако потресла, и тако га къ паденью нагла, да га вышше нигда младый Неманъичъ и единаць у станицю быти нетъе исправити, и на онай га темель удесити и утврдити, на комъ в онъ 200. година' быо. Годину дана' нѣ было чути у цѣломъ царству мусіке, нѣ было видѣти предъ домовы дѣвице у колу, нит' су красне дѣвери Србске гдѣгодъ запѣвале.

Но обратимо, добрый Читателю, Юшт' еданпутъ сузно око наше на Сербію! Бацимо баръ Юшт' еданпутъ плачевный погледъ нашъ на прва она у држави овой слѣдства, коя се по смрти бодрогъ нѣногъ Монарха Душана появише, и коя су: Турцы, кои су пре Юшт' изъ Азіе у Европу упузили, и себе у Грчкимъ нѣкимъ предѣлима угнѣздили были, одкуд' су свагда на Македонію и Албанію, красне ове земље, Србской круни Душаномъ подчинѣене, као гладанъ вукъ на сладкій залогай съ отвореннымъ челюстма гледали, узвол.

яуюсе сад', и видетьи мачъ Силногъ Цара повргнутъ, а сына нъегова, врло млада, и у жалость за любезнымъ родителъемъ своимъ сад' погружена, намъре, оружье сад' противъ Србаля дигнути. Младогъ Уроша бодрый духъ изненадномъ смрътю Отца нъеговогъ толико скрушенъ, и толико у уныніе баченъ бѣше, да му се ништа милило нѣ, да се ничега при'ватити не могаше, но у своіой задумчивости само сузе проливаше, и као дѣте одъ плачне свое матере чисто одступати не могаше: но повѣри сву силу воинства свога Вукашину Мрнячевичъу, Деспоту; и бывшемъ любимцу Родителя свога, — мужу, у оружію истинна врло храбру, кога онъ сад', прогласивши себе за Цара, наопако како по себе, тако и по цѣлый народъ свой, Кралъемъ постави. Но шта е онъ сиромѣъ, онако младъ юшт', и знати могао, да тѣе га башъ у томъ уести гуя! Овай истина сад' са своіомъ братъомъ, Угльешомъ и Гойкомъ и прочима знатныма Войводама, осѣтивши Турско умыщльенъе, одма сбере войску, и нечекаюћи непри'ятеля, да имъ се къ границама приближи, удари, и 70. хиляда' Турака тако силно у Македоніи разбѣ. и тако срѣтъну побѣду надъ нъима оддржи, да себи велику славу получи, и велико впечатльенъе у срдце, не само младоме Цару, но и цѣломе Народу учини, да сви рекну: Судба тѣе намъ у овомъ мачъ Душановъ оживити. Особито се у овомъ рату сад' измежду прочи' войвода' покажу Угльеша и нѣкій Крела. Ови се одъ прочи' и у искусству у оружію отликовау.

Срѣтъна ова побѣда младогъ намъ Царамного обнадежди; но и Вукашину путь отвори, да се осили, да на послѣдакъ и царствомъ цѣлымъ као Монархъ управляти почне. Онъ сву войску, сву наоружану силу, подъ свою руку подчинивши извуче вратъ свой исподъ зависимости одъ Цара и Двора. И онъ да е имао и душевне даре за овакавъ высокъ санъ и достоинство, као што е храбаръ, и купно съ братъомъ своіомъ у оружью вреданъ быо: у сто добры' часова! Но были су

само силни тѣломъ, храбри и продрзльиви, тако, да куд' су годъ пусти нагли, тамо су силно и продирали, безъ свакогъ готово разсудьенья, како тье, и на што тье што изити, аки бы имъ она свештена мысао на срдцу и не лежала была: Цара и свое отечество бранити; за ползу и благостояніе народа крвь свою пролити, и за славу нъегову труде и подвиге предузимати: него само, да они учине крвно дѣло, и да поважу свою чудесну храбрость, — па куд' пукло да пукло! И тако слѣпо поступаютьи напоследакъ слѣпо и пропадну. Но ние сва штета ни у томъ, што они пропадну, него што су, лудо съ Турцима воюютьи, силе цѣлогъ отечества разсипали и сувтно и' источавали. Они честымъ нападаньемъ на Турке раздражили су ове дотле, да се ови изъ Азіе, као изъ какве кошнице, на одбрану своимъ, све вышше и вышше у Европу разрояваше, и овамо се тако умножаваше, да они лѣпо овымъ начиномъ све оне прекрасне Грчке предѣле, Силнымъ Стефаномъ завладане, себи одтргну, и тимъ Турчину путь отворе, да се ови примакну даже и до самы' граница' собственне нъине државе. Ето имъ храбрости нъине безъ мудре главе! Они су храбростью своѣомъ, онако неучени, само кодъ мудра Цара могли на Марсовомъ полю за орудіе служити, као што су кодъ Душана и важнили, а не скиптръ држати и царска престола искати, ков ние за праздиє и бує главе, но за мудре, питоме и благочестиве. Зато в храбрость за добыти, а мудрость да царствує, као што намъ лѣпо о томъ и Соломонъ царъ говори: *Тобою вели, Царіє царствують, силни пишутъ правду*, сирѣчь мудростью, — Тобою вельможи величаются и властители держатъ землю.

Младогъ су намъ Цара истина Вукашинови луди поступцы потомъ и пробудили, и онъ сироматъ намысли, овоме Ікару, кой неразумно на тудьи' крыли' летѣти починяше, власть одузети и нъега смирити, пакъ кормило царства свога у свою руку примити; но по несрѣтѣи ово за нъега ветъ

буде касно, ерѣ Вукашинъ сад' на вр'у цѣле во-
енне силе, и изванъ царства стояше. Сад', шта е
одавдѣ слѣдовало, познато е готово и свима Срб-
льима нашимъ, нити я могу овдѣ, нити поредакъ
овога дѣла мени допушта, такво што спомнѣти.
— Но вратимосе паче къ честномъ нашемъ Стар-
цу, и къ любезной фаміліи његовой у Црну Гору.

Онѣ сѣдне и напише велику кнѣгу своѣмъ
младомъ Цару, у којой га довольно тѣшаше, да
умѣри свое сузе за любезнымъ родителѣмъ сво-
имъ; да тѣши и печалну матеръ свою, и да гледи
за народъ и отечество свое, кога жребіа сад' куп-
но са скуптромъ изъ умрле родителѣске руке
пріими. Пише му и то, кои' у Двору валя да се
придржава и совѣтомъ се води, кои' пакъ да се
острегава и да добро око на њи и поступке њи-
ове отвори. Понайвышше совѣтоваше га у кнѣ-
зи, да прибере войске свое къ границама, и да и'
одма одъ Вукашина одтргнути гледи. Онѣ њему
опише и начинъ, како тѣе мотѣи ово найудобнѣ
учинити, и проча овака изліе му у кнѣгу изъ свои'
прсію. На коначъ онѣ ни тимъ не буде задово-
лянъ, но онако старъ, и бригамъ за отечество
свое и Цара поразслабленъ, препоручи домъ и
правленіе своѣмъ Княжества Новаку, Драшкови-
чѣу Секретару, Светозару и Косми, пакъ предуз-
мѣ путь даже и у самый Призренъ. Ту савдини
сузе свое са сузама прочи', и до Маія мѣсеца у
Двору проведе, ово царицу удовицу тѣшетѣи, и
младого Цара непрестанно совѣтуютъи: ово пакъ
съ Богданомъ, Бучиномъ и прочима, кое е онѣ за
добре патриоте познавао, у согласію о средства',
коима се може у тако време и при младомъ Цару
држава утврдити, найприлѣжнѣи радетѣи и послу-
ютѣи. И не само да му се Урошъ покаже, да тѣе
се свагда постоянно и найохотнѣи совѣта' његовы'
држати, но и проча ту силноименита предречена
лица тврдо му се сад' завѣштаю, и изъ почитанія
къ Любомировой оной горетѣой за отечество лю-
бови и клетвомъ му потврде, да тѣе они дано-
нотѣно надъ Младымъ бдити, и њега свагда на

дужности његове опоминати и увѣштавати га, да се само увѣкъ оны' правила' придржава, и по онымъ установленьяма водисе, коя су они сад' медьу собомъ и у присутствію његовомъ и матери му тайно одъ други' свршили и установили. И тако ти намъ се нашъ Старый, довольно обнадежденъ, и довольно утѣшенъ, врати опетъ во своя си.

И будутъи да онъ свога Чедомиля искусію баше, да му се и за оно нѣколико мѣсецій у Дубровнику у дѣли' Магистратуалны' добро ползовао, и да онъ може свакій посао, кой му се даде, лѣпо одправляти; престане о томъ сасвимъ и мыслити, да га ѡшт' куд' на нѣко време пошлѣе, — но паче стане о томъ сад' разсудьавати, како тѣе и њега оженити, и равна га братъи његовой учинити. Онъ исчекуютьи сад' Господина Гаговичья Жупана, да му додѣе, по кога е и писао быо, предузме нѣке градъанске законе, кое му е Царъ за поправленье быо вручію, и стане поособно на Црну Гору, уколико што овой земљи сходно быти може, поправляти. И знаютъи, колико е ово дѣло трудно, на овако што многе и различногъ понятія главе склонити, приволѣти и у едномысліе и' привести, да они оваку новостъ сви одобре и согласно пріиме, измысли вѣштый нашъ Стараць, и мудрый за свеобщте благополучіе политикъ, нѣко средство, коимъ видяше му се да найудобнѣе къ концу свомъ дотъи може, — то е ово. Онъ призиваше къ себи све понаособъ главне люде, и свакоме ово, као нѣку тайну саобштаваше, молетъи га лѣпымъ начиномъ, да онъ одъ своѣ стране у собору саизволи и метне вотумъ свой на таке нове законе, да потврди и онъ, да су они весма добри, и за цѣлу земљу весма полезни, да се њима уводи нѣко равновѣсіе, да за свакогъ, како благородногъ, тако и за простогъ земьедѣльца у свему право буде. Истина, придаваше онъ свакоме, да тѣе овдѣ прва класса малый нѣкій уштрбъ имати; али зашто и не бы сте Вы, любезни мои, такавъ уштрбъ и поднели, да

учините, што е предъ Богомъ право, и да съ мир-
ніомъ совѣстью оно, што Вамъ е Богъ дао, ужи-
вате? да и кукавный, вели, нашъ простакъ на
насъ не плаче, и на насъ къ Богу не уздане. Само,
вели, Вы — наставио бы — одъ Ваше стране то
учините; а ако и прочи на то не саизволе, я не
могу шта силомъ, — само, вели, да могу потомъ
когагодъ имати, о коме бы самъ у Дворъ явио,
да е овай и овай, као благодущный градъанинъ,
вотумъ свой метнуо. Мени истина, придода, не бы
ни требе было, такво што Вама ни саобштити, но
чекати истый данъ собора, и ондѣ бы свакій изъ-
вио, кой како за свой публикумъ мысли; но у ед-
ну руку и несумняютьи, да тѣе и' быти доста, кои
тѣе вотумъ свой на исте законе метнути; я
изъ мое къ Вама и къ фамиліи Вашей любви, же-
летъи, да и Вы у овомъ о себи какво изятіе не
учините, и себе у классу Егонста' не счислите,
чимъ бы стесе и у Двору замѣрили, не пропу-
штамъ Вамъ пріятельски стварь тайно одъ прочи'
саобштити, да знате у собору, ков Вамъ е стране
совѣтніе придржаватисе, и т. д.

Овымъ дакле начиномъ онъ, као правдолю-
бивъ мужъ, као честный соградъанинъ и вѣрный
рабъ Божій, кой се удостоява надъ многима бы-
ти поставлень, едногъ по одногъ све льпо наше
благородне Црногорце у честну свою мрежу прав-
де, кою е нъему Мінерва дала, као рыбе по'вата
и улови, и тимъ и' за свое имъ собственно добро
превари, те они исте законе пріиме и одобре, бу-
дутъи се они сви у собору, свакій поособь Стар-
цемъ напредъ одушевльени, тайну ону свакій за
себе држетъи, у раздѣльенью вотума' еданъ дру-
гомъ на удивльенье согласе. Старомъ е то не-
описана радость была, да му се намѣренье
овако срѣтно извршити даде. Онъ имъ ту
сад', онако весела срдца, такво слово избестьди,
доказуютьи имъ, какавъ тѣе имъ плодъ изъ ти'
закона' време произвести, да су сви, радостью
иѣкомъ уповни, кад' е онъ свршио слово свое,
„Многа лѣта Господину нашему!“ воскликнули. За-

коне ове,, одма по заклетви на нѣи, свуда у Држави той по црквама разгласе и народу и саобщте. Ово сад Старогъ намъ Соколовичья сила поуѣши. Онъ чисто духомъ своимъ предчувствоваше, да ни една Провинція, изъ кои се царство Србско састояше, не може тако сигурна и изванъ сваке опасности бити, као Црна Гора, кою и естество само тврдо оградѹе. Дошавши са Собора кутѣи, и толике силне и уѣшителне кнѣиге заставши, у коима га, особито изъ Двора, увѣраваю, да е све добро и све срѣтно, хвала Богу милостивоме, говораше, кой на насъ, и на Народъ Србскій, благодать свою показуе, и насъ, вели, као древногъ Израиля, ако и погрѣшимо, опетъ милуе, и по благиости својой насъ као и нѣга опетъ не оставля.

Послѣ два дана по своме дома са Собора повратку изидѣ Старый Князь са својомъ фамиліомъ у великій вертѣ свой, и надгледавши, како му люди у нѣему раде, оде и у Пчелнякъ. У истый данъ, око 18. Маія, многе му ту кошнице бяу роewe пустиле. Стане съ дѣцомъ и гледи, како му люди съ Пчеларомъ око ровва прилѣжавау, — кадъ алъ ето ти му еднога служителя: Господине, вели, изволите дома дотѣи; странна нѣка Господа на Васъ чекаю. Онъ на то поити, и ступивши у преддворіе смотри странне, кое му Косара на алтанъ извела бѣше. Отаць! повиче Чедомиль, оно су, вели, Господинъ Юговичъ и Господинъ Милорадъ! Старый дигне очи на алтанъ: Айдете Газда! повичу странни, камо сте? Дали сте се, вели, на Вашу економію, као да тѣете Богъ зна колико гоштъ живити! Любомиръ, пунъ радости: Добро сте ми дошли, любезни мои гости! Добро сте ми дошли! любетѣисе съ нѣима онако гоштъ у ходнику, — Милораде, брате! возопи, одкудъ ты за волю Божию данасъ? Сатимъ удѣу у салу: О радости мое, коіой се заиста нисамъ надати могао! Драго намъ е, рекну странни — кои гоштъ троица ту бяу дошла — и радуемосе, да смо Васъ све здраве застали. Сатимъ полюбесе и съ прочима.

Благодаримъ Богу! рекне Старый, сви смо здрави! но ето! — Како насъ видите. То изрекши бризие плакати и Богдана загрљи: Шта бы, брате, за име Божіе! Е! Шта знамо? Божія е воля тако была! Престанимо ветъ еданпутъ, и заборавимо на оно, што вышше повратити не можемо. Јо брате! тежко е добро заборавити! Све, све, приложи Любомиръ, но како му планъ не покваристе, да не иде зими. Опетъ Вы! Колико сте ми путій ветъ то рекли, и не бы се чудіо, да ми ко другій то каже. Та Вы сте га познавали најболѣе! Ко бы нѣга одвратити могао, кад' бы куд' науміо? Човѣкъ бјаше преко мѣре силанъ, кой тежко за свашта слушати може. Кад' Вы нѣга нисте могли преокренути, кога е онъ најболѣе слушао; како бы смо мы могли были? О жалости наше, и вѣчите штете наше! Шта се учини! — Младый е здравъ? Богу хвала здравъ е, да болѣе быти не може, а и надеждомъ о себи одъ нѣкогъ времена осіява насъ као пролѣтно сунце: но скидайте те' альине! Што е было, было! Мы га вышше не исплакасмо! Послови намъ у Двору прекрасно иду; закони намъ градъански силу свою не губе; воинство намъ е у свомъ поредку; држава намъ цѣла, Богу и Св. Архістратигу хвала, никаквогъ уштрба до данасъ ни у чему на свету не познае. Испуняваймо само дужность нашу, па се не боймо! Све е добро и добро тѣе быти. Мене твое рѣчи оживляваю! На то сад' Богданъ извади му нѣка писма, одъ кой' едно пружи Косари одъ Отца нѣногъ, а едно Светозару одъ Цара, коя ови одъ радости полюбе и почну читати.

При обѣду сад' ова два пріятеля Старомъ Любомиру сила кочица напреповѣдаю, и сила га такодѣ утѣше и разговоре; но опетъ му нѣке Дворске кабале Богданъ претѣути. Они важны' нѣки' дѣла' ради и недѣлю дана' при нѣему се позадрже. Любомиръ осмый данъ одпустивши ове радостно сад' изгледаше и Г. Бучина, кой имъ е преко писма явіо быо, да тѣе имъ скоро дотѣи. Онъ намѣриваше нѣкимъ посломъ и у Дубровникъ

итья; но едно Бучина ради, а друго приспѣваше имъ и Праздникъ Сошествія Св. Духа, — нерадь бѣше одъ дома одтиснутисе. Лицемъ на праздникъ уютру ето ти му два млада Священника изъ села и съ нѣма два црквена татора, кои поздравивши га праздникомъ замоле га одъ стране общества нѣвогъ, ако бы имъ икакo любовь учинити могао, да имъ съ фаміліомъ своіомъ на такавъ великій праздникъ у каедралну цркву додѣе, и своімъ долазкомъ народъ имъ обвесели. Добро! рекне Старый, поздравите ми Г. Проту, дотѣтъу Вамъ, али подъ тимъ, вели, уговоромъ, да онъ данась, купно съ Вама, при мени на обѣду буде. И тако да явити своѣму священнику Ісідору, да на нѣи не чека, но да у Архаггелской ранѣе литургію сверши, и самъ потомъ сидѣ доле. Сад', Косара! Дѣте мое, отишавшымъ Свештеницѣма, рекне Старый, моя е воля, да Вы сви данась црно скинете, и да се данась, на овай великій праздникъ, сви лѣпо обучемо. Ово тѣе ветъ 5. мѣсецій брате быти, одкако смо се у црно завили. Я Вамъ, Отацъ любезный, рекне она, нисамъ ништа смѣла споменути, — а и сама самъ то желила; врѣ мы га вышше не повратисмо, да бы смо нигда црно са себе и не скинули, а и тако, придода, до кой данъ чекамо найлюбезнѣегъ намъ и новаго госта, да насъ Богъ нѣимъ обвесели и утѣши, па не бы самъ была рада, да насъ такавъ гостъ, а буди бы была и гоштѣя, у црномъ застане. А! имашъ право, сынко! Да како! То е прва наша радость! Но како ти се види на нѣой, хотѣе ли ветъ време быти? О да! До кой данъ! На то удѣе имъ Драгиня, кою онъ отечески пригрлѣвивши: Дѣте мое любезно, рекне Гой, я хотѣу, да ми се данась лѣпо обучешъ, у чисто бѣло, и я и Мамица, и сви, па тѣемо доле у цркву итъи. О Отацъ! Далекo е! Не пѣшце, сыне! На коли', лѣпо и парадно! Мы престаемо вышше плакати, престаемо, дѣте мое, сътовати и црно носити. Мы у име Бога у прво се наше одъ данась станѣе повратѣмо. Да како ты мыслишь? Што намъ е одъ Бога, о оноѣ не вая

да толико унывамо и тужимо; — мы валя да се и нашегъ Св. писма опоменемо, кое намъ говори: О умершемъ не плачите, яко неимуции упованія (на Бога). Ако нисмо у првомъ кипльенью наша чувства побѣдiti могли, кад' насъ є жалость посѣтила: сад', хвала Богу, Вашъ є Старый Отаць утѣшенъ и опеть весео, зато и Васъ све утѣшене и веселе опеть видѣти желимъ; — но овамо 'альине! Обуцитесе данасъ, на Сошествіе Св. Духа, како найбілье знате. Имате, благодаримо Бога, у што се обути. И тако сви се у лѣпо одѣло и благородно обуку, и кад' другій путь звона благовѣсте, сѣдну на кола и сидбу у цркви.

По светой служби лѣпо узме Г. Проту, Тугоре и оба Свештеника са собомъ на обѣдъ. Сад' му фамилія и цѣлый Дворъ чисто оживе, видети само нѣга у лѣпомъ расположенью и весела. Сѣдетимъ имъ Гошт' при обѣду Драгиня му приступи и запыта, бы ли смѣла мало у кумвалъ ударати? Да како! весело повиче Старый, — слободно, дѣцко моя, — зашто не? Мы данасъ валя да сви весели будемо, єрбо Духъ святой, утѣшитель нашъ, приде, и посѣти насъ Богъ благодатию своєю. Онъ ово само по бладушію Христіанскомъ и изъ любви къ своіой фамиліи, а особито Драгинье ради у садашнѣемъ нѣномъ станию говораше; а не, што бы му срдце сасвимъ исподъ оногъ камена печали ослободѣно было, премда є ветъ подоста и утѣшенъ быо. Сад', кад' види бодру и веселу юность около себе, коя му є толико дуго време унывала и тужила: Боже мой, помысли у себи, они сви изъ мене, као источника каквогъ, и жалость и радость себи поцрпяваю.

Уставши одъ трапезе изидбу 'сви у дивльій вертъ. Онъ, съ гостима разговараютьсє, лагано се шеташе, а дѣца му се съ Милиссомъ и дѣвицама почну играти и туда вѣяти. Косара бы често младу свою сна'у опоменула, да се не мори. Кад' имъ овако време мало поза'ладни, изидбу на поле, и чистомъ поляномъ исподъ Двора шетаютъсє тѣо се разговара'у, и додбу на зеленый

оглавакъ къ цркви и къ великимъ растовима. Ту стану и гледи високу пирамиду, кою му бяу тѣ дана, као надгробный споменикъ, люди свршили. Дивно дѣло, Ваша Свѣтлость, рекне Отаць Прота, гледетьи на пирамиду и двѣ прекрасне статуе, кое съ едне и друге стране, на мермерны' стубови' утврдѣне, чиня'усе као да имъ плачу. Та ето, рекне Старый, дѣца моя, Косма и Светозарь, навалише, да се то начини. Айде де! рекнемъ, дѣцо! нек' буде и то, као домъ, у кой Вамъ жели Вашъ Старый Отаць првый унетисе, — а послѣ, како буде Божія воля! На пирамиди овой повысоко одъ чисто бѣла мермера изсѣченъ бѣше грбъ Любомира Соколовича: нѣке хоругве, мачеви, добоши и проча. Предъ пирамидомъ бѣше такодѣе начинѣна една низка, но пространна, и одъ камена на сводъ сазидана пештера, — тако искусно сазидана бѣше, да се едва и помыслити могло, да ю е човѣкъ сазидао, но као да е одъ саме природе онака постала, — толико е нѣкій Италианаць естеству подражавати знао. Старый имъ отвори желѣзна врата, крозь коя се чрезъ рѣшетку унутра видѣти могаше и онда, кад' су имъ затворена, и съ 5. степена' спустисе сад' съ гостима унутра. Ту имъ сад' искусно дѣло човѣка, еданъ грдно великій лавъ, одъ мермера изсѣченъ, као живъ у стѣни узиданъ лежаше. Старый сад', заваравши гостима очи, коснесе рукомъ истога лава, и исподъ нѣга укажу имъ се сад' друга одъ камена врата, крозь коя се сад' одавдѣ у другу улазаше пештеру: Ово е, рекне имъ, мой вѣчный домъ, а ова е, вели, прва пештера, капелица, као што видите, ерь бяу нѣколико светы' образа' и предъ нѣима сребрна кандила. Кад' одавдѣ изидьу, опетъ Старый тако лако иста врата затвори, и лавъ имъ се опетъ ту появи, да гости ни на умъ узети не могоше. Ово мѣстанце, рекне Старый, дао самъ осветити и опредѣлио самъ га за погребенѣе насъ свію. Сатимъ изидьу, и сѣдну на то зелено брашце.

Чимъ они ту сѣли бяу, и почну у село гледати, како имъ се проста дѣчица по нѣкой ту поляници играю и трче, ал'ето ти имъ нѣке Господе, до едно нѣи' 13. лица', измежду кои' наполю женска бяу. Они сви богато и чисто обучени управо къ овима на брдо подѣу. Та ови иду къ нама! рекне Милисса. Ко тѣе намъ то быти, Отаць? упыта Косара. Знате л', ко су намъ ово? приложи Прота. То тѣе Вамъ быти Г. Гаговичъ Дмитрій, а оно му е друго, вели, братъ нѣеговъ изъ Нѣегуша. Милов? Онъ, Господине, но не знамъ, кад' му е дошао. Ето они иду къ нама! А гле! повичу гости наново и почнусе смѣяти, — Та ево имъ и третѣгъ, Веселина, оногъ трбушка! Дмитрив, вели, има и свой домъ овдѣ у селу. Сад' они, видетѣи ове овдѣ на брдащцу, не хтѣше заилазити, но управъ къ овима узъ брдо. Косара, видетѣи Светозара и Чедомиля, гдѣ се ту вѣяу, зовне и', и покаже имъ странне. Медьутимъ страни имъ се приближе. Милов бѣше высокъ човѣкъ, и лѣпъ, како у струку, тако и у лицу, около свои' 40. лѣта'. Ала Господине, смѣшетѣсе Отаць Прота на Милоя, како Вамъ нѣе жао, тогъ човѣкаузъ овако брдо мучити? Ю! Ко му рече, овако гоитѣсе, рекне Милов. Веселинь, изоставши мало, стане и подбочисе: Сад' си ме брате преварио, али вышше нѣгда! едва изговараютѣи. Та тако и треба, брате, приложи Дмитриве, да ти мало тай трбуъ спласне. На то сад' и ови имъ устану, любезно се съ нѣима загрлѣе и съ добро сте намъ дошли! поздраве и'. Простите ми, Свѣтлый князь, рекне Милов Жупанъ, моя е, вели, дужность бѣла, мало и болѣе ускорити; ал' се не може. Ништа то, любезный Гаговичъ, стиснувши га за руку одговори му Старый, ништа то! Добро сте Вы нама и сад' дошли! Косара сынок! Ово намъ е Госполя Гаговичька — за Миловицу — а ову Госполю — за Дмитривницу — давно ветъ познасмо. Косара се сад' съ првомъ опетъ полюби. Три дѣтери Милоеве, и двое мужке дѣчице, не разликоваусе медьу собомъ, ков е одъ кога лѣпше и

умилніе. Они приступе сад' къ Староме и полюбе му руку. Онъ нѣи отечески прїими, и найстарію дтьерь, коя имъ текъ сад' на 16.-то лѣто ступила баше, придржавши ва руку: Ё л' намъ, вели, ово наша блицца? Нїе то, Господине, одговоре Родительи, и покажу имъ другу, одъ ове младѣу, коя у истый паръ съ Чедомильемъ поздравляше се. Како то? рекне лагано Старый Милою, Та за кою, вели, мы рѣчь имадосмо? За ову младѣу, Господине, проговори Мати, — старїя намъ е, вели, веть и испрошена. А! право! возопи Старый, то ми е драго! Е! ово су мои унуцы! Ово, намъ е Светозаръ, кога Вы, брате, веть и познаете; а ово намъ младый, Чедомиль! Косара погледи на блиццу. Дѣвойче у 14-ой години, струка дична, два округла образчитѣя нѣена као млекомъ наливена, и тиѣ нѣенъ исподъ црны' трепавица' погледъ съ найлюбезнїимъ стыдомъ, кой їой часъ на часъ лице оруменяваше, и свакоме е умилномъ чиняше, побуде нашу Косару весма. Она любко на ню осмѣнувшисе узме е за руку: Мило мое дѣте, рекне їой, као да си сестра моїой Драгиныи. Я тебе любимъ. Госпоя Мамице! поклоните Вы мени ову Вашу дтьерь, — Вы имате їошт' двѣ. Ето, ако хотѣе, я не бранимъ. Дѣвица поруменивши: Я самъ, вели, у Дубровнику познавала младогъ Господина. Мога сына? Да како! Онъ е долазіо къ нама. Ал' ми е жао было, кад' е отишао. А имашъ ты нѣега радо? срдце мое! О да! Онъ е врло добаръ! Мати се нѣена почне на то смѣяти: Богме, вели, милостива Госпоя, та каза, што їой на срдцу стои. Косари се ово допадне, она ню матернѣе загрлїи и полюби! Чисто срдце, вели, притваратисе и не умѣ. Любезна невинности! Срѣтный вѣкъ! милуютѣя е рекне. Чедомиль ту стоетѣя съ умилѣннымъ срдцемъ на то гледаше. Айде, сыне, рекне му мати, айде узми подъ руку ову Господичну! Та она е твоя познаница, а ты мени и не кажешъ. Онъ е сад' прїими подъ руку, а Светозаръ узме Марицу, старїю сестру, и тако подѣу у Дворъ.

Дошавшиимъ имъ у Дворъ запыта Старый на-само Косару, како гои се то дѣвойче допада? О Отаць! возрази она, као анѣео! любезно дѣте и съ найчистимъ срдцемъ. Та Вы сте нѣшто Гаговичьу, Отаць, о томъ и напоминали? Я самъ му, рекне Старый, мало наговѣстю; но нисамъ ти хотѣо казати, незнаютьи, хотѣе л' ти се дѣте по-вольити? Мени в, Отаць, она сасвимъ по волѣи: но при свемъ томъ, рече, я тѣу родителѣма учинити едно предложенье, и ако на нѣга саизволе, весма тѣе ми мило быти, — но изволте Вы, Отаць, нѣи по соба' проводитьи и разговарати, да я медьутимъ съ Монъ Амиемъ и младѣима ужину приправимъ.

И тако да великій асталъ у придворію на ладу поставити и ужину пристойну изнети. При ужини сад' у разговорѣу и веселой шали пробаве време и до саме нотѣи, слѣдователно зауставе госте и на вечеру.

Старый сад' и Косара у овой прилицѣ узму Жупана и Господьу нѣегову у другу собу, даду призвати и Веселина. Любезни мои, рекне имъ Князь, медьутимъ докле насъ на вечеру не позову, моя в воля ево съ Косаромъ, снаомъ моѣомъ, да се мы сад' о дѣлу нашемъ разговоримо, и по оной пословици, што тѣе быти всенасъ, нека буде вечерасъ. Вы сте прво мени за Ваше дѣте мало наговѣстили. Я самъ се съ моѣомъ Косаромъ о томъ ветъ разговарао, и ни за чимъ вышше, да на овай разговоръ додѣемо, стаяло намъ нѣе, но да и мы видимо Вашу дѣтерь, а да и Вы видите нашего сына, — и Вы сте намъ по волѣи учинили, што сте дѣте овако довели. Сад' дакле, ако намъ в одъ Бога судьено, да се опрїятельимо, и средствомъ такогъ брака наша два дома союзимо, я не бранимъ. Дѣца су намъ овдѣ. Истина, да су намъ и едно и друго гошт' за то млади: но велимъ, ништа зато! Мы посао овай можемо медьу нама сад' само уговорити, па на нѣко време и одложити га; а то тѣе быти гошт' болѣе, да се и една и друга страна гошт' мало промыслимо; или

Вы за добро налазите — Не, Господине! при'вативши Милое. Што бы смо се мы о томъ много промышлявали, ако е само Ваша воля; и ако се Вама за Вашегъ сына рано не види, за нашу дтьерь тако рано и ние, — она тье намъ скоро на 15. у годину настати, и мы, као нъени родители, болъе срѣтье за ню не желимо, него, у Вашъ е домъ дати. Она е овдѣ, — видѣли сте е. Дъвойче намъ е, Богу хвала, здраво, воспитано и научено. А е ли лѣпо? придода Трбушко смѣшетьсе, то тьемю Младогъ Господина пытати. Мы о томъ, любезный Господине, не сумнямо, рекне Косара, што се науке и воспитанія наса, — а и у прочемъ дъвойче се мени, докъ самъ е видла, допало и повольило. . . . Старый на то, потъутивши: Изволте дакле, вели, и Вы о нашемъ сыну болъе извѣститисе, — ктоне, настави, познато Вамъ буди, вели, любезни мои, и то, да овака стварь не зависи само одъ наше воле, но да видимо, вели, шта тье намъ и дѣца наша ретьи.

На ову сад' рѣчь Трбушко намъ се почне смѣяти: Мой Господине! Чествуемъ ту Вашу рѣчь, но што велите, да за то и нъи треба пытати, — ако Вы на то оставите, то е посао тай готовъ! Шта тье намъ они на то ретьи? Оно, што бы самъ и я у нъиномъ вѣку рекао, — Хотъу! па край! Едно само Ваше изреченье тако млада нъина срдца саединитье, какогодъ оне двѣ уютру капльице росе што се на зеленомъ листу една къ другой слю. А шта бы смо мы и знали, Милостивый Господине, рекне Гаговичька, о Вашемъ сыну извѣштатисе? Ние л' нама довольно, што намъ е онъ Вашъ унукъ, Вашъ сынъ, и што сте га Вы воспитали? Мы вышше не захтѣвамо, — мы смо га и видѣли.

Изъ овы' дакле рѣчій нъины' свакъ примѣтити може, да Г. Гаговичъ врло желаше съ Княземъ опрiятельитисе, и будутъи да е и разумъо быо, да су и многи други то исто одъ свое стране желили: то овдѣ сад' мало као и навалываше, боетьсе, да му се не бы овака, за свое дѣте и

свою фамилію срътна прилика мимопшла. Но и нашъ Старый, не, што бы се онъ одъ други овольшебствовати дао, ветъ призна и самъ ову прилику, да е и за домъ нъеговъ добра, еръ познаваше, као што смо и вышше рекли, онъ ову такодье благородну фамилію, и люде као весма добре и честне, — зато желяше и самъ, купно съ Косаромъ, съ овима се людма сродити и опріятельити.

Они овако у разговору на конаць согласесе, загрльсе и полюбесе пріятельски, са узаимномъ жельомъ благослова любезной своіой дѣци одъ Бога. Садъ Любомиръ съ Косаромъ, Светозаромъ, Космомъ, Милицомъ, и Ісідоромъ зовне насамо Чедомила, и пристойнымъ начиномъ ову му стварь саобшти. Благообразный юноша закрасисе у лицу. Онъ учтиво предъ Старымъ стоетьи вршетъи прсте свое слуша нъегове рѣчи. Любезный Отаць! напослѣдакъ рекне, Вы знате, да я са срътьомъ моіомъ одъ Бога, па одъ Васъ зависимъ. Зато, како Вы за добро налазите, тако нека буде. Мени се, кадъ захтѣвате, да Вамъ право кажемъ, — нѣжно смѣшетъисе рѣчь затезаше, — мени се — Но! Но! Не тая сыне оно, што ти само срдце на езыкъ произноси, — кажи слободно, дѣте мов! . . . Светозаръ, смѣшетъисе, окрене главу мало на страну, и Старый, то спазивши, стане му прстомъ претити: Ты несташко! Добродѣтель да не изсмѣявашъ! И знай, да е стыдъ свію добродѣтельій добродѣтель! Кажи ты, сыне, твоимъ Старомъ Отцу, милуютьи га рукомъ исподъ браде рекне му. — Мени се Ђлица допада, Отаць, я ню радо имамъ. Право сыне! Право повичу и прочи. Онъ на то полюби Староме руку, потомъ приступи и къ Матери. Садъ га у усхитенью чисте любви братске загрльи Светозаръ и найсердечніе га излюби. На то приступе му и прочи, и сви се съ нымъ излюбсе.

Садъ, сыне, право ми кажи и то, рекне Старый, у чему се теби Ђлица найветѣма допада? У томе, Отаць, што е — добра. Да! Да! рекне му

Светозаръ, то ти е изъ главе, ал' нѣ изъ срдца, зашто ти е на езыку было, да рекнешъ: Лѣпа. Ты тьути! одговори му братъ, — нисамъ се ни я у твоей посао мѣшао! При светѣ томъ, приложи младить, ако се Вама, любезный Отаць, и Мамице у чему не уздопада, то мени не треба. Добро, Чедомилю! Ты си ню, сыне, текъ у Дубровнику нѣколико само путій видю, и ветъ ти се допада, — ты си ню дакле срдцемъ возлюбю, но у дальемъ смотренью нѣны' душевны' качества', хотье л' ти се и разумъ са срдцемъ твоимъ согласи, да е савршенно за супругу свою имати можешъ, то тье се юшт' видѣти, — на то мы, сирѣчь на даре душевне, вышше и идемо, — премда мы сыне спрам' тебе и лѣпу хотьемо; — но признаемо, да вышше значи добра срдца и лѣпа разума дѣвицу избрати, нежели на едну само красоту лица нѣна ослонитисе. Зашто, дѣте мое, настави Косара, лѣпа дѣвица безъ други', словесной души сходны' дарова на нѣкѣй вачинъ уподоблявасе шареной лутки, или оной у Есоповой басни ларви: Глава безъ мозга. Я бы желю, Мамице, да е само и Вы толико искусите и познате, колико е я познаемъ, — найпослѣ не знамъ, можно, да су се и какве погрѣшке нѣне моме юшт' неискусноме оку и подкрасти могле; зато изволте е и Вы болье промотрити, ерѣ качество душе познати есть посао зрѣлигъ разума, нежели што е мой.

При овимъ рѣчма нѣеговымъ Старый смысленно погледавши на нѣга, пакъ на матеръ му, и потьутивши мало: Добро, Чедомилю, рекне му, добро, дѣте мое, я самъ твоимъ одговоромъ весьма задоволянъ. Но опеть, сыне, теби нетье быти песносно, мени юшт' на еданъ малый вопросъ одговорити. Шта си ты на той дѣвици юшт', кромѣ лѣпоте нѣне, примѣтити могао? кад' кажешъ матери: Мамице: Само кад' бы сте е Вы толико познали, колико я! Я ништа друго, Отаць, на нѣой у нѣколико съ нѣомъ часова примѣтити и нисамъ могао, развѣ то, да она има чисто срдце и любезну невиность. То юй се изъ самы' очю види,

и то на нъой и съ малымъ вниманіемъ свакъ при-
мѣтити може.

На ово братъ му, гледетьи доле на сподъ, у
кой нѣкимъ штапитемъ удараше, опеть ти о-
осмѣнесе. Драгиня, стовъти поредъ нъега (ербо и
она ту ушла бѣше) Е! вели, шта ти сад' опеть
смѣшно пада? Та онъ добро каже; шта е и лѣ-
ше одъ чиста срдца? и любезніе одъ невинности?
Я то знамъ: одговори Светозарь, и я таке до-
бродѣтели чествуемъ и любимъ: но ове само до-
бродѣтели нису намъ довольне къ савршенной
едне дѣвице доброты. Зашто ове добродѣтели,
ако немаю себи други' за основаніе, лако пре-
цвѣтаю; и есу саме по себи слабе, будути и чи-
сто срдце къ страстма е склонно, и сама невин-
ность, коя е само цвѣтъ добродѣтели, а и ніе
управо добродѣтель; не принесе свакій путь же-
лазма плода: — но иштесе къ савршенной до-
бродѣтели лѣпъ мораль, изображенъе срдца, бла-
гонравіе, честно одъ порока' уздржаванъе, учти-
вость, побожность, стыдъ, у дѣли' трудолюбіе, и
проча овака, коя одъ просвѣтъенъя разума зави-
се, и на нъему само утврдѣна быти могу. Брѣ
дѣте, као дѣте, свако е невинно, и свако има чи-
сто срдце: но докле? Докъ не одрасте. Е Бога
ти! Имашь ли іошт' што, што ниси изброіо? — О!
Те колико іошт'! Нужно е дѣвици кромѣ предре-
ченъ добродѣтельй, сирѣчь унутрашнъегъ изоб-
раженъя, да има изображенъе и споляшнъе, да
е лѣпо цівілизирана, да се зна у свакой прилици
са свѣтомъ обходити, да зна люде по классама
разликовати, и — Доста! Доста! молимъ те, пови-
че Драгиня, Ты бы знао тако и цѣлу нотъ чита-
ти! Да како ты мыслишь? Да се превари и онъ
у томъ, као и я? О ты! Старый, смѣшеть-
се, пружи Драгиньи штапъ: Подайдеръ му еданъ
као строгомъ избирачу у мой одговоръ! Не смѣмъ,
Отаць! Войвода е! Яо! Нисамъ Вамъ ни казала —
На то іой онъ метне руку на уста. Е мыслишь,
да те и я нисамъ видла, приложи мати, кад' си сѣо
на люлячку, па се люляшь; а тамо нѣке заповѣ-

сти младьима издаєшь! Е Бога Вамъ, Мамице! Пакъ! рекне Милисса, — младъ е! Садъ зна, што живи! Нека га Юштъ за кою годину.

Старый садъ опетъ окренесе къ младьемъ: Чедомилю, сыне! Ты намъ твою волю исказа; одсадъ е ветъ наша брига. Айде садъ иди, вели, съ братомъ, и разговарай госте; садъ тьемо и мы дотъи.

Косара сынко! Шта велишь? Овай е посао готовъ! Но како тьемо? Я нисамъ радъ, да се ово дѣло, као што они хотъе, одма садъ къ свомъ концу приведе. Да како Вы мыслите, Отаць? Моя бы воля была, баръ до Септемвриа пречекати: но шта ты мени рече, да тьепшь имъ нѣшто предложити? Я бы самъ желила, да намъ они дѣвойче заоставе кодъ насъ, да се дѣте мало нашемъ обычаю поучи, и да се съ фамиліомъ нашомъ позна, и мало сроди. То и не бы было съ горега: но я то, сынко, споменути не могу, да людма што противно не учинисе, зашто лако се помыслити може, да мы дѣте нѣино на искушенъе зауставлямо. Ако и' узможете, Отаць, или Вы Уйнице, рекне Косма, лѣпымъ начиномъ на ту мысао привести, да они сами то учинити саизволе, тако бы найболье было. Я колико на матери примѣчавамъ, они бы съ добромъ вольомъ ню оставили, приложи Милисса Косари: но Вы, Мамице, мотъятъете иайлагкше ту стваръ съ нѣомъ свршити.

Садъ ушавшымъ имъ у собу къ овымъ: Любезна Пріо! рекне Старый лагано Госпой Гаговичьки, дѣло е одъ наше стране готово: но како Вы садъ на'одите за добро, поведши е мало на страну рекне Юй. Я велимъ, придода, да оставимо мы посао овай до Септемвриа, а то тье ретъи, до три мѣсеца. Добро! Ваша Свѣтлость, е ли младитъу саобштено? И има ли дѣвойку у волюи? О да! Онъ ню милуе! Но есте ли Вы дѣвици што говорили? Хотъе ли она? Пытасмо е, но не хтѣ предъ Отцемъ изявитисе, — а послѣ мени насамо каза, да хотъе, и да она нѣега весма радо има,

кое самъ я на нбой и предъ тимъ познала: но чинила самъ се я невѣшта.

На то сад' удѣ Гаговичъ. Ха! Добро! по-виче Старый, ево намъ и пріятеля! Гаговичъ се на ову рѣчь и осмѣне. Ё ли дѣло веть до тога доведено, Господине, или ме у другомъ смыслу тимъ любезнымъ именовъ нарекосте? Ёсть, любезный мой, ёсть, одговори Старый, но да се полюбимо, и предъе наша срдца, пріятельствомъ союжена, произнесу имъ, као дѣци нашей, къ сочтанію ньиномъ благословъ. Кад' су се полюбили, рекне Госпоя Гаговичъка мужу: Шта велишь, Милое, Господинъ Пріятель радъ в одложити ово дѣло до Септемврія. Пакъ? Какогодъ Господинъ пріятель узхтѣ, онако нека и буде. Вы, пріятелю, нашу дтьерь одъ данасъ у Вашъ домъ за Вашегъ сына, и у Ваша родительска нѣдра пріимате; — она одсад' поставъ Ваша дтъи, као што в и наша; а мы остаемо вовѣки добри пріятели, пакъ сад' одлажите време, како Вы знате и како в Ваша воля.

При вечери сад' буду весели. Зазвече имъ здравице око' трапезе. Почну пѣвати и шалитисе. Наша любезна Ёлица, сѣдетъи овако при софри до матере: Мамице, вели (рекне Ёой лагано) в заръ смо мы и пріятели? чуютъи ове, гдѣ се пріятелье. На кое мати почнесе смѣяти: Моя, вели, дтъи нѣ ни знала, да смо мы пріятели. Пріятели, срдце мое, да како! одговори Косара: А бы ли ты заостала овдѣ кодъ Госпое Пріе? упыта в мати шалетьисе. Видишь, како ё кодъ ньи' лѣпо, какавъ Дворъ имаю, красне вертове, лѣпе конье, кола, па бы те Госпоя Прія почесто изводила у шетню. — Не бойтесе, и не бы сте у томъ погрѣшили, возрази Косара, я бы ню држала као мое дѣте и као мою Драгиню. Они ово као и изъ шале овако почеше, но найпослѣ тако и учине. Родители ню драговольно овдѣ заоставити обѣтаю, кое предложенье и она съ веселымъ срдцемъ пріими, но недоумѣваше сад' о томъ, како в ню мати и могла пытати: Люби ли

она младога Соколовичъа? и бы ли желила за нъега потъи? кад' су онѣ пріятельи.

Сутраданъ по ручку станусе гости спремати да подьу. Веселинь, шалъивъ, загрльи свою сыновицу и милуютьи е погледи на матеръ нъену: Ал' сте Вы, сна'о, врази! гдѣ Вы кукавно дѣвойче пописете. Ягнѣ мое мило! Продадоше ми те! Е! да! Чико, я оставѣмъ кодъ мое Госпое Прів! Но молимъ Васъ, Чико, кажите ми (лагано му рекне) зашто се мы зовемо пріятельи? Онъ на то пригне къ нѣой главу, и вѣшто їой на то рекне. Е да! Како бы то было, да се мы зато пріятельимо? Зато! Зато! Дѣте мое! Да шта ты мыслишь? Заръ е то мала стваръ? Хмъ! Боже мой! Та говорте лагано! А заръ е тайна? Но, сыне, хотьу ти пришаптати! — Е! Та то сте ми вѣть казали! Но! запытай ено и Стрыйну! Ако мени не вѣруешъ, и она тѣе ти казати! Аки бы ти я лагао! Ала Чико! Та я не кажемъ, да Вы лажете, но мыслимъ, да се Вы само шалите. Е л', Стрыйна, да се мы зато зовемо пріятельи (лагано вѣшто пришаптавши їой) — На кое ова сад' напрегнесе смѣяти: Сиде те сапеле! вели, шта му е звекнуло у главу! Пытало га сирото дѣвойче! рекне сад' мужу, до себе стоетьемъ, зашто се мы пріятельимо? А онъ їой казао, зато, вели, што ти се Тата са Старымъ Господиномъ погодіо, да му да єдну младу пауницу, а Старый нъему єдногъ сокола у промѣну. Но! Пакъ їой е и истину казао, рекне Димитріе! Истину? возрази Ёлица, — я то не вѣруемъ! Е! Ты не разумѣвашъ; зато и не вѣруешъ! придода Трбушко. Но кад' бы самъ ти казао; онда бы си видла, да тебе твой Стрыя не вара. Е! Дакле кажите ми! Я тьу ти казати, рекне їой лагано, но тако, ако тѣе кодъ тебе остати, зашто е ово тайна, кою они одъ тебе крыю. О! Само Вы кажите мени! В нисамъ луда, да коме кажемъ. Добро! Отиди ты мало на страну, да се они што не сѣте, а я тьу сад' къ теби дотьи. Она на то, као да завара прочыиа очи, одступи мало одъ нѣи, и стане за онай у преддворью расть.

Овай врагъ намигне на проче: Сад' тѣу Вамъ, вели, покварити посао! У тай паръ Воденичаръ (садашнѣй Пчеларъ) да се покаже са своимъ занатомъ, донесе ту на асталъ пуну едну паницу млада у сатѣу меда. Ха! право! повиче Веселинъ, и наклописе сад' на медъ. Сатимъ се сад' при асталу, онако на полю сѣдетѣи, мало заговоре, и Трбушко на дѣвицу и позаборави. Она доникле чекаше. — найпослѣ почне из-за раста: Пстѣ! Пстѣ! На коѣ Воденичаръ стане се обзирати. Бурямъ се овоме почне смѣяти: А што ты, вели, звѣрашь? Заръ си ты еданъ овдѣ? Сад' съ алтана повиче Косма: Старче! Чувемъ, Господине! Та камо се човѣче? Овай погледи на Буряма: Но! Я кажемъ, да мене нѣко зове! Сатимъ одтрчи, и приими нѣкѣй тѣупъ, да гостима напуни меда. Бога Вамъ, Господинъ Космо, рекне Бурямъ, Ёсте ли Вы на нѣга: Пстѣ! чинили? Нисамъ! Но! Видишь, да се ниси, дедаче, нотѣасъ изспавао. Сад' Бурямъ приступи къ Веселину, и опомене га, да га Ёлица чека. Право! одговори овай, я, вели, и заборавао. Устане и оде Ёой: но прочи ово ни на умъ не узеше. Ал' да не кажешъ! опетъ Ёой сад' рекне. Видишь, вели, Ты мене ниси разумѣла. Птица Пауница, то си ты, а Сокоо птица, то е онай младѣй братъ, сынъ Старога, — разумѣшь? Сад' дакле (растежутѣи рѣчь, видетѣи, съ каквомъ нестрипѣливостѣю желяшесе болѣе извѣстити) Ты си Пауница, е л'? Но, естъ! Я Васъ разумѣмъ, само говорите. Добро! Ты си Пауница! Слушай ме! А онъ е — Сокоо! Видишь, шта теби Чика твой каза! Ал' да тѣутишь! Она мысляше, да тѣе онъ и далѣе што ретѣи: ал' онъ положивши прстѣ на уста, да тѣутишь, вели, и поведе е. Е! Та Вы мени Ёошт' нисте све исказали, рекне му, и заустави га: Шта е далѣе? И Ёошт' ме не разумѣшь? Родители су медѣу собомъ учинили едну лѣпу промѣну о Васъ двоѣ. Ты оставишь дакле овдѣ, да се шеташъ по овомъ пространномъ Двору, као една златоперна Пауница, а Млагога мы узимамо са собомъ у Нѣгуше. Видишь каква е то срѣтъа!

Дѣвойче се сад' наоблачи: Та добро, вели, па докле тако да буде? Како докле? Тако, докле я овдѣ, и онѣ тамо? Јо, срдце мое, То се вышше не промѣнюв. Ты оставишь овдѣ одсад' дѣти нѣова, а онѣ нашѣ сынѣ. Они тѣе тебе лѣпо, кад' имѣ ты рекнешь, за кога удати, а мы нѣему имамо веть у Ньегушу дѣвицу! Тако, голубице моя, видишь, како си срѣтна! То рекне и подѣе; а она намргодѣна погледи за нѣимѣ, и, На часть Вамѣ та срѣта! повиче, мени не треба! Трбушко се засмѣе, и додѣе кѣ прочымѣ. Враже ты! рекне му Гаговичька, Ты си опетѣ у нѣчемѣ ню преварио! На то изидѣе она, и заваравши прочыма очи мане главомѣ на матерѣ, и подѣе узѣ степене. Сад' у ходнику кукавно дѣвойче, съ намѣренѣемѣ, да каже матери, да она нипошто ту остати нетѣе, зацѣнниси плакати. Но! Шта е то Блице? Шта е теби? Та шта ты слушаешь Стрыца будало? Онѣ се съ тобомѣ шали! И тако сад' едѣа е мало поврати; но казати нипошто она не хтѣ, докле имѣ годѣ Веселинѣ, коме се трбуѣ одѣ смѣя тресаше, не искаже, како е, и у чемѣ ю е преварио, — те е тако увѣре, да она само на нѣко време ту остае, и кад' Гой у чему не бы было по вољи, да се може кѣ Стрыни своѣой ситѣи. Опростившымсе гостима и родительнима нѣенымѣ, и отишавшымѣ имѣ, Косара съ матерньомѣ любовью предузме сад' попеченіе о овој молодой и беззлойной, у невиности іошт' дѣвици, какогодѣ нѣгда о любезной своѣой Драгиньи. И она за кратко време у Двору овдѣ тако се привыкне, и тако съ честномѣ овомѣ фаміліомѣ сродисе и са свима позна, као да бы се ту и родила была. Нити она толико маряше за родительскій домѣ вышше.

Данѣ по данѣ приспѣ и време, да намѣ и наша Драгиня любезно свое низложи бремене. Првѣй овай честне нѣене са Светозаромѣ любви краснѣй плодѣ появивсе у сыну, коимѣ она сад', лицемѣ на св. Константина и Блену, Светозара свога обдари, и цѣлый Дворѣ Любомира обвесели.

Дѣте бѣше крупно, лѣпо, и чисто, као што є у чистой и непорочной крви и зачето. И она се съ нѣмѣ срътно разстала. Ово є была Старомъ нашемъ Соколовичу радость, коя се описати не бы могла. Онъ садъ прѣими младенца, као нѣжный цвѣтъ, на свое трепетьутье руке. Любетъи га испусти и радостну сузу на нѣга изъ очію свои'. Онъ га є и трипутъ бабици -- старой пѣивной Евдоѣи — пружію, и трипутъ га є опеть къ своимъ, наново одушевльеннымъ прсима пригрлію, гледетьи на нѣга, и читаютьи на лицу нѣеговомъ све чертице любезнога свога Светозара, како су му очіе свѣтле съ дугима трепавицама, пуне живости и нѣке любкости. Ангѣле мой милый! опеть подлюбивши га рекне, Сунце мое любезно, кое ми гробъ мой освѣтлявашъ! Здравствуй ми и многолѣтствуй! Богъ, сыне, да на тебе свышше благодать свою изліє, као што и я радостну ову мою сузу на тебе изливамъ.

На то садъ ето ти имъ и Светозара, кой є рано съ братомъ у ловъ отишао. Ёсу л' насъ чекали на ручакъ, слазетьи съ коня повиче на служителя, и по'йти узъ широке степене горе. Весела є мати младогъ отца цѣлу фамілію, дворяне и прве слуге и служителье, у велику салу сазвала, и съ готовомъ кафомъ и на асталу ветъ колачи, ликеромъ, морскимъ грождемъ и прочима, на младитье чекала. Ево и' Отаць! повиче Косара. Любомиръ, радостанъ, утрчи садъ у салу: Тьутите, вели, Вы сви, — ништа не говорите! Садъ удѣе Светозаръ унутра, и тргне се: О! О! повиче, шта тѣе то садъ быти? Нисте л' се, вели, приправили, кога тутъи? Старый на то потргне єдну ружичну одъ свиле сvezицу: Стани, кыцоше! и сатимъ приступи му, опаше га нѣомъ, и викне на фамілію: Вежете ни єдну вѣру! Вежете! докле намъ напоиницу не да! Младить се сѣти, и почнесе смѣяти: Яо Отаць! Та йошт' и не знамъ, на што тѣу Вамъ напоиницу дати! Та Мамице! Браните ме! Чедомилю! Шта си стао? Прѣ овомъ мати га поспе пшеницомъ и цвѣтьемъ, а Старый га полюбцемъ сво-

имъ благосияше: Жена твоя, сыне сладкій, яко лоза плодovitа да ти буде! и любезна чада твоя яко гроздіе окрестъ трапезы твоя! Юноши радость и благообразный стыдъ орумени лице. Онъ се садъ полюби съ цѣломъ фаміліомъ и дворянима, па хотяше къ Драгини у собу; — но мати му то не допусти. О Мамице, чешкаютьсє, како в нѣой? Добро, сыне, не брнисе ништа! Али кажите ми баръ, шта є? Чему се имамъ радовати? На то бабица унесе у салу младенца: Сыну, дѣте мое мило, повиче, сыну се радуй! Онъ садъ, испуньенъ радости, приими любезно чедо свое, полюби га и ороси свое велике трепавице сузомъ умиленья, и предавши младенца опетъ Евдокии загрљи Старота, и наслонивши му главу на прси: Дочекасте, любезный Отаць, што сте одъ Бога желили, да видите, и на руке свое и праунуче свое приимите.

При ручку садъ увеселомъ разговорѹ и шали согласесе, да новородьеномъ младенцу *Любомиръ* име даду. Не! повиче Старый, него дѣдино име да му буде! О любезный Отаць! возрази Светозаръ, мы нашегъ родителя ни познавали нисмо! Него Ваше име, Отаць! Да бы намъ и Ваше жребіе на нѣга пало! Да бы Ваше добродѣтели съ нѣимъ наслѣдіо! и Ваша намъ лѣта доживіо. На ово сви садъ повикну: Любомиръ. Отаць! Любомиръ! Боже благослови! рекне Старый, Нека буде и тако! Шіймо му дакле за здравльє! Служитель тадъ стане точити, нѣкимъ шльивовицу, а нѣкимъ и лѣкеръ: Да намъ Богъ поживи младаго Любомира! радостно сви ускликну. Но на св. крштєнью приложе му и друго име: *Константинъ*, будутьи да се на тай данъ родіо.

Красна наша Драгиня, надъ коѣомъ є цѣла фамілія лебдила, оздрави имъ лѣпо и устане На лицу нѣеномъ ни найманъій уштрбъ не показивашесе. Светозаръ є ню (као што намъ є и познато) и предъе любіо; но садъ му є Богиня у очима была, и она є нѣему такодѣе найнѣжнія, и у любви найчувствителлія свагда и безъ найманъє промѣне

остала. Юшт' имъ се любовь дражайшимъ одъ себе плодомъ увѣтъ понавляла, и чисто имъ се подмладывала.

Они пишу у Призренъ Гд. Бучину. Яве му ову радостну вѣсть, и моле га да имъ додѣе. И тако при концу веть Аггуста додѣе имъ и овай славный мужъ съ нѣколико благородны' лица', кой такодѣ съ велиномъ радостью приими сад' на свое отеческе руке младенца, и любезнога праунука свогъ. Любетъи и благосиляютьи га рекне Любомиру: Ево брате! Узриши сыны сыновъ твоихъ! Но Богъ насъ, вели, сподоби и праунука доживѣти! — Будутьи, брате, тако благоволи Богъ, рекне Любомиръ, и полюбисе съ нѣимъ.

Любомиръ сад' пише у Ньегушь по Гаговичья, кой му съ цѣломъ своѣомъ фамііомъ додѣе. И првый данъ Септемвриа такодѣ съ великолѣпнымъ торжествомъ *Чедомилл* и *Влицу* любезни родители благословише, и они бракомъ светымъ сочетани буду. Само што мусіку другу засад' сбогъ смрти Цара Старый дозволити не могаше, развѣ мусіку доматьу, кумвале, — но б. цѣлы' дана' до излиха веселили су се.

Ево насъ, любезный мой читателю! веть и къ послѣднемъ честногъ живота Любомировогъ періоду. Онъ, кад' веть као любезна медъу пче-лама матица, посреди фаміііе свое, кою онъ срѣтно око' себе разрояваше, стоетьи, види, како в Дворъ свой и племе свое лѣпо уредіо, како га е обогатіо, колико облагородіо и прославіо, кад' види свогъ сестритья и два своя унука, у свему савршена и оженъена, и кад' веть свою фамііію посредствомъ брачногъ союза такодѣ са знатномъ и якомъ у овай земљи фаміііомъ Гаговичьевогъ савдини и опріятельи; наконать кад' види, да цѣлогъ Народа у овомъ княжеству срдце и благовольеніе себи и фаміііи своѣой толико присвои, да су га сви као отца любили, као благодушногъ мужа сматрали, и као права філософа чествовали; кад' намъ онъ то, велимъ, све види, и до чега е стѣтно успѣо позна и искуси, опо-

менесе, да е старость истинна честна, но да она не дугольтна, слѣдователно, онъ призна садъ за совѣтно, да кормило правленія, како свога дома и фамиліе, тако и цѣле ове Губерніе, као на пробу нѣку уступи своѣмъ сестрицьу Косми и двома унуцима своимъ, Светозару и Чедомилю, да види само, како тѣ му ови млади люди у дѣли' поступати умѣти. Бдно, веляше онъ у себи, да се извѣстимъ Гошт' за живота, коме, и съ каквомъ чадеждомъ я мой домъ и народъ при момъ издысанью подъ управу оставлямъ, а друго, вели, докле се и самъ Гошт' при нѣкой снази на' одимъ, могу и' у многомъ исправити, и погрѣшке имъ какве поправити, докле се, као у дѣли' Гошт' неискусни, мало и сами не привыкну и не утврде.

Зато онъ еданъ данъ зовне свою Косару, као одну жену, коя мужкій духъ и срдце притяжаваше, саобшти свою намѣру, и каже Гою ясно, изъ когъ узрока онъ то учинити намѣриваше. Она му ово одобри. Да дакле садъ къ себи призвати свога сестрицьа и оба унука, купно са женама нѣиныма. Простре имъ ту слово поученія, и одкрѣе имъ намѣру свою. Време е ветъ, рекне имъ, любезна дѣцо моя, да Вы мене, овако стара, мало у тишій животъ поставите. Притомъ, настави имъ, я Вамъ управу коначно и не предаемъ, да я себе одъ одъ свію дужностей мои' изуземъ, и само на уединьеный животъ себе оддамъ, — то не! Еръ докле Вамъ годъ я уживимъ, и доклегодъ Божія воля буде, да Вамъ и я што радити узмогу, то тѣу чинити. Одъ части я тѣу Вамъ надъ доматьи пословы настоявати; одъ части и у дѣли' публичны' бытъу Вамъ помотъникъ, у коима тѣете Вы свагда и одсадъ одъ мене и мои' совѣта' зависити. Но само, вели, изъ тога узрока я ово чинимъ, што намъ е смрти часъ неизвѣстанъ; еръ младъ може умрети, но старъ коначно мора. Зато хотѣу за Васъ раніе што, и овако у больемъ Гошт' присутству духа, што е потребно, да уредимъ, да се не бы по смрти моѣй медъу Вама какво несогласіе появило; а цѣло се благостояніе

єдногъ дома и фамиліе, какогодъ и цѣле земље и државе, на узаймногъ согласію и медъуусобной любви оснива. Зато я, за утврдити Васъ у ове двѣ добродѣтели, желимъ, да за свакогъ одъ Васъ єднако, и што є право, установимъ и узаконимъ. Ёсамъ ли пакъ я по опредѣльенью момъ добро, шта є за кога, погодію, то тѣу Вамъ одкрыти и Ваше такодѣ разсудьенье дати, и не буде ли Вамъ у чему по воли, Вы мени слободно изяви-те, — я самъ готовъ, мою погрѣшку и поправи-ти. А друго и то дѣцо моя, приложи имъ, я самъ радъ и раніе мало видѣти, како тѣете Вы, свакій на своіой точки стоимъ, дѣла своя одправляти умѣти, да свакогъ одъ Васъ могу и самъ у чему исправили и упутити га.

Я судимъ, чеда моя любезна, овако, да прво, што намъ се иманья нашего тиче, Вы у нѣму будете у свему равни. Дѣобе медъу Вама у томъ никакве да не буде. Богъ и Царъ дао намъ є, да сви задовольно имати можете. Осадъ дакле єднако радите, па єднако, као братья, у согласію и любви уживайте. О како є то лѣпо видѣти, гдѣ се братья у єдномъ дому слагати могу, и гдѣ се не чує: Ово є мое, а то є твоє! него: Ово є наше, а и то є наше, као што намъ и Чалмопѣваць на єдномъ мѣсту каже: Се, что добро, или что красно? но еже жити братіи вкупѣ. Друго пакъ чина и званія што се каса, мыслимъ, да Вамъ нисамъ ни у овомъ, дѣцо, погрѣшию, шта самъ коме опредѣлю. Я самъ на то ишаю, да што є за кога сходно одберемъ. И будутъи да Вамъ є братъ Вашъ Светозаръ самымъ Царемъ за Войводу наименованъ и потомъ, као што Вамъ є познато, у Собору Ньегушкомъ за такво га явно избранъ и потврдѣнь: зато я желимъ, да по смрти моєй онъ Вамъ на мѣсто мое, на мою столицу Княже-ску сѣдне, титулу мою онъ да наслѣди, и за Губернатора да се призна, као што намъ и у Прі-вілегіама, Вама познатымъ, стои, па койма се и самъ Царъ подписаю, и ков намъ є садъ и младый Урошь потврдію. Зато сва дѣла політичка съ

Дворомъ и Државама подь именемъ нъеговымъ да иду. Такодье и воинство, себи подчиненымъ, онъ по званію своемъ да има управляти, но тако, да онъ тебе Космо, као старіегъ брата, умѣсто мене чествуе, любви, и безъ твогъ знанья, безъ согласія съ тобомъ, ништа нити починье, нити довршуе. Дозволимо му и то, да тье онъ быти у многимъ струкама дѣла политички одъ тебе и искусніи, кое тье нъему упражненье у томъ донети: ничимъ манье онъ да свагда за дужность себи призна, свако дѣло теби саобщити.

Косма пакъ да економію свою и свію свеобшту, као и досадъ, води, и управля; но и то, сынокъ Космо, да све са знаньемъ Светозара и брата Вамъ Чедомиля буде. И како годишньи приходи, тако и расходи у дому, свой троици да се извѣстныма чине, а купно и Вашой матери.

Чедомиль съ матеромъ да Вамъ управля само домою. И онъ, како одъ матери, тако и одъ Васъ двоице, да зависи, будути да Вамъ е братъ наймладый. Али и ово само да буде у отношенью на нъеговъ вѣкъ, а у наслѣдію и благама онъ е съ Вама и остае раванъ.

Садъ, дѣцо, подь истымъ моимъ съ Вама расположеніемъ да зависите сви троица одъ ове Ваше добре, памяте и чедолюбиве матери! Да е свагда, као и досадъ, любите, чествуете, и съ нъенымъ такодье согласіемъ дѣла Ваша да извршуете и т. д. и за младье, и за све, Старый овай Господинъ нареди, коимъ наредьеньемъ они сви буду задовольни, и сви драговољно прииме одъ нъега съ отеческимъ нъеговымъ благословомъ и званіе, и у братскомъ медьу собомъ согласію почну домою и државомъ овомъ управляти, а нъега, као стара ветъ мужа, у тишій мало животь поставе, кой ипакъ на сва дѣла нъіова найприлѣжніе позоръ даваше, како му ови млади люди домою управляу, како му нъеговогъ дома благостояніе купно съ благостояніемъ народа све больма процвѣтаваше, и како му е народъ савъ, кой бы онъ почесто и онако старъ посѣтіо и ис-

пытао, у свему весео и задоволянъ. Дворъ Царскій дѣла Сведозарова такодѣ весма похвалываше.

Онъ ово све и у првой години одъ сынова свои' искусивши обрадуе се и благодари Богу. О! колико самъ я срѣтъанъ, рекао бы, и какво сладко утѣшеніе мене и у гробъ мой спроводи!

Онъ сад' простре руке свое сиротиньи, и убогима, милостынѣ раздаваше, и посведневно у цркву одходѣаше. Изъ цркве кад' бы изишао, узео бы Светолика и малогъ Любомира, съ коима бы ушао у вертъ, и ходаютьи по ньему лагано прегледао бы, како му в упослованъ. Мотрио бы око' Двора, сишао бы у касарне и посѣтио бы свога Новака, и надгледао бы воинство. Отишао бы и у фабрике, кое му се текъ подигле бя'у, гдѣ му се сваке струке сукно дѣлаше. Кадшто бы по'одио и свога Аристѣда и Пчелара, као свое старе и любезне прѣятелье, съ коима бы и по нѣколико часова у лѣпомъ и шальивомъ разговорѣ провео. Онъ сад' овако безъ труда и безъ велика попеченія живетьи чисто се наново подмлади. Онъ дочека и одъ Чедомиля свога праунуче, коме даду дѣдино име *Младенъ*. Дочека и другогъ сына одъ свое Драгинѣ, коме Светозаръ изъ любви къ матери, као Гркинѣи, *Агаѣонъ* име захтъ, на кои и прочи саизволе. По нѣкомъ времену роди и Милисса такодѣ сына, и будутъи на Ново Лѣто, тако нареку му име Василій. И овако далѣ послѣдовало е, да се Староме свагда радость къ радости прилагала.

Но случай еданъ и овдѣ, кой тѣе и слѣдовати, наруши нашемъ старомъ Херою любезну ову тишину, у коѣой се онъ само два лѣта одъ многолѣтны' трудова свои' покоя насладѣваше. Судьено му заръ бяше, юшт' еданпуть маць у руку узети, и юшт' еданпуть свѣтлый свой шлемъ на сребровласу главу свою метнути, и милкомъ своимъ отечеству на одбрану притетъи.

У еданъ лѣтній данъ при за'оду сунца додѣ му Светозаръ съ Новакомъ и Бурямомъ съ

пута. Сяшу конѣе и посадесе за асталъ, кой имъ на двору поставленъ бѣше, да вечераю. Драгиня, весела, изведе му малогъ сына Любомира, и у наручїяма донесе му и Агаѳона. Онъ сад' не знадѣше, кога тѣе пре на руке свое приимити, и кое пре онако зажеленъ полюбити. Докле онъ овако дѣцу свою милуютьи съ нѣима тѣреташе, ето му и Старогъ Отца, кой изъ верта идутьи водѣше и малаго Светолика за ручицу. Светозаръ при асталу съ прочима сѣдетъи съ умиленьемъ нѣкимъ на нѣи сад' гледаше, како малый, лѣпо обученъ и цвѣтьемъ искитьемъ, као ангѣлче, Старога нѣшто запыткиваше, и онъ му одговаряютьи часъ на часъ бы му се главомъ пригнуо. Погледайте, Мамице, рекне Светозаръ матери и прочыма ту, како ѿ, вели, то лѣпо у натури видѣти престарѣла и подъ сѣды' власи' мужа, и млада юшт' и невинна отрока! Колико ѿ, придода, велико сад' разстоянїе медьу нѣима; и срѣца имъ у беззлобію на нѣкій начинъ сходствую. Наравъ ѿ сад' и єдногъ и другогъ найкраснїя, — и колико намъ ѿ онай беззлойный младенаць мїо и любезанъ; толико намъ ѿ и Старый за нѣегову зрѣлость почитаємъ и прїятанъ. Како онъ у онакой ветъ зрѣлости своѣой задовољство себи нѣко налази и съ нѣимъ, као съ малымъ дѣтетомъ, у разговорѣ! Како ми и сад', Мамице, мило пада, кад' се оногъ времена опоменемъ, кад' ѿ онъ и съ нама тако поступао! О златно време! и любезный вѣкъ дѣтинъ! Нигда се заборавити не може! Али онъ ѿ благозрачномъ цвѣту подобанъ. Не трає дуго. Скоро прецвѣта.

То рекши устане и изидѣ предъ Старога, съ коимъ се сад' любезно полюби. Но како ѿ, сыне? Ёсте л' здраво и мирно путовали? Хвала Богу! Отаць, здрави смо были. Поздравили су Васъ Прїятель, Прїя, и сви. А были сте кодъ нѣи? Два дана су насъ задржали! Ёсу л' сви здрави? Хвала Богу! сви су здрави. Та мы, Отаць, по прїятелю Гаговичьу съ нѣима смо родъ! По нѣему, сыне, да како! Радивоя Войводе сестра ѿ

родьена наша стара Госпоя Прія Гаговичька. Сатимъ Светозаръ дигне малога на руке и додъу къ асталу. Новакъ се такодье садъ съ нѣимъ полюби и сѣдну вечерати. — Но! дѣцо! рекне Старый, пошто ветъ мало поведу, како е? Шта се чуе за тогъ? Е ли истина, да се Степанъ съ войскомъ своѣомъ къ Зенти приближава?

Новакъ. Гласъ примисмо, Господине, тай, да се съ воинствомъ своѣимъ къ Албанскимъ границама привукао, и да ту вышше одъ три Недѣлье лежи. Какво е пакъ намѣренье нѣегово, тошт' се извѣстно не зна. Едни говоре, да тьесе къ Ерцеговини окренути; други пакъ утврђаваю, да е онъ науміо Шкутаре обсеѣсти.

Светозаръ. Само да намъ онъ къ Шкутарима као за ледъа не заилзати; а лако бы съ нѣимъ было, кад' бы онъ у Ерцеговину ступіо.

Старый. Войске има много?

Новакъ. Тако казую, да много людство има, и то све Албанезе и Грке.

Старый. Како наши? Шта се разговараю?

Светозаръ. Добро! Войводе су намъ у приправности, — сваки са своѣомъ войскомъ на нокту чека. Ово дана изгледаю и на пріятеља Гаговичька, да имъ додье. Али! Отаць! Што Вамъ тай човѣкъ има момке! Да и' се чисто човѣкъ нагледати не може!

Старый. Колико има, како сте Вы изъ Дучине?

Новакъ. Данась 8. дана'.

Старый. Послѣ нисте на Ньегуше ни ударили?

Светозаръ. Нисмо, Отаць, — было намъ е заодно.

Старый. То стесе Вы дуго коегдѣ забавили! Стои л' намъ воинство у добромъ поредку?

Новакъ. Хмъ! Добро е све! Но опетъ нисмо свуд' еднако нашли.

Светозаръ. Поправили смо, Отаць, свуда, гдѣ смо што и найманье примѣтити могли.

Старый. Не чуюсе какве тужбе одъ Народа, или войника?

Новакъ. А не! Нико се засада ништа не тужи, развѣ, што се мало одъ ти' сад' бое.

Старый. По касарна' сте были?

Светозаръ. О да, Отаць! Гдѣ смо годъ дошли. Были смо и у нѣколико Магистрата'.

Старый. (Дуго потѣутивши) Я не знамъ, рече, заиста, шта е тай човѣкъ науміо? и на што тѣе найпослѣ дѣло нѣегово изити? На едну страну онъ, а на другу му сынъ, — скочили текъ Народъ узнемиривати и бунити.

Светозаръ. Не само то Отаць, но какавъ поводъ дае и другима!

Новакъ. Онъ заиста не бы требало да то чини. Га на што му врагу вышше, него што има? У Романіи толике земље и цѣлу Акарнанию! Нис му то доста?

Старый. Е мой Новаче! Не бы требало да то чини, и на што му, велишь, вышше? А требало е, да онъ Мрнячевичъа Кралемъ прогласи? А! Нис сиромашъ ни онъ у томъ кривъ, но она. Ал' тако е, гдѣ се жена у послове, кои нису за женску главу, умѣша и уплете. Синишу я добро познаемъ. Онъ е свагда еданъ честанъ мужъ быо; а сынъ му е, истый Стефанъ, такодѣ, колико се чуе за нѣега, поштень еданъ младить; — но мысле то, кад' може Мрнячевичъ Кралемъ бити, кой нис ни одъ племенитородны', зашто не бы смо мы были, кои одъ Царске крви происходимо? Одтуд' раздоръ и вражда произидѣе, и одтуд' се найпослѣ, као одъ едне варнице, и великій пожаръ може появити. И мыслишь, да тѣе само онъ еданъ бити, кой тѣе у срдце свое ту мысао пустити, да круну пожели? О! Бытѣе и' ту! и има и' ветъ и' вышше! Но не знамъ, хотѣе л' се кой медъу оныма великими натѣи, да се появи у нѣему чувство човѣчества, и да помысли на свето оно Христово изреченіе: Свако царство, ков се на вышше частій раздѣли, паштѣе. Приличнѣ бы Младый — но всуе, кад' му мати готово у свему

пали и жары, и чини по своѣй воли — приличнѣ бы, велимъ, и было, да е онъ Синишу, као свогъ стрыца, титуломъ кралъевскомъ почествовао, нежели Вукашина. Но што имъ драго! Я Боге свѣтъ раменомъ не исправи! Чинитьу, докле узмогу, све, што се мене и мои дужностій каса, да немамъ зашто Богу и моѣй совѣсти одговоръ давати, а одъ прочи како буде! Я не могу шта силомъ.

Сѣдетимъ имъ Гошт' овако при асталу, ето ти имъ едногъ човѣка на коню, кой, чимъ у Дворъ ступи, трубомъ засвиравши огласи имъ, да е курирь. Бурямъ потрчи предъ нѣга, и онъ скочивши съ коня прииде къ Староме, и поклонивши се ту свима извади нѣко писмо. Господинъ, писмо отворивши, понуди доносителя за асталъ посадитисе. Читаютьи писмо доникле ма'не главомъ! И синоть си пошао! ушытавши га. Синоть! Ваша Свѣтлость, испивши чашу вина одговори курирь, синоть, вели, Гошт', и подоцне, но морао самъ цѣлу ноть и данасъ цѣо данъ итьи. То ми е ветъ, придода, и третій конь. Буряме! повиче Старый, иди, вели, и таки момку овомъ наибольшегъ коня дай избрати и овдѣ довести. Новаче! Светозаре! Вы идите доле у касарне, и заповѣдите, да се три гарнизона одма сасвимъ на путь справе, пакъ поитите, да можете баръ два часа одпочинути, будутъи да сте съ пута дошли. А ты сынокъ, повечерай ето што скоріе, и добро се тога вина поднашій, па поити, да сутра у ово доба можешъ опетъ тамо приспѣти; — медьутимъ я тѣу съ одговоромъ быти готовъ. То рекне и поити са Секретаромъ у Канцелларію. Шта е, Отаць? упыта Светозаръ, и сви у нѣкій трепетъ приведени бя'у. Шта е? Ето то е, да морамо што скоріе итьи предъ войску, одговори Старый. Синиша, вели, са сыномъ своимъ и съ цѣломъ своѣомъ войскомъ продео е ветъ и до Шкутара' и градъ е обколіо. Ево читайте! Войводе намъ изъ военногъ собора являю и пишу, да морамо одма, безъ и найманъегъ закае-

нъенъя, путь предузети, и данъ ноть на помоть имъ итьи.

Сбунисе сад' цѣлый Дворъ. Полете имъ слуге и чиновницы на све стране. На вратъ на носъ станусе оправляти. Завриште имъ коньи, чили онако изъ шталла' изведени; завече имъ штитови, кад' и' повукоше, и заблиста имъ се спрямъ мѣсеца свѣтло оружъе, — све то за два часа буде оправљено. Светозаръ, као младъ, оде, и мало се у својой соби и наслони: но Старый, Новакъ, Бурямъ, и прочи, ту ноть и не тренуше. Сирота Драгиня, да могаше, продужила бы была она два часа, да ѳой се Светозаръ мало изспава, кой текъ што в съ пута дошао быо, опеть в овако изненадно на путь итьи морао. Она часть на алтанъ истрчаваше и гледаше, како слуге на двору Старога оправля'у, часть у собу свою на прстима улазаше и надвиравашесе надъ Светозара, како ѳой спава. Она, сузама орошена, сад' му се главомъ пригне, и полюби му румене нъегове у ти'омъ сну образе; сад' се окрене къ светомъ распятію, предъ конмъ кандило горяше, и почнесе за нъега и Старогъ свогъ Отца найчувствителнѣ Богу молити. И тако сирота и сама очію свои' не сведе. Погледала бы на Буряма, съ каквомъ веселостію и съ каквомъ се вольбомъ пустыи оправляше, какогодъ да у сватове и на весельѣ полазаше. Старый такодье, као паметанъ и благодушанъ мужъ, знаютъи, како му сад' ово цѣлой фаміліи падаше, за утѣшити е, показивашесе преко мѣре весео. Пійте момцы! повикао бы на слуге, а и на саме чиновнике военне и войнике, точ'те, вели, то вино, пакъ пійте и будите добре волье! Видите, каква намъ в лѣпа мѣсечина! Какое тье то лѣпо да се путуе! У здравлье, Юнацы! Васъ свію! Хо! Хо! Хо! На мою душу добро и нотью пада! Дѣцо! Сынови мои! Видите ли ову бѣлу браду, и ове мовсѣде власи? 52. ветъ године, одкако Вамъ я оружіе пашемъ, и Богъ ме в свагда такомъ срѣтьбомъ обдаривао, да гдѣ самъ годъ кад' съ моима людма, а найпа-

че съ любезны мои Ерцеговцы, кои' в истый духъ и у Црногорци', гдѣ самъ годъ, велимъ, съ нѣима нагао, тамо самъ продео, непріятея поразіо, и славну увѣкъ побѣду надъ нѣимъ оддржао! О! Видѣтьете Вы и сад', шта тѣе одъ оны' Албанеза' и Грка' да буде! Само то едно, да момцы на мене пазе, и штогодъ я заповѣдимъ, и преко Чиновника' имъ у комъ случаю явимъ, да онако найточнѣе извршую, па тѣемо видити, чія тѣе майка запѣвати, чія ли тѣе кукавица заплакати.

Поднапившиымсе по нѣколко пута' овако оправльенымъ суштимъ изидѣе Старый горе у саду, гдѣ сабере сву свою милу фамілію, и простре имъ слово къ утѣшенію прекрасно, особито опомене Косару и насамо, да се она ништа не брине, нити да се шта за нѣи бои, но да и' она, као мати зрѣла и паметна, тѣши медъутимъ и разговара и све проче. — На то ето ти му и Светозара, лѣпо обучена, и за нѣимъ Драгинье невеселе. А што си ню будіо? Могао си е оставити нек' спава, рекне Старый, загрљивши е. На кое Светозаръ почнесе смѣяти: Нѣе Вамъ та, Отаць, вели, ни тренула, нити е легала. Но! но! веть, возрази она, ты опеть морашъ свашта казати! Сатимъ полюби Отцу руку, и погледи га, како имъ се лѣпо бјаше, ако е и старъ, као какавъ младить накитіо. Видите ме, вели, дѣцо моя любезна, есамъ ли Вамъ, вели, сад', као другій путь, 'кад' Вамъ по вертови' гнјорамъ? Ово е животь за мене, ако хотъете да знате, животь мой, у комъ самъ Вамъ я одрастіо и остарио. По маломъ овако и веселомъ разговорю време буде, да се и опросте. Косара приступи къ Буряму, и погладивши га по образу: Буряме, сынко! Пребуди нашъ и у свакомъ случаю опоменисе насъ и любви наше! Сатимъ спусти му у нѣдра одну свилену кесицу, пуну дуката', — то исто учини и Драгиня, но заплакавшисе не може му ништа друго ретѣи, развѣ: Буряме! Ты си нашъ! На кое Старый: Нашъ, сыне, да како, вели, и кад' самъ я нѣега иучемъ одъ мое фаміліе и разлучавао? Бу-

рямъ в мое десно крыло, повиче Светозарь, уда-
раютьи га по рамену, онъ в мени штить мой пер-
натый, онъ, пакъ мой старчить Харитонъ! (кой
такое съ Аристидомъ дошао баше да и испра-
ти). Бурямъ машисе Косари руци, и любетьи в:
Милостива Господьа! рекне Юй, кажите ми, мо-
лимъ Васъ, на што ово мени? и чега самъ я кодъ
Васъ желанъ? Я чествуемъ овай красный даръ
Вашъ, и любимъ опеть руку ову, коя ми га у нѣ-
дра и на сердце мое спусти; но молимъ понизно
— Буряме! возрази Косара, ты знашь сынко мою
наравъ! Я самъ теби и сто путій рекла, да ты ме-
ни, кад' я што теби, као момъ сыну и момъ дѣте-
ту дамъ, ништа не говоришь. Онъ на то: Добро,
милостива Господьа, поклонивши Юй се рекне,
добро, вели. Увѣрите само Ваше матернье сердце,
да я нѣга разумѣвамъ, — о разумѣвамъ, и гласъ
онай изъ нѣга тьутетый чуемъ. Онъ отвара серд-
це мое, мое чувство човѣчества у нѣму. Сатимъ
полюби руку и Драгиньи, коюй само однимъ по-
клономъ главе захвали. Сад' се сви измежду ра-
достногъ: *Съ Богомъ!* и сузногъ! *Срѣтъанъ путь!*
излюбе и поврве низъ степене у дворъ на свое
халовите конье, кои имъ землю копытама бѣсно
ископава'у. Светозарь, шалетьисе съ братомъ:
Чедомилю! вели, Чувай брате жене, и забавляй
дѣцу, докле и мы додѣмо. Ао пасья вѣро! пови-
че Старый, сѣдши ветъ на коня, само да си ми
ближже, ала бы те за ту рѣчь потеглио за уво!
Ништа! Отаць, возрази Чедомиль, видимъ, вели,
да ми у той шали и завиди; но шта му знамъ,
кад' в радъ Войводитомъ быти, валя да и на войску
иде. На то Воденичарь латисе едногъ коня, кога
ту наймирнѣгъ угледа, пакъ узяше и самъ. Ха!
повиче му Аристидъ, Сад' му, вели, подайте одну
кошницу! Но штета, што му ту нѣ и Баба Пола,
да види свога Драгойла! Куражно момче! Водени-
чарь на то потера коня на нѣга, а овай бѣжи!
преко двора. Ха! Ё ли? А зашто бѣганъ одъ ме-
не, кад' нисамъ куражанъ? Сатимъ Юшт' больма
разобада кокавно клюсе, на ков Бурямъ погледи,

и плъеснесе рукама: Боже мой! Ё ли могутъе, вели, да е и Ахиллесъ страшнѣи быо? Што ти е оно текъ одъ оногъ рода! Онъ, ако е и старъ, и пчеларъ, и шта му драго, текъ се опеть нѣшто познае, да е юначке крви. Не говори, молимъ те, Буряме, повиче Арістидъ, похолитьешъ га, и примитье ти рѣчи за истинне, па га нико сносити нетъе мотъи! Овако у шали и смѣю у име Бога одтиснусе на путъ.

Новакъ е съ гарнизонима напредъ, одпустившымъ имъ курира, быо изишао, кога, возсіявшу веть сунцу на нѣки' поляна' сустигну. Сад' Соколовичи у сва околна мѣста распошлю курире, обявити народу, де войске, гдѣ се годъ коя находи, къ труппама нѣювымъ одправля, и да се къ Шкугарима сбираю. И тако стичутьимсе малымъ оддѣльеніама воинства са свію страна' подъ хоругву Княза ова уподоблява'усе малымъ поточитьима, кои слитіемъ своимъ уедно саставляю велику рѣку. Мило буде сад' Князу, кад' приспѣвши къ Шкутарскомъ езеру, и по нѣки' ту равница' воинство свое у лѣпъ редъ поставивши, 12. хиляда' пѣшака' и 8. хиляда' коняника', найдобраніи' юнака', прегледи и изброи. Нѣеговымъ долазкомъ оживи сад' страомъ утомльеный духъ градъана. Радость и све у движеніе приведе. Старѣшине града по'ите му на срѣтеніе. Окруже га сад' Войводе и Полковниці. Врата имъ се градска одъ стране езера отворе, кою страну гошт' неприятель засѣо не баше. Три е части града веть обколіо быо, но ову четврту сбогъ потѣсна мѣста измежду града и езера засѣсти не хтѣ.

Старый овай Херой, и благодущный Велизарій Србскій, сотворивши совѣтъ съ Войводама, двама Жупанима и Полковницима, како тьесе ударити, увѣраваше и моляше и', да наблюдаваю законъ военный, и да свакій Полковникъ, Чиновникъ, и самъ простъ войникъ, у испунаванью дужностейъ свои' благороднымъ начинномъ са самымъ неприятелемъ поступа, ерь не идемо мы,

веляше оиъ, противу язычника' и инородны', (ко-
шма такодье, колико право военно намъ допушта,
дужни смо човѣчество показати) него идемо про-
тиву наши' самы', — и не идемо съ намѣромъ,
ако намъ срѣтъа и дозволи, нѣи погубити, нѣи
коначно ногама нашими попрата, но идемо съ
намѣренъемъ, нѣи славно побѣдити, подѣ священ-
ну круну нашу нѣи опетъ подчинити, и у редѣ съ
нама, изъ кога они покусишесе изступити, опетъ
привести и смирити. Зато братьо моя, юнацы и
сынови мои, гледатьемо, да, ако и умочимо руке
наше у крви нѣиной, не изступимо предѣлъ и гра-
ницу, кою намъ честный нашъ военный карактеръ
полаже, и не покажемо имъ се сурови, свирѣпи,
и глупи варвари. Брѣ нисмо мы жедни неваляле
крви нѣине, но съ благороднымъ побуденьемъ
подигосмосе за славу и свеобщте благостоянъе
народа нашегъ воввати. Помыслите само то, на-
стави Князь, любезни мои, да мы сви, кои се
еданъ народъ зовемо, и подѣ едну свету круну
нашу подлежимо, едно и цивилно тѣло саставля-
мо. Тѣло е ово подобно тѣлу нашемъ физиче-
скомъ, да какогодъ што е ово, докле му обте-
ченъе крви крозь све членове еднако и безъ пре-
пятствія быва, коѣ саставля и садржава све чле-
нове нѣегове у хармоніи, здраво и къ дѣлу спо-
собно: тако и цивилно наше тѣло, докле е лѣпо
саединъено, и членови нѣегови, изъ кои' намъ се
оно састои, перебуваю у согласію и узаймной лю-
бови, кажемо, да намъ е морално здраво, и дѣла
велика свршавати способно: но како намъ се и у
овомъ нѣки членови покваре, и изъ свеобщтега
реда мало изступе, то одма, сбогъ тѣсногъ сою-
за нѣеговогъ съ прочима, цѣло и ово тѣло, као и
физическо, осѣти намъ нѣкій боль, и сви обра-
тимо очи наше на оне, одѣ кои' намъ такавъ боль
происходи. И какогодъ што одѣ тѣла физиче-
скогъ, разболѣвшой намъ се коіой части нѣе-
говой, ноги, руки, или прсту, нисмо ради потреб-
ну намъ такву часть одма одсѣти и бацити, но
пробамо и сва могутъна средства, не бы л' Юй се

се помотъи могло, да в се не лишимо; и найпо-
 слѣ, кад' ветъ видимо, да не само што се нъой
 помотъи не може, него ѱошт' боль свой на дру-
 ге око' себе частице простире: то паче одсѣче-
 мо в и' бацимо, нежели да намъ сбогъ нъе цѣло
 тѣло. страда и погине. Равнымъ начинаемъ и съ
 тѣломъ цивилнымъ поступити намъ валя, сирѣчь,
 употребити найпре могутъна средства ко испѣ-
 льеню таквы', кои су у моралну болестъ пали,
 пакъ нису л' намъ ова довольна: то чинимо оно;
 што благостояніе здравы' одъ насъ чинити изис-
 куе. Зато, велимъ, гледаймо, да, съ колико намъ
 буде могутъмо, съ маньомъ штетомъ, и съ ма-
 ньимъ одъ обѣ стране крвопролитіемъ, оддржимо
 надъ нѣима побѣду. Храбрости Ваше, крѣпке мыш-
 це, и вѣрности што се Ваше тиче, познаютьи
 Васъ, да сте Црногорцы, Херцеговцы и прави
 Србљи, нетъу Вамъ ништа ни говорити. Брѣ мое
 срдце толико в о Вама увѣрено, колико само мо-
 же правоѣ Отца срдце о любезнымъ нъеговымъ
 и вѣрнымъ сыновима быти увѣрено, сыновима,
 кои су нъему свакій путь лагровымъ вѣнцемъ гла-
 ву украшавали. Зато и суди' за добро, слово
 Вамъ паче ко умѣреню храбрости и Ваше хе-
 роическе смѣлости укратко изретьи, нежели да
 бы я што за потребно признао, Васъ на хра-
 брость побудьавати, и пламенитый духъ Вашъ
 ветъма распальвати. Човѣколюбиво Ваше ср-
 дце, и благородный Вашъ юначкій карактеръ, не
 допушта мени ни то, да Васъ опоминьемъ, да не
 бы сте Вы любезнымъ нашимъ овдѣ градъанима,
 коима мы на одбрану идемо, какавъ вредъ чини-
 ли; будутъи бы ли и могло што у натура човѣче-
 ской мрзкіе, и за морално чувство и великій
 юначкій духъ несносніе и быти, нежели оногъ
 бѣдногъ, кой исподъ неприятельска мача избѣгне,
 и Вама подъ заштиту, подъ Вашъ мачъ, и на Ва-
 ше прси юначке стра'омъ разслабленъ падне,
 увредити и какве му обиде чинити. Брѣ Римляни,
 у оно ѱошт' време као паганцы, по чувству мо-
 ралномъ нису могли опростити, но на смртъ осу-

дили су нѣкогъ юношу, кой е само одну малу птицу удавио, коя му е, бѣжетьи одъ друге нѣке изъ воздуха на прси слетѣла была, да бы е сироту онъ одбраніо. Какво дакле валя нама чувство къ людма, къ Хрiстіанима, као што смо и сами, и къ Србљима, свомъ роду, имати! Зато Вамъ кажемъ, мени е ветъ познато, да Вы, любезни мои и храбри Србљи, а нарочито Вы Црногорцы и мои Херцеговцы, мени е познато, да у Вашимъ юначкимъ прсима и човѣколюбиво срдце обитава. Градъани тѣ Васъ любезно као свое госте, свое пріятелье и одбранителье пріимити, и онымъ, што е коме Богъ дао, Васъ драговољно дочека-ти. Буде ли изъ любви, и безъ новаца, коме е могутъе, да такво што войнику свомъ учинити може, добро! пріимите учтиво и захвалите му: не буде ли то, платите имъ за све, што Вамъ се да, ерь Вы свакій, съ колико кой поштено на край изитъи може, снабдѣвени сте. Одъ непріятеля пакъ, што кой добые, то е нѣгово. Ктome юна-цы, и любезни отечества нашегъ сынови, опоминѣмъ Васъ, кои са мномя у градъ удъете, лѣпъ поредакъ военный храните и наблюдавайте. Вы пакъ, кои на полю оставе, не заборавайтесь та-кодъе на свою дужность, и не сметъите съ ума, да Вамъ е непріятель предъ очима.

И овако даље посовѣтовавши и, 16. хиљада изванъ града, кое по нѣки касарна, кое и подъ ведрымъ небомъ, ерь лѣпо бјаше, остави, а 4. хи-ляде оддѣли са собомъ у градъ повести. Онъ, на коню сѣдетъи, изсуне мачъ свой, и нѣмъ прекр-стивши воинство свое, комъ се такодъе сад' об-нажени у рукама мачеви спрямъ мѣсеца забли-стаю, подѣе съ нѣмъ у градъ, кой имъ савъ освѣтљенъ бјаше, и улице по нѣму свуд' лѣпо очиштѣене народомъ се сад' испуне, и Княза сви радости као свогъ отца најлюбезнѣе пріиме. Свако се ту по улица' утискиваше, да само види свогъ мудрогъ старца, и одъ толико година' на гласу хероя, кой имъ сад' овако подъ бѣломъ бра-домъ, у юначкомъ одѣлу, и съ голымъ у руци

мачемъ на коню предъ свои Црногорцы, како-
годъ нѣгда Исусъ Начинъ предъ Израилтяны, ули-
цомъ идяше. Не знадѣу чисто жителъи, или тѣе
нѣега тако сѣда, но у лицу здрава Юшт' и лѣпа
старца гледати, кой имъ се у очима нѣювымъ
нѣкомъ светителю уподобляваше, или тѣе мотри-
ти на младогъ нѣеговогъ унука, као на благозрач-
на юношу, исподъ кога конь варнице копитама
изъ каменья избіяше, и онъ се на нѣему виткимъ
своимъ струкомъ то на одну, то на другу страну
народу поклоняше, кои любезнымъ изъ очю свои
погледомъ своимъ све у нѣко умильенье приво-
деше. Спроводителъи нѣини, кои имъ слѣдова'у, мом-
цы найодабраніи, као да и' е една майка изродила.

Старога, као Княза, са Светозаромъ и Бу-
рямомъ допрате овако у домъ градоначалника,
а Новака съ воинствомъ, у велике касарне на
пренотѣв. Юшт' нѣима при вечери суштымъ до-
несу имъ гласъ, да имъ се непріятель, разумѣв-
ши, ко му е у градъ ушао, одъ стѣна' градски'
натрагъ повукао и узбіо. Господине младый! по-
викне весео Бурямъ, ала тѣе сутра да се крва-
ви! Онъ, нестрпѣльивъ, истрчи на градске беде-
ме, и прегледаше прострѣние оне равнице, по
коима многе ватре непріятели' као звѣзде ви-
дѣ'усе.

Другій данъ рано, чимъ восточна на небу
отворе имъ се врата, и сунце имъ изъ пурпур-
ногъ свогъ чертога младыма своимъ лучама крозь
свѣжій ютренній воздухъ високе холмове и вр-
'ове зелены' шума' позлати, огласе ти намъ се
вобни инструменти, кои сад' обѣ силне войске
у движеніе поставе. По заповѣсти Княза 8. хи-
ляда' нѣеговогъ воинства съ десне стране на не-
пріятелиа нападу, и толико съ лѣве стране. Ово
сад' наприятеля на двѣ части разстави, посредъ
кои' сад' Князь са 4000. самы' свои' коняника' по-
дѣе. Потресесе чисто сподъ земный, кад' се сад' не-
пріятель на непріятелиа устреми. Зазуи и савъ
воздухъ одъ тежке луце широки' штитова. Ко-
вляа се ту стану кршити. Бритки' мачева стане

звизга около юначки' шлемова. И тако за тилый часть обagri имъ се росно полье войничкомъ кр-влю. Гомилама поврви сад' неприятель на Кн-за и младогъ нашегъ Светозара, као на срдце цѣлога, себи противногъ воинства. Са свою стра-на' и копльа джилитке на нѣи полете, — но всу! Ёрь Херцеговцы, момцы као лавови, неодступно штитовима и' своима сад' одсвуда закланя'у, а Црногорцы, коима сад' Бурямъ началствоваше, у оклопима и съ штитовима такодѣе као люти ры-сови неприятеля предъ собомъ и око' себе на зем-лю свальива'у, и путь Староме, куд' бы се годъ окренуо, отвара'у. Сви градъяни, мало и велико, у трепету съ бедемова гледа'у. Стра'и и надеж-да сваку душу ту сад' отеготъаваше. Чась лю-ти Албанези, кад' бы потрчали, рекао бы, светѣе мотѣи ове погазити; но ови бы и', као иста стѣ-на, круто дочекивали, и приближивши имъ се та-ко бы и' люто и живо и итро напали, да бы и' све, као сноплѣе, на землю повалаляи.

Други се свуд' по полю бя'у расштркали, и на нѣке чете раздѣльени стояше и' пуцнява ме-дѣу собомъ. Еданъ по еданъ съ коня бы се текъ свало, и конь бы му, онако пусть, утркуютѣи-се вриштао. На еданъ ма'ъ сад' изниче имъ и Синиша, кой такодѣе са своимъ сыномъ, окру-женъ самым' коняницима посредь свои', устре-мисе на Кн-за и гарду нѣегову. Буряму сад' по-дивлячену, кой чисто изванъ себе бяше, выш-ше нѣе ни требало, но само да ове види. Юна-цы! продересе, овамо! Одбрано! Вы пазте на Го-сподина! Чимъ онъ ово изрекне, и на коню къ Синиши полегне, съ обѣ стране одбрание се скло-пе. Сад' колико они на Кн-за и Младогъ, толико ови на Синицу и сына му напрегнутым' силама полете. И тако сад' штитѣ узѣ штитѣ, раме узѣ раме, конь узѣ коня, — све то у едну массу сбисе и сли! Свакій сад' изванъ себе буде. Си-ниша, къ коме Бурямъ продираше, савъ блѣдъ и б зѣ напн-кervi учинисе. Само еданъ Кн-зь, кой е и Богъ зна колико путій у подобной

прилици бывао, присутствіе духа храняше, и Молода до себе ободраваше. Помѣшаннымъ тако суштымъ стои звека мачева, одъ кои' варнице, а одъ юнака' капље крви као кнша све и' окропляваше.

Наеданпутъ Князь, манувши' мачемъ на заштиту свою, коя му одма мало надесно варакне, и себи лѣпше положеніе у'вати, да знакъ трубацѹ, у рогъ дунути, на кое полете му други коняници, кои, гледаютьи на мачъ нѣговъ, како имъ ма'ну, сви се уредь ставе, и наеданпутъ пресѣку линію непріателя. Право! повиче сад' веселымъ гласомъ Старый, Бодро, юнацы! Наша в побѣда! Сад' Бурямъ, видетьи, да непріательской гарди помоть дотѣ вышше не може, будутѣи и' в Старый коняницама своима раздовоіо; као истый орао, кад' се надъ маньима птицама появи, или као кобаць, кад' медьу пилитье слети, почне и' на землю поражавати, и за вданъ часъ путъ себи къ Синиши провали, на кога сад' повиче: Синиша, брате: Предайсе! Нема ништа! Буряме! Животь му поштеди! Милета! Ранко! Иване! Держите Вы ове, бранте момка одъ нѣи! На то Бурямъ счѣпа Синишу за прси и съ нѣимъ пуфъ о землю! На кое загрми гласъ радостный народа съ бедема: Право! Вивать! Но Стефанъ, сынъ му, полети сад' Буряму за ледьа, улучивши прилику, кад' се прочи, готово сви, мало на страну одъ Буряма устремили бя'у, одъ кое стране нови оныма у помоть сад' потеку. Но лоша сад' срѣтъа и Стефану буде, ерь у истый ма'ъ, кад' онъ узмане мачемъ, да Буряма састрагъ по голой и разбарушенной глави лупи, Светозаръ га у намѣренью предудитри, и своимъ мачемъ — но тилутьемъ, да га не осакати — тако га звекне по десной руци, да му в мачъ изъ нѣе одма изскоціо, и четвѣртъ зарь часа онъ за свою руку не знадѣше. На кое народъ сад' опетъ съ бедемова то смотривши усугуби свой радостный гласъ: Вивать Младый Соколовичь!

Сатимъ сад' лѣпо обоицу и Синишу и Стефана у'вате, и простресе громовитый преко цѣле войске гласъ, да су овв у'ватъени, и да е Князь побѣду одржао. На кое Албанези и Грцы почну сад' бѣгати, но всуе! Брѣ Князь одма преко Телала яви, да койгодъ бѣга, има се убити, а кой се вреда, и самъ подъ хоругву Княза додѣе, да се помилуе, и одъ оногъ часа за вѣрна сына отечеству призна и прими. На ово сад' сви се зауставе и предаду. Градъани на то дотрче съ двоиколы, и на една метну Синишу и Стефана, као сужне, а на друга повысока и лѣпа дигну Княза и младогъ Светозара, и тако и' у градъ съ мусикомъ и пѣснено сад' у триумфу увезу.

Тай дань градъани сви, радости о срѣтеной побѣди испунъени, найсвѣтлѣемъ торжеству посвете. Частетимъ имъ се свимъ скупа градъанима и войницима, на 100. имъ е зарѣ мѣста коло младій, дѣвояка, момака и дѣце играло. Магистратъ имъ цѣлый, сва Господа и царски Чиновницы, како военногъ, тако и дипломатичкогъ реда, купно и све воинство, кое баше и по касарнама и на полю изванъ града, све се то честило, и три дана до излиха веселило.

На конаць благочестивый Князь овай своѣомъ кротостью, своѣомъ мудростью и краснорѣчѣемъ, за та три дана Синишу, коме онъ ту сваку любовь и почестъ изъ призрѣнїя къ царской фамилии показиваше, у тако чувство доведе, и о поступку своѣомъ раскаятисе учини, да се и онъ и сынъ му съ нѣимъ, као Княземъ те земље, помири, и завѣшта му се, да унапредакъ нит' тѣе онъ, нити сынъ му игда противъ Цара Уроша и противъ земље и отечества свога оружїе дити, но да тѣесе они онимъ, што имъ е у часть пало, свагда задовольныма показивати, кое завѣштаные свое они явно у цркви и клетвомъ потврде. И тако четвертый данъ сабере онъ са сыномъ своимъ опетъ воинство свое, кое имъ изъ 30. хиляда саставляшесе, и любезно съ Княземъ и Светозаромъ, са Жупанима и свима Войводама опро-

стивши се вратисе мирно у свое земље, одъ кои и дошли бѣу; а нашегъ Старогъ съ воинствомъ ньеговымъ, само допатымъ, Войводе едва и шестый данъ дома одпуге.

Ово є, любезни мои читательи, нашемъ Старомъ Соколовичу послѣдній ратъ бѣо, у комъ онъ и послѣдню побѣду срѣтно и славно одржи, и ньоме, као вѣнцемъ, све проче побѣде свое украси, и дѣла своя хероическа, у вѣчну кнѣгу писана, као златномъ побѣдомъ запечати. Онъ є и у овой битки, но само одну рану достао, Светозаръ му 3. Новакъ 2. а Бурямъ 7. Но ране су имъ ове лагке бѣле, и Старый и своимъ само балсамомъ све излѣчи, кой балсамъ онъ свагда у сраженію поредъ себе носяше.

Они су одма другій данъ по учиньеномъ сраженію и срѣтно одржанной побѣди дома у Пиперинъ явили, и фамилію свою радостномъ вѣстью обвеселили, коіой се садъ то ньколько дана дуго време учини, докле имъ се они у Шкутарима позадрже. Хиляду є заръ путій любезна наша Драгиня на зеленой онай холмъ къ растовима оныма истрчала, и своимъ окомъ Отца и Светозара одъ оне стране поискала, одъ ков имъ доты надлежаше. Она оде и четвертый веть путь съ дѣвицама у верть, и опеть свѣжа цвѣтъя набере, да оплете вѣнаць Светозару своеме, и као знакъ побѣде, кадъ га дошавшегъ загрльи, на главу му метне: а три су їой веть увенула бѣла. Любезна ньена Мати на ню садъ съ алтана гледетьи, како охотно съ дѣвицама на авліи цвѣтъе одбираше, и вѣнаць великій савіяше: Иди лудо, смѣютьи се на ню, не квари то цвѣтъе, ко зна, кадъ тье намъ они доты? Данась, Мамице, возрази она весела, данась зацѣло, овай тье момъ Светозару, момъ Войводи, на главу доты. Добро, добро, рекне мати, отитытье, вели, онъ теби и за оныма другима, ков си плела. Оне се овако разговарау, и веть око велики заранака бѣше, алъ наведенпуть загрме имъ топови, добоши, тромпете, и остали военни инструменти, на кое она садъ у

усхитенью скочи, и съ недокрешеннымъ у ружи
 жѣнцемъ на овакавъ гласъ потрчи, за коѣмъ и
 све дѣвице нѣне съ котарчицама цвѣтъя по-
 лете. Всугъ Косара, смѣютъ ѳой се, викаше е,
 да се врати и баръ лѣпо обуче, еръ на врутѣни
 бѣше у своѣмъ немару — неглиже — и у едной
 само бѣлой лѣтъной 'альници, гола грла и съ па-
 пучама на боси' ногу' предъ нѣи полетѣла, и она-
 ко у третѣтутѣой своѣой радости углѣдавши сво-
 га Светозара, кой ѳой предъ войскомъ на коню
 поредъ Старога имъ Отца и съ голымъ у ружи
 мачемъ идяше, и войницы за пѣима, сви зеле-
 нымъ шимширомъ накитѣени, ти'о имъ слѣдова'у,
 радостна распростре свое нѣжне руке: Светоза-
 ре, сунце мое ярко, повиче, и коня му за узду
 у'вати. Чиста ова радость побуди и старогъ имъ
 Отца: Помози Богъ, дѣте мое мило, рекне ѳой,
 я заустависе на коню. Отацъ сладкѣй! повикне она,
 и притрчи му ружи. На то сад' юноша съ коня
 скочи, любезно е къ прсима своимъ приключи, и
 не можесе задржати, да и онъ свою радостну су-
 зу са сузомъ нѣеномъ не саедни. Она сад' у
 овомъ енеуязму на вѣнацъ свой и позаборави,
 я мало каснѣ му на главу га дигне, — на то
 и дѣвице имъ изъ свои' котарчица' цвѣтъя
 предъ нѣи просинати стану. Светозаръ, повра-
 тившимъ имъ се мало, наново е полюби, и по-
 глѣдавши на ню насмѣесе: Драгиня, вели, моя,
 знашь ли, како ми сад' у очи падашь? Само, при-
 дода, да имашъ едну канту у руку', коѣмъ се вертъ
 полива, пакъ си иста она, кою самъ те првый
 путь у Платоновомъ верту при Агапѣини' роди-
 тельи' видѣо. Она на то нѣжно осмѣнувшисе
 поглѣди на Старога и мало се застыди: Прости-
 те ми, вели, я Богме и немадо' времена обу-
 тѣисе. Ништа то сыне, ободраваше е Старый,
 ништа то! Ништа, Драгиня, скочивши на коня
 рекне и младить, ты си, вели, зато опетъ наше
 дѣте! Хмъ! А одкад' ми ты постаде човѣкъ, кад'
 самъ я и теби дѣте? Сатимъ подѣу къ Двору,
 предъ коимъ и' сви изъ Двора радостно чека'у.

Мамице, повиче Светозаръ, знате л', вели, коме Вамъ е сад' ова Ваша дѣти у той краткой 'альници и тако боса и головрата подобна? Діани, кад' изъ лова додѣе! Молимъ Васъ, приложи, Аристиде, да ми е овако сад' абриссуете! Ту имъ се сад' сви срадуо, загрљесе и полюбе. Драгиња одтрчи, те имъ се лѣпо обуче, и Новакъ съ Бурямомъ гарнизоне у касарне одведе, и опетъ врати имъ се съ прочима чиновницима на вечеру. Додѣу имъ и изъ села Свештеницы съ Отцемъ Протомъ, Тудори, Старѣшине, Старцы, Димитриѣ Гаговичъ — Приятель њинъ — и прочи многи, кои имъ се срадова'у о срѣтњој њіовой надъ неприятельи побѣди. Старый и' зауставляше на вечеру!; но они не хтѣше. Зато позове и' све сутраданъ на обѣдъ, и да тай данъ велику и славну часть.

Повратившисе сад' нашъ Князь Любомиръ изъ рата начне опетъ у њѣдри' любезне свое фамиліе спокойствовати, утѣшенъ будутьи найпаче о земљи и отечеству, што Синишу, срѣтно побѣдивши га, смири, и опетъ га Цару и земљи, као мужа найзнатнѣгъ, поврати. Онъ стане сад' промышлявати и о воспитанію свои' праунучадій: ер' дѣца растя'у, и време њино мало помало изскиваше, да и учити почну. Онъ имъ кромѣ Ісідора, кой и' наставляше, прибави Гошт' два изредна мужа за наставнике. Ктоне онъ и самъ, колико бы му годъ време дозвољло — будутьи да онъ и сад' безъ посла не живляше — предузео бы и' и провидіо, у чему му они и колико успѣваю? Понайвышше бы пакъ онъ наставнике њине поучавао и опоминяо о начину воспитанія дѣце. Онъ бы свагда при астау на њи петоро: Светолика, Константина или Любомира (кога онъ сбогъ његовы' велики' и црны' трепавица' и лѣпы' очію, *Чарномъ* называти обычествоваше) Васілія, Младена и Агаѳона, свагда бы, велимъ, онъ на њи мотріо, и примѣчавао бы њіовъ темпераментъ, њіову наравъ, и разумъ њіовъ, и одавдѣ бы онъ за свакога одъ њи' њѣка

правила и особена изводіо, и како родителъе нѣюве, тако и нѣюве учителъе и воспитателъе увѣкъ бы опоменуо, како съ коимъ дѣтетомъ поступати валя, да се за добра и честна мужа оно изобразити може.

Онѣ истина и сву ову дѣчицу, коя му сад' нао у свомъ пролѣтью благонадеждно процвѣтавау, отечески и равномѣрно любляше, о свакомъ одѣ нѣи' попеченіе носяше, о свакомъ се одѣ нѣи' радоваше: но опеть, колико бы годъ путій на свогъ Чарноя и малогъ Агаѳона погледао, свагда бы у своимъ отеческимъ прсима сладбу їошт' нѣку симпатію осѣтіо, одѣ части зарѣ, што му ова два младенца одѣ Светозара и Драгинѣ бяу, као одѣ прве нѣегове дѣце, коя су нѣега у Елісіуму печалногъ утѣшила, и праздно му оно у срдцу нѣеговомъ родительскомъ за нѣеговымъ единцемъ мѣсто испунила: а одѣ части, што му и само естество Чарноя и Агаѳона паче проче дѣце свима добротами украсило и облагородило бяше. Онѣ низашто вышше не желяше, да дужже поживи, развѣ, да їошт' и ову любезну лоцицу свое честне крви мало больма оснажену, и одѣ погибели безопастию увиди, да му мало у болю зрѣлость и савршенній разумъ и ова дѣца додѣу; да имъ и онѣ самъ баръ нѣко къ свакой добродѣтели основаніе постави и нѣи на нѣему утврди. И Богъ е нѣему и у томъ нѣегову добру желю испунио. Годину по годину онѣ и вышше праунучадій доживи, и любезный нѣеговъ Чарноя веть и на 16-о лѣто настане, а Агаѳонѣ му 14-о навршаваше. Они му бяу здрави, красни и благонаравни; но само добромъ надеждомъ они му сад' отеческо нѣегово срдце испуни, а желасмогъ плода добродѣтели нѣюве онѣ вышше и не дочека, премда као паметанъ мужъ, умѣрено живетьи, и у свакомъ задовольству и пристойной себи одѣ любезне свое фаміліе неги послѣднѣе дане свое проводетьи, свагда здравъ баше, и при дубокой веть есени своіой цвѣтъ нѣкій на лицу свомъ храняше.

Али наступившу му ветъ и на 84-у свога вѣка годину почне му сама старость сву снагу сисати, почнесе губити, и безъ свакогъ бола стане слабити, и мало помало у тѣлу нестайше га. Напослѣдакъ толико намъ изнемогне, да и у постелю летъи принудьенъ буде. Фамілія га сад' окружи, и невесела ни очію свои' съ нъега не скидаше. Онъ погледи на свога Светозара, кой му е найчувствителни быо, и кой любезне сузе свое одъ нъега крыяше: Светозаре! сыне! слабымъ ветъ гласомъ рекне му, Ты плачешъ! А зашто? мое дѣте мило! На ову рѣчь нъегову бризну сад' и сви плакати, кои су се и тако дотле едва задржавали были. Заплаче имъ се, на нѣи гледетьи, и самъ. Примакни, сыне, столицу, бришутъи сузу свою рекне Светозару, примакни, дѣте мое, мало ближе, и сѣди овдѣ кодъ мене. Дѣцо моя! рекне имъ, чеда моя сладка! Вы жертвуйте мени кою сузу вашу. Оне су мени, као одъ мое дѣце, сладке и пріятне; ерѣ оне изъ чистогъ извора истичу: али умѣрено то ми учините и на срдцу не сокрушавайте се. Мой тѣе сад' одъ Васъ разстанакъ, и мое на вѣки одъ Васъ одсутствіе, све Васъ смутити, — но Вы немате зашто мене вышше жалити, немате зашто плакати, ерѣ Вамъ я умиремъ, као што и сами видите, у оно време, кад' ми ветъ живити не треба, и кад' Вамъ вышше низа што служити не могу, слѣдователно Вы у мени вѣштественно сад' ништа не губите. Задржите ме само у спомену Вашемъ, и често ме тимъ спомените: Овако е нашъ Отаць радіо; овако бы онъ то и то и сад' учиніо; овако е онъ насъ, Богъ да намъ га прости! учіо, да и мы чинимо; мы смо га у свему слушали, па намъ е у свему добро и было. Мы нъега по вољи Божіой и изгубисмо; мы сад' нъега вышше не чуемо: но онъ намъ е оставіо добаръ примѣръ одъ себе; оставіо намъ е полезне совѣте за насъ. Зато примѣру нъеговомъ, рецйте, да подражавамо, и по совѣту нъеговомъ да се управлямо, и тако се нетѣе у на-

шемъ благостоянію уштрбъ нашъ у ньему познати, нити тѣе намъ се срѣтъа измѣнити. Тако мыслите, дѣцо моя, тако рецѣте и тако творите, и то не уздышутѣи, дѣцо моя, не плачутѣи, но весело, опоменувшисе свагда, да самъ Вамъ я срѣтъно и довольно поживіо, срѣтъно и честно као Христіянинъ и животъ мой окончао, срѣтъне на конаць и Васъ све видіо и оставіо. О мой Свегозаре, дѣте мое мило! Давно є мени свануло! Давно ветъ я као вѣрнѣй рабъ Божій у вінограду ньеговомъ дѣламъ: а како самъ дѣлао, свима є познато, познато Богу, познато мою совѣсти. Садъ се дакле мое сунце къ западу клони. Заодъ ньеговъ мени се приближава. Послѣднѣе се луче ньегове у мрачнѣй гробъ мой собираю. Слѣдователно мой се данъ окончава, и Господинъ мой, кой ме є у овай віноградъ и послао, мене захтѣва, мене зове, да му се вратимъ и заслужену мазду одъ ньєга пріимимъ. Зато, дѣцо моя, я Васъ морамъ оставити, морамъ итѣи. На часть Вамъ сва та земна блага, слава и све сласти, за коя самъ я и одъ много ветъ година душевна моя чувства губити почео, и за коя ми одъ нѣкогъ времена и тѣлесна сва престадоше. Я идемъ пріимити друга блага, другій и новѣй животъ и нова чувства. О моя дѣцо! Онай, кой є знао живѣти, зна заіста и умрети. Да тѣете вы мой гробъ посѣтити, я о томе и не сумнямъ: но я Васъ молимъ, а особито тебе Светозаре, тебе сыне мой и преко гроба и во вѣки молимъ, немойте ретѣи: Овдѣ почива Отаць нашъ! него рецѣте: Овдѣ лежи оно земно тѣло, у комъ є Отаць нашъ 84. мѣта провео, и садъ намъ се вѣчногъ покоя, вѣчногъ блаженства, као вѣрнѣй рабъ Божій, наслаждава, и — Овдѣ тѣемо и мы, ако намъ Богъ дозволи, временомъ своимъ и наша тѣлеса низложити, и наше кости съ костима ньеговымъ сєдинити. То тѣе дѣцо быти души моюй мило, то пріятно, — а не плакати, не уздысати и мене за изгубљена држати. Онай є плача достоянъ, и онай є изгуб-

льенъ, кой ніе знао, како е на овомъ свѣту живіо, кой, мыслетьи, да се само за овай свѣтъ родіо, ніе дужность честногъ човѣка извршавао. Опеть теби говоримъ, Светозаре, опоменисе сыне, како самъ те учіо. Я съ надеждомъ сад' томъ умиремъ, да оставлямъ у теби сына по себи, кога самъ я, таланте твое познавши, тако воспитао, да умѣсто мене ты подпора нашой фамиліи будешь, да ты дѣло мое наставишь, и да наше отечество оно у теби и твоей братьи надѣе, што у мени данась губи. О Боже! Я самъ се трудіо, потѣутивши рекне, разумъ твой, сыне, толико усовршити, и нѣга тако истанчати и просвѣтити, да крозь нѣга свѣтле оне луче одъ престола, звѣздама посутогъ, на комъ намъ вѣчна истина сѣди, у срдце твое пронцаваю, и я самъ, теби, о Боже, благодаримъ, срѣтно и у томъ успѣо; а над' е то, могу ли се я и посумняти, да тѣешь ты дѣло наставити, да тѣешь сваку добродѣтель возлюбити, и вѣрнымъ се и ты у овомъ винограду Божиємъ дѣлательемъ учинити.

Помысли само, сыне, то, настави Старый, да е на тебе такво жребіе пало, да ты за многе поживишь. Опоменисе, дѣте мое любезно, оне рѣчи, кою ми е много путій Царь, као Отаць Отчества, повторіо: Остави ми у твои' унуди' Любомира! Светозарь тѣе мени умѣсто тебе быти! Онъ то не доживи. При овымъ рѣчма ударе му сузе, — онъ клоне, и мало умукне. Косара му притрчи: Ахъ Отаць! Любезный нашъ Отаць! повиче, заръ насъ веть оставляете? Мудра бесѣда' Ваша, сладке рѣчи Ваше, еда л' намъ престаю? Псть! повиче Светозарь, да се утишаю, Престаните, вели, крозь плачь едва и самъ проговараютъи, престанте, да мирно испусти духъ свой! Принесе му сад' свѣтъу, и священицы му почну ти'о молитву читати. Но онъ послѣ нѣколико мінута' опеть къ себи додѣе, погледи на све: Часъ мой додѣе! рекне имъ ти'о, но простите ми! Опростите Вы нама, сладкій Отаць!

едва проговараютьи возразе ови, простите намъ, и молитесе за насъ Богу, къ коме сад' и идете. Онъ и' све опрости, и узведе очи свое въ Богу: Отче, вели, Прими духъ мой! — Но опетъ баца слабый погледъ свой на предрагу плачну фамілію свою. Вы мыслите, едва изговараютьи рекне имъ, Вы мыслите, да мене што боле! О не! Мене, дѣцо, не боле ништа, но само — само што престаю — у мене оне — животне — а! силе! — послѣдня пара моя мени се у прси мое — купи! Но молимъ Васъ, не плачите! Не цвѣлите ту сироту дѣцу! за свое праунуке, кои у єдномъ чопоритѣ сад' сузама поливени предъ нѣмѣ ста'яю. Нити се и Вы грозите мое смрти. Она є по тупоумномъ човѣческомъ разсудьенью грозна и неприятна; иначе предъ моимъ окомъ, коимъ ветъ у ону вѣчность проникавамъ, она є добра, и єсть ми ангео мой, кой ме ево хотѣе у вѣчный животъ да уведе. — Светозаре! Чувемъ Отаць! Ево ме Отаць! привативши му руку. Ово є мати твоя, сыне! — за Косару — и мудра мати. Зато їой првенство у дому, у колико се нѣе каса, да їой се не одузима. У прочемъ, дѣте мое, люби фамілію сву, као што самъ и я тебе, сыне, любіо. Воспитавай дѣцу сву безъ разлике, као што самъ и я тебе и братью ти воспитао. Одступите мало, да їошт' єданцутъ дѣцу видимъ! Дѣца сад' предъ нѣмѣ у поо круга редомъ вклену. Онъ имъ пружи слабу свою руку: Примите благословъ мой! Будите добри! Отаць небесный да Васъ благослови! На то му дѣца полюбѣ руку. Сад' ми, вели, дигните мало главу. Косара му притрчи, и малчицо исправи га, и Светозаръ му десну свою руку подметне подъ главу, а лѣву му наслони на прси, и онъ имъ се опетъ за нѣколико магновенія сад' безъ чувства учини, и на єданъ маъ савъ стресесе. Отче, вели, и Христе сладчайшій! Прими духъ мой! То изрекне, и у любезны' наручія свога Светозара издане, и онъ му очи затвори. Светозаръ ма'не сад' рукомъ на све, те се утишаю, и дѣцу

заповѣди извести наполюе. Сви се сад' грозно заплачу; но гласа одъ себе пустити дуго не смѣд'яу. У тишкини овако Светозарь му лагано притнесе главу свою на прси његове, и тьютеть чистыма и' орошаваше сузама. На конаць мати му ти'о приступа: Доста! сыне, Доста! рекне му, Умѣресе! и сама едва рѣчи произносетьи. Умершій пожути имъ сад' као истый восакъ. Милисса, Драгиня, Ђлица, и проче ту њине дѣвице и служавке, една другу грљетьи, крсталне свое и топле сузе сасдинявау. Косара, у жалость погружена, съ прекрштеным' рукама стояше мртвацу вышше главе, и гледетьи честну тѣнь ову умѣрено плакаше. — До зоре сви се у црно обуку. Црнымъ и финымъ сукномъ — чоѣомъ — исту собу, цѣлый ходникъ, степене, и сву дужь Двора застру. 5. хиљада' войника', едни на коньи, други пѣшце, лѣпо обучени, и свакий съ црнымъ знакомъ, разсвитаютьсе дану Дворь имъ окруже. Велико имъ звоно у цркви огласи, на кое сад' сильный имъ се Народъ са свию страна' ту слегне. Другъ друга съ плачемъ обимаше: Умре намъ Господинь! вопіяу. Ахъ Отаць, брате, Отаць нашъ любезный умре намъ, а не Господинь, другий одговараше. Три дана наизмѣнце народу се у собу къ умершемъ улазити дозволи, кога заиста сви као благодѣтелногъ свогъ Отца оплакивау. И плачне су матере крозь толпу народа съ маломъ своѣомъ дѣчицомъ протуривалесе: Видите, чеда любезна, говоретьи имъ, овогъ Господина, што овдѣ лежи, видите и упамтите га! Онъ е нашъ Отаць, нашъ Благодѣтель быо. Ове су любезне рѣчи нове сузе сад' благородной овой фамілиі производиле, нова и упечатљенья у срдца Светозара и Чедомиля чиниле. Светозарь погледи на свога првенца: Чуешь ли, сыне, рекне му, ова сладка изреченія, ове любезне рѣчи народа? Упамти и' и златны словы запиши и' на срдце твоє!

Време ветъ изискиваше, да ову, многима сузама орошену грудву земље однесу на мѣсто

опредѣлено, да в она опеть у праѣ и пепео претвори. Одъ Двора до цркве имѣ Архангелске стали су у два реда войницы. Народъ цѣлый просторъ унаоколо покрьо баше. У сузама бы га окупати могли, кое су се ту Народу за нѣимъ излиле, кад' су га видели, да се веть у гробъ носи. Невинни младенцы, и просты' селяна дѣчица, на чопоритѣ предъ црквомъ стое-тъи: Ђ л' то онай Старый Господинъ, едно друго пыташе, што намъ в у школу долазио, и кнѣиге намъ доносио? што намъ в, кад' смо добро зна-ли, и новаца давао, насъ у вертъ одводио, и сво-Юмъ рукою вотья намъ брао? О! Пакъ за-што да намъ онъ умре? Такавъ добрый еданъ Господинъ!

Стара Госпоя Сарра, коя в у нѣеговомъ за-веденію у школама дѣвойчице' учила, съ 50. дѣ-войчица, едногъ возраста сушти' и у црно обу-чены', кои' свака съ котарчицомъ у руци раз-ногъ цвѣтъя баше, изидѣе сад' предъ овай свя-щенный гробъ, кой сами военни Чинovníцы но-са'у, и застирутъи предъ нѣимъ стазу ону цвѣ-тъемъ говораше: Примми душе благій овай знакъ благодарности одъ ове невинне дѣчице, коюй си ты Отаць быо, — примми съ чистомъ овомъ сузомъ, кою ти она на дугій твой путь даю! Другоячимъ си Ты цвѣтъемъ стазу любезне Твое жизни застирао; другоячѣе тѣесе и вѣнцы безсмертномъ имену Твомъ одъ нѣи' Теби спле-тати.

Сатимъ овако у великоѣпномъ Епископа и многи' Священника' и Господе спроводу донесу и спусте у цркви ову свящѣну тѣнь, и свршивши надъ нѣомъ святая съ торжественнымъ пѣніемъ унесу в у малу капелицу, у коюй сад' 50. уче-ника, сва млада и невинна Юшт' дѣчица, у црне такодѣ стихире обучена, дѣтиньскимъ своимъ, ангелскомѣ подобнымъ гласомъ одпою намъ на-шемъ Старомъ херою, и моралномъ Філософу пѣсну, одъ Ісидора сачинѣну, коя в у кратко са-државала, прво, знатна нѣегова военна дѣла,

друго, његове добродѣтели у приватномъ и на коначъ у княжескомъ животу. Оддавши му дакле съ овимъ пѣніемъ послѣднѣе цѣлованіе унесу га и изъ ове капелице у гробницу, коя имъ на сводъ, и као каква пештера огругла бѣше, — садъ многима кандилама освѣтљена и мирисомъ ароматическимъ испуњена, и ту га у мраморный гробъ положи, — и Народъ имъ се едва до саме ноћи разидѣе.

Светозаръ потомъ съ братомъ и фамиліомъ своіомъ многе милостыње разда, многе сиромашке домове, болнице и школе, у којима су се убоги ученицы благодѣянія почившегъ имъ Отца препитавали, посѣтљавајући тѣшаше и говораше имъ, да они у Старомъ ништа друго не губе, развѣ, што га више не виде; у прочемъ, што се благодѣянія тиче, оно тѣе, вели, своимъ каналомъ ити, као што е њему жививцу ишло.

Као што имъ то овај младый и благодушный мужъ съ братомъ своіомъ заиста и засвѣдочи, и свима познати даде, да у њему правый духъ Любомировъ живи, и да исто срдце Любомирово за њародъ и свакога и у његовымъ прсима бѣе: Савъ дакле садъ Народъ, фамилія и сви Дворяни, искусивши у њему второгъ себи Любомира, возрадујосе и до излиха возлюбѣ га. Благосиљаше га свака душа, и преузноша'у га похвалама свуда. Онъ, колико е быо красанъ тѣломъ, и у лицу свагда, и у зрѣломъ ветъ вѣку свомъ, толико се красанъ и благозрачанъ свима появи душомъ и срдцемъ своимъ, тако, да су у цѣлой той земљи, измѣнившусе времену, и второгъ даже вѣка, съ умиленьемъ срдца споминjali га, и уздышутѣи едно другомъ говорили: Камо намъ садъ нашъ Светозаръ, наша Драгиня; нашъ Чедомиль и његова Блица? Камо Косма и Милица? и любезна Мати наша Косара? Све и' време у вѣчный къ дражайшемъ њиномъ Отцу пресели блісіумъ!

К Р А Й.

